

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**
(посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека):
сборник материалов Международной конференции
7 декабря 2023 года

ISBN 978-5-7247-1177-7

© Уфимский ЮИ МВД России, 2023

Об издании – [2](#), [3](#)

УДК 342.7(470):341.231.14(082)
ББК 67.400.32(2Рос)я431+67.911.11я431
А43

*Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

**Под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента
А. Ю. Терехова**

Редакционная коллегия:

И. Р. Диваева, кандидат юридических наук, доцент;
Е. А. Кулеш, кандидат юридических наук, доцент;
Э. Д. Нугаева, кандидат юридических наук, доцент;
Э. Х. Рахимов, кандидат юридических наук, доцент;
Д. Р. Мамлеева, кандидат юридических наук, доцент;
Т. А. Газизьянов;
А. А. Исаев, кандидат философских наук, доцент;
А. А. Романов, кандидат юридических наук, доцент;
А. Ф. Мухаметшин, кандидат юридических наук

А43 **Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека)** [Электронное издание] : сборник материалов Международной конференции, г. Уфа, 7 декабря 2023 года / под общ. ред. А. Ю. Терехова. – Электрон. текстовые дан. 702 МБ (1,7 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1177-7

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников Международной конференции «Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека)».

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 342.7(470):341.231.14(082)
ББК 67.400.32(2Рос)я431+67.911.11я431

© Уфимский ЮИ МВД России, 2023

Научное издание

**Актуальные проблемы государства и общества
в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина
(посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека)**

Сборник материалов
Международной конференции

Редакторы

Л. Р. Байдавлетова
Е. А. Ермолаева
Р. Р. Гафарова
Е. А. Карамзина

Корректурa,
компьютерная верстка

Р. Р. Гафарова
Е. А. Карамзина

Дата подписания к использованию: 29.11.2023

Объем издания: 702 МБ (1,7 МБ)
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Тираж: 15 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Абрамян С. К.</u> ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	7
<u>Алексеев А. М.</u> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ЧАСТИ ЛИЧНОЙ ОХРАНЫ.....	10
<u>Аминов И. Р.</u> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ.....	14
<u>Ахтамьянов Р. Р.</u> К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	17
<u>Белов М. В.</u> ПОЧЕМУ НЕ УДОВЛЕТВОРЯЮТСЯ ХОДАТАЙСТВА ОБВИНЯЕМОГО О ДОПОЛНЕНИИ ДОЗНАНИЯ?...	23
<u>Гусак В. В.</u> К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКРЫТОЕ ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА.....	27
<u>Давлетов В. И.</u> ПРОПАГАНДА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА.....	30
<u>Елисеев А. П.</u> ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	36
<u>Ермолаев О. И.</u> ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ.....	38
<u>Ермоленко Т. И., Диваева И. Р.</u> К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 235 УК РФ)	45
<u>Заболотных А. А.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.....	49
<u>Каац М. Э., Абзбаева Д. С.</u> ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ.....	55
<u>Казамиров А. И., Джавакова К. В.</u> ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН – УЧАСТНИЦ СНГ.....	59
<u>Киселева А. А.</u> О ДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ПОКАЗАНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ НЕПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ПОДВЕРГАЕМЫХ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ИЛИ «ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ» ПОДОЗРЕВАЕМЫХ.....	64

<u>Латыпов В. В., Денисова Т. А.</u> ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В СФЕРЕ IT-ТЕХНОЛОГИЙ.....	67
<u>Маликова Н. В.</u> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	72
<u>Морин А. В., Кумакбаева М. С.</u> ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ АДРЕСА И ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СООБЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ.....	75
<u>Набиев Ф. Ф.</u> К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	78
<u>Насыров Р. Р.</u> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	82
<u>Нуркаева М. К., Грознова Д. Д.</u> О ЗНАЧЕНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УПК РФ.....	84
<u>Нуркаева М. К., Смирнов К. А.</u> К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ НОВОГО ВИДА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.....	88
<u>Павлова Е. В.</u> ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННЫХ СУБЪЕКТОВ.....	92
<u>Петров П. С.</u> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВВЕДЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ.....	97
<u>Попова И. П.</u> ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ, НАРУШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.....	101
<u>Сибгатуллин Ф. Ф.</u> ЭТАПЫ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ СТ. 116.1 УК РФ.....	104
<u>Соловьев Д. Н.</u> НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИРОДЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВА.....	108
<u>Улимаев Р. Ю., Кабирова Г. И.</u> КРАЙНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ.....	113

<u>Фатхиев Д. М.</u> СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОВД.....	118
<u>Федорова С. В.</u> ОЦЕНКА ГРАЖДАНАМИ СТЕПЕНИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	122
<u>Хазиева Р. Р.</u> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	129
<u>Хакимов С. Х.</u> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ БАШКИРСКОЙ АССР ПО УКРЕПЛЕНИЮ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В 50–60-Е ГОДЫ XX ВЕКА.....	132
<u>Чернова Э. Р.</u> К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ГРАЖДАН В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ.....	138
<u>Чернышев Д. Б.</u> ПРАВО НА ОТКАЗ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АКСИОЛОГИИ.....	141
<u>Янбухтин Р. М.</u> МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК И НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ.....	147

Абрамян Сюзанна Кароевна, доцент кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируются одни из самых значимых международных конвенций, ратифицированных СССР и направленных на защиту животных. Рассматриваются основные положения, налагающие обязательства на подписавшие страны. В статье приводятся конкретные шаги, которые принимал СССР для имплементации этих конвенций в свою правовую систему.

Ключевые слова: международная конвенция, советский период, защита животных, Рамсарская конвенция, Боннская конвенция.

Движение защиты животных в Европе начало свое зарождение еще в конце XIX в. В этот период популярность набирала литература, в которой развивалась тема недопустимости жестокого обращения с животными. Широкое обсуждение этой проблемы было связано с высказыванием мыслей Бентама, который один из первых заговорил о необходимости наделения животных правами, но общественной поддержки мысль философа достигла несколько позже. «Популярность» достигла пика перед Второй мировой войной, и дальнейшее развитие продолжилось лишь в 70-е гг. XX в.

Изначально движение было философским, не обязующим людей к конкретным изменениям в законодательстве. Позже движение «переквалифицировалось» в юридическое. Начали предлагаться нормативные правовые акты, был предложен новый правовой статус животных. Несмотря на то, что пути стран в плане закрепления прав животных значительно отличались, существовали общие – международные акты и конвенции.

По защите животных было немало таких актов, которые поддерживало большое количество стран, в том числе СССР. Природоохранное законодательство в советский период с новой силой начало развиваться в послевоенной период.

Знаковым событием стало принятие в 1960 г. закона «Об охране природы в РСФСР» [1]. Поскольку развитие законодательства об охране природы в СССР совпало с общемировым закреплением защиты животных представляется важным изучить, как международные соглашения

в этой сфере повлияли на Советский Союз и какие последствия были от присоединения к этим документам.

Одной из первых можно отметить Рамсарскую конвенцию, которая была принята в 1971 г. Уникальность этой конвенции заключается в том, что она основывается на экосистемном подходе, который выражается в концептуальной основе для решения экосистемных проблем и сохранение обитателей фауны и флоры от необратимого ущерба и прекращения существования. Документ стал основным регулятором охраны водно-болотных угодий. Внимание к угодьям было приковано по причине экономической значимости ресурсов, находящихся на территориях. Птицы же в данной сфере рассматриваются, как «международный ресурс» за счет их миграции и пересечения государственных границ. Договаривающиеся стороны должны способствовать охране водоплавающих птиц за счет создания природных резерватов. Резерваты, в данном случае, понимаются, как территории, где природные объекты находятся под особой защитой правительства. На таких территориях могут охраняться различные совокупности видов.

На территории Советского Союза она начала действовать в 1977 г. Водноболотные угодья, согласно конвенции, признаются значимыми при условии, что имеют особую ценность для «биологического разнообразия и регулярно посещаются большим количеством водоплавающих птиц». По таким критериям дельта реки Волги и озеро Ханки стали одними из первых советских объектов, которые попали под охрану международных сообществ. В начале 1980-х гг. список угодий, заслуживающих Рамсарского статуса в СССР, составлял 250 наименований.

После вступления в силу конвенции началось комплексное изучение данных объектов. В начале 1980-х гг. в дельте Волги проведено исследование по оценке состояния Рамсарского угодья «Дельта Волги» и численности в нем птиц [2].

Благодаря обилию и разнообразию птиц на озере Ханка это водно-болотное угодье первым на Дальнем Востоке получило статус объекта международного значения, однако полностью обязательства в рамках Рамсарской конвенции были выполнены только в 1990 г., когда был организован Ханкайский заповедник. Данная конвенция для Советского Союза имела большое значение, так как подписав документ, правительство взяло на себя обязательство способствовать сохранению и использованию объектов, попавших в Рамсарский список, что помогало сохранить стабильную экологическую обстановку на водно-болотных угодьях [3].

Другим соглашением, к которому присоединился СССР, стала Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Она была принята в 1973 г. и была направлена на признание того, что дикая флора и фауна являются неизменной частью природных систем земли, которые должны быть сохранены.

Страны, ратифицировавшие данную конвенцию, налагали на себя обязательства по регулированию и надзору за видами, которые могли находиться на стадии исчезновения или иметь тенденции к вымиранию. Советский Союз подписал конвенцию 29 марта 1974 г., а 4 августа 1976 г. она прошла утверждение в Совете Министров СССР и 8 декабря этого же года вступила в силу.

Необходимо отметить, что именно подписание конвенции оказало в будущем значительное влияние на появление в таможенных органах России функции природоохранной направленности. Действительно, уже в 1977 г. издается приказ Министерства внешней торговли СССР, в котором в списке предметов, запрещенных к ввозу в СССР и к вывозу из СССР, значились «рога сайгаков, маралов, пятнистых оленей и изюбрей, а также шкуры пятнистого оленя» [4]. Эти предметы могли быть вывезены только по особым разрешениям Министерства внешней торговли.

Следующее соглашение не было ратифицировано СССР. Боннская конвенция была подписана в 1979 г., но вступила в силу через 4 года. Конвенция ставит своей целью сохранение наземных и морских мигрирующих животных, птиц. Страны, подписавшие конвенцию, должны прикладывать максимальные усилия для защиты и сохранения мигрирующих и исчезающих видов.

Соглашения в рамках конвенции, в частности, касались летучих мышей, альбатросов и буревестников, водяных птиц, китообразных, то есть животных, к которым требовалось повышенное внимание из-за вымирания некоторых видов.

Боннскую конвенцию можно рассматривать как рамочный документ. Кроме того, допускается участие в соглашениях рамках конвенции государств, которые не являются ее сторонами. Как раз это и относится к СССР, который так и не ратифицировал эту конвенцию (как и Россия сейчас). Данное обстоятельство мешало Советскому Союзу участвовать в других соглашениях в рамках этой конвенции [5].

Одним из последних соглашений, к которым присоединился СССР стала Европейская конвенция о защите животных при международной перевозке, которая была принята еще в 1968 г. Данная конвенция вступила в силу для СССР лишь 14 мая 1991 г. Основной целью данного соглашения являлось «принять меры для прекращения травмирования» животных при перемещении.

После изучения материалов конвенций и их анализа, можно понять, что ратифицированные СССР конвенции были направлены на защиту животных и сохранение среды их обитания. Гуманное отношение зарождалось медленно, но благодаря подписанию развитие происходило быстрее. СССР ратифицировал не все возможные конвенции, направленные на защиту животных, но при этом принимались собственные указы и постановления в рассматриваемой сфере.

Список использованных источников

1. Боровик М. А., Михель Д. В. Движение по защите животных : история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 2. С. 227–252.
2. Русанов Г. М. Изучение птиц в Астраханском государственном заповеднике за столетие его существования // Русский орнитологический журнал. 2020. Т. 29. № 1918. С. 1965–1985.
3. Воробьева М. Н. Защита прав животных // В сборнике: Современные тенденции и инновации в науке и производстве : материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию филиала КузГТУ в г. Междуреченск. 2018. С. 265–267.
4. Головкин К. Г. Проблемы правового регулирования защиты прав животных в Российской Федерации // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : сборник материалов II Международной научно-практической конференции / редколлегия : О. Н. Широков [и др.]. 2017. Москва. С. 343–345.
5. Шерегина А. А., Журавлева Д. П., Лущик Т. А. Историко-международные аспекты уголовной ответственности за жестокое обращение с животными // Институционально-воспроизводственные механизмы российской экономики в условиях санкций : материалы по итогам российской научной конференции. М., 2019. С. 58–61.
6. Цыганцова С. И. Защита животных через призму прав человека: практика европейского суда по правам человека // Международные отношения и общество. 2020. Т. 2. № 2. С. 93–96.

© Абрамян С. К.

УДК 343.85

Алексеев Артем Михайлович, преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ЧАСТИ ЛИЧНОЙ ОХРАНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации и тактики применения мер безопасности в части личной охраны, тем самым обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: меры безопасности, личная охрана, правоохранительные органы, права и свободы, преступления, преступность, тактика, применение специальных средств.

Необходимо отметить, что статистика МВД России за 2023 год, относительно состояния преступности, показывает, что криминогенная ситуация находится под контролем правоохранительных органов. Также на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации отражены основные показатели, которые отмечаются снижением уровня преступности по сравнению с предыдущим годом. В целом число преступлений против личности сократилось на 5,9 %, в том числе изнасилований и покушений на изнасилование – на 15,8 %. Несмотря на данные характеристики, вопрос об обеспечении прав и свобод человека и гражданина стоит довольно остро. Каждодневно совершаются новые преступления, которые изменяются под условиями высокой информативной и технологической осведомленности злоумышленников. Именно по этой причине разрабатываются современные методики в части личной охраны, подвергаются анализу и переоценке действующие нормативные правовые акты.

Участники уголовного судопроизводства нередко становятся главной мишенью преступников. Свидетельские показания и показания потерпевших могут стать роковыми для данных лиц. В отношении свидетелей, близких родственников потерпевших и самих потерпевших совершаются новые преступные деяния в целях освобождения от уголовной и иной ответственности. Помимо вышеуказанных лиц, повышенные меры по защите жизни и здоровья от преступных посягательств применяются к должностным лицам, судьям, а также лицам, осуществляющим правоохранительную и надзорную деятельность.

Деятельностью по защите лиц в части личной охраны занимаются подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Нормативно-правовая база относительно применения сотрудниками подразделений МВД специальных средств отражены в п. 1 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции» [1].

Под термином специальные средства необходимо понимать, как состоящие на вооружении полиции и применяемые ею в случаях и порядке, предусмотренных ФЗ «О полиции», технические средства, в том числе устройства, вещества, предметы, а также служебные животные, прямым назначением которых является принудительное физическое воздействие на человека и материальные объекты [4].

Применение специальных средств и огнестрельного оружия предусмотрены определенной ситуацией, возникающей при непосредственном опасном посягательстве, которое может нанести ущерб как защищаемому лицу, так и сотруднику полиции. В статье 22 ФЗ «О полиции» устанавливаются запреты и ограничения на применение сотрудниками полиции спе-

циальных средств. Специальные средства служат надежной опорой охраны гражданина, позволяют существенно снизить риски незаконного проникновения в жилые помещения, и обеспечивают слежку за зоной нахождения защищаемого лица. Такие специальные приборы, как, к примеру, приборы ночного видения, позволяют сотрудникам государственной защиты обеспечивать безопасность объекта в любое время суток и при любых погодных условиях.

Сотрудники подразделений государственной защиты, закрепленные за определенной территорией или по месту проживания защищаемого лица, обязаны наблюдать за нахождением этого лица, обстановкой вблизи объекта и различными изменениями, которые были замечены в зоне досягаемости. В момент несения службы на объектах сотрудникам запрещено вступать в диалог, заниматься иной деятельностью, не связанной с несением службы, поскольку данные действия могут нарушить бдительность.

Личная охрана обеспечивается не только по месту жительства защищаемого лица, а также в иных местах его нахождения и передвижения.

Лицо, которое может быть подвергнуто нападению, обеспечивается защитой путем ограждения и гарантий физической контратаки при постоянном визуальном наблюдении сотрудников численностью не менее трех человек.

Зона перемещения защищаемого лица также является объектом особого наблюдения, включает в себя любые передвижения, не относящиеся к месту работы, учебы и проживания. К ним относятся пешие прогулки, проезд на общественном и автомобильном транспорте, посещения кафе и ресторанов, спортивно-массовые и общественно-культурные мероприятия и т. д. Для сотрудников подразделений государственной защиты данная зона является самой незащищенной и уязвимой, поскольку не является изученной, а, следовательно, угроза нападения может иметь различные виды. Согласно обзору преступности в РФ, нападения с насилием на защищаемое лицо совершаются именно в момент его передвижения, вне нахождения места жительства [2].

Помимо визуального наблюдения и непосредственного нахождения и работой с сотрудниками подразделения, лицам, находящимся под государственной защитой, выдаются средства связи и оповещения об опасности – телефон или тревожные кнопку, вызов с которой поступает на пульт личной охраны.

Кроме того, обеспечивается полная конфиденциальность сведений о своих подопечных, скрывается и изменяется личность лиц, в некоторых случаях стираются данные в социальных сетях и иных источниках массовой информации, чтобы злоумышленники не могли воспользоваться личной информацией о них.

Действительно, в обязанности полиции может входить изменение документов, а при необходимости даже внешних данных защищаемого ли-

ца, даже содействие в переселении в безопасное место или вовсе на другое место жительства, причем как на территории определенного субъекта, так и за его пределами. Данные меры могут применяться как отдельно, так и комплексно, в зависимости от ситуации и предполагаемой угрозы. Опасность может возникнуть в любой момент времени вне зависимости от нахождения преступника в местах лишения свободы. Преступное посягательство может исходить как от самого преступника, так и от подельников и его сообщников, именно поэтому защита не ограничивается временем. Государственная защита продолжается ровно до тех пор, когда лицу, находящемуся под государственной защитой, больше ничего не грозит. Все меры безопасности в области личной охраны являются дорогостоящими и ограниченными в производстве, а средства на их исполнение выделяются из государственного бюджета.

Но следует отметить, что эффективность функционирования института государственной защиты участников уголовного судопроизводства на данный момент невысока. Необходимы дальнейшая отработка нормативно-правовой базы, внедрение новейших средств техники, отработка новых методик, условия для более тщательного обучения квалифицированных сотрудников данного института безопасности. Приведение в исполнение пунктов нормативных актов недостаточно отработаны законодательством, что выражается в отсутствии рационального разделения труда и его рациональной организации внутри института, так как выполнение многих функций зависит от отдельных лиц, их личностных качеств и интересов. Некомплектность сотрудников данного подразделения ставит в тупик дальнейшую разработку мер безопасности и в целом развития этого института. Проблема проявляется в недостатке квалифицированного персонала, материальных и финансовых средств [3].

Данное подразделение отвечает за защиту важнейших прав человека и гражданина, а именно за защиту жизни и здоровья. Дальнейшая разработка мер безопасности в части личной охраны может значительно повлиять на всю криминогенную ситуацию в Российской Федерации, причем в достаточной мере снизить преступления против личности.

Список использованный источников

1. О полиции : федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Лукинский А. В. Становление и развитие института государственной защиты (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М. : 2013. С. 65.
3. Шарипов А. Б. Государственная защита участников уголовного судопроизводства : проблемы уголовно-процессуального характера : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 81.

4. Брусницын Л. В. Государственная защита участников уголовного процесса : перспективы развития законодательства // Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства : материалы межведомственной науч.-практ. конф. М. : ВНИИ МВД России, 2012. С. 162.

© Алексеев А. М.

УДК 342

Аминов Ильдар Ринатович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимодействие органов местного самоуправления с органами государственной власти в закрытых административно-территориальных образованиях. В связи с тем, что муниципальное право в Российской Федерации находится на стадии становления, необходимо знать отличие закрытых административно-территориальных образований от видов муниципальных образований. Для того чтобы выявить данные отличия, необходимо обратиться к законодательству Российской Федерации на федеральном и региональном уровне, а также раскрыть полномочия, которыми они обладают.

Ключевые слова: муниципальное право, закрытые административно-территориальные образования, органы государственной власти, органы местного самоуправления, полномочия, правовой статус.

В связи с развитием муниципального права в Российской Федерации появился вопрос о создании особого вида административного территориального образования, которое будет заниматься научно-исследовательской работой на благо государства и содержать в себе государственную тайну, так как исследования, которые проводятся внутри, связаны с обеспечением целостности, независимости и свободы народов, населяющих обширную территорию Российской Федерации.

Для того чтобы раскрыть правовой статус закрытых административно-территориальных образований, а также их взаимодействие с органами

государственной власти и органом местного самоуправления, необходимо дать определение. Закрытые административно-территориальные образования – это административно-территориальные образования, которые созданы для обеспечения, исследования, обработки оружия массового поражения, радиоактивных отходов и других веществ, представляющих повышенную опасность для человека.

В настоящее время в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) закреплены полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения безопасности, законности и правопорядка, которые детализируются в специальном законодательстве [1].

Согласно ФЗ № 131 закрытое административно-территориальное образование имеет статус городского округа, в связи с этим обладает определенными признаками [1].

Во-первых, оно имеет органы местного самоуправления, задачей которых является обеспечение и создание условий сотрудникам предприятий для осуществления своей деятельности.

Во-вторых, устанавливается особый режим безопасного функционирования. Это означает, что вход строго ограничен и разрешен только сотрудникам предприятий данного города.

В-третьих, имеется охрана государственной тайны, все исследования, которые проводятся, затрагивают интересы Российской Федерации и имеют колоссальное значение для государства, поэтому крайне важно сохранять конфиденциальность о происходящих разработках.

В-четвертых, имеются специальные условия проживания. Это связано с опасными условиями труда на предприятиях и большим риском заражения онкологическими заболеваниями.

Взаимоотношения органов местного самоуправления с органами государственной власти в Российской Федерации основываются на модели взаимодействий, где ключевым звеном является идея взаимозависимости и сотрудничества [3].

Для обеспечения функционирования деятельности закрытых административно-территориальных образований привлекаются органы государственной власти и органы местного самоуправления. Так как территория является закрытой, то на ней не может развиваться предпринимательская деятельность и запрещено создавать индивидуальные предприятия или юридические лица. По сути, закрытое административно-территориальное образование находится на полном государственном обеспечении.

Далее можно выявить некоторые функции, которые характеризуют правовой статус закрытых административно-территориальных образований.

Во-первых, это административно-территориальная единица, то есть территория, которая обладает своей собственной администрацией и управ-

ленческим персоналом для осуществления целей и задач ради, которых оно было создано.

Во-вторых, это административно-территориальное образование на территории, которого проходит разработка, исследование, обработка полезных ископаемых, имеющих повышенную техногенную опасность для жизни и здоровья человека.

В-третьих, это обеспечение безопасности государственного строя Российской Федерации и создание оружия массового поражения для защиты от внешних угроз и покушения на независимость государства.

Таким образом, исходя из данных функций можно выявить тот факт, что закрытые административно-территориальные образования в ходе своей деятельности подвержены различным рискам, которые влекут за собой катастрофические последствия как для целого региона, так и страны.

В соответствии с Законом Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» [2] можно выявить следующие особенности создания, преобразования, упразднения закрытого административно-территориального образования.

Во-первых, закрытые административно-территориальные образования создаются по принятию Президентом Российской Федерации решения об их создании.

Во-вторых, предложения по преобразованию или упразднению закрытого административно-территориального образования вносятся Правительством Российской Федерации.

В-третьих, предложения по установлению и изменению границ закрытого административно-территориального образования могут вноситься Правительством Российской Федерации, но только после согласования с органами государственной власти субъекта Российской Федерации.

Далее следует выделить проблемы, которые связаны с особым статусом закрытых административно-территориальных образований.

В первую очередь это большой фактор риска возникновения техногенной катастрофы при изучении, обработке и разработке оружия массового поражения. Вещества, с которыми работают сотрудники предприятий, до конца не изучены и могут произойти непредвиденные обстоятельства, которые повлекут за собой последствия не только для конкретного региона, на котором находится это предприятие, но также для страны и всего земного шара (последствия аварии чернобыльской атомной электростанции ощущаются до сих пор, хотя она произошла более 30 лет назад).

В связи с этим мы считаем, что необходимо очень требовательно относиться к сотрудникам, работающим на таких предприятиях, а также к мерам безопасности, чтобы можно было максимально обезопасить окружающую среду при возникновении чрезвычайной ситуации.

Вторая проблема вытекает из того, что государство выделяет недостаточные суммы на производство всех необходимых исследований, так как

в настоящее время помимо оружия массового поражения требуется проведение комплекса мероприятий по созданию новых технологий в сфере утилизации радиоактивных отходов.

Таким образом, необходимо создание полигонов для утилизации и переработке радиоактивных отходов в безопасный источник энергии, который можно использовать в военных и научных целях.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что закрытые административно-территориальные образования нуждаются в постоянном контроле со стороны государства и помимо развития оборонно-промышленного комплекса и создания нового вооружения на основе имеющегося опыта нужно заниматься вопросом экологически правильной разработки радиоактивных отходов, которые не будут причинять вред окружающей среде.

Список использованных источников

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

2. О закрытом административно-территориальном образовании : закон Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 (с посл. изм. и доп. от 15 апреля 2022 г. № 91-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2023).

© Аминов И. Р.

УКД 343.102

Ахтамьянов Руслан Ренатович,
старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена обозначению круга проблем, возникающих при попытках дать исчерпывающее определение понятию «следственные действия» как основного элемента уголовного процесса с точки зрения собирания доказательств в ходе уголовного судопроизводства. Во-первых,

отмечается наличие пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве в части нормативной регламентации следственных действий, например, отсутствие четкого легального определения следственных действий в структуре процессуальных действий в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Во-вторых, обозначаются основные теоретические подходы к рассмотрению данной правовой категории, предложенные исследователями в российской юридической науке. В-третьих, обращается отдельное внимание возможностям и вызовам при производстве следственных действий в период экспоненциального роста и распространения информационных технологий и цифровой трансформации традиционных правовых институтов, в том числе института следственных действий, например, применения видео-конференц-связи (далее – ВКС) при проведении следственных действий, использования цифровых документов и фотографий в качестве доказательства и т. д.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальные действия, следственные действия, цифровизация досудебного производства по уголовным делам.

В основе современного уголовного судопроизводства лежат следственные действия, выступающие важным элементом доказывания и связанные с собиранием, проверкой и оценкой доказательств в целях установления фактов и обстоятельств совершения того или иного преступления (ст. 85 УПК РФ) [1]. Основная задача проведения следственных действий сводится к формированию качественной доказательственной базы с точки зрения достижения провозглашенных принципов относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ) [1]. Доказательства, собранные и оцененные в результате проведения следственных действий, выступают в качестве опоры принятия должностным лицом обоснованных решений в ходе предварительного следствия. Особое значение следственных действий при собирании доказательств по уголовному делу объясняется их значимостью с точки зрения обеспечения конституционных прав и законных интересов граждан [5].

В качестве основы уголовно-процессуального регулирования следственных действий выступает УПК РФ, принятый 18 декабря 2001 года и определяющий общие правила проведения следственных действий (получение согласия суда на производство некоторых следственных действий, фиксация хода и результатов следственных действий, особенности производства отдельных следственных действий) (ст. 164 УПК РФ) и виды следственных действий (осмотр, эксгумация, освидетельствование, обыск, следственный эксперимент, допрос, очная ставка и т. д.). Несмотря на активное использование понятия следственных действий в статьях УПК РФ, данный нормативный правовой акт не предлагает четкого определения данного термина, рассматривая его лишь как разновидность процессуаль-

ного действия наряду с судебным и иным действиями (п. 32 ст. 5 УПК РФ) [1]. Это, в свою очередь, создает серьезные проблемы, связанные с дифференциацией процессуальных действий и идентификацией отличительных признаков, так как предоставляет информацию только о том, что следственное действие является процессуальным действием. Подобная ситуация с отсутствием четких определений и единых формулировок может приводить к проблемам при практической реализации досудебного производства и проведении следственных действий в виде снижения качества предварительного расследования и правосудия в силу присутствия пробелов и возможностей для неправильного и некорректного понимания отдельных положений [5].

Исходя из представленной в УПК РФ информации, можно сделать вывод о том, что следственное действие представляет собой определенное процессуальное действие, отличное от судебного и иного действий, осуществляемое компетентными органами, регламентированное уголовно-процессуальным законодательством с точки зрения общих правил их проведения, ориентированное на собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств совершения преступления.

В отечественной юридической науке предлагаются различные трактовки данного понятия. Например, одним из наиболее распространенных подходов к определению следственных действий является их рассмотрение с узкой и широкой точек зрения с акцентом на субъект, уполномоченный проводить следственные действия в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. В широком смысле к ним относятся все действия, осуществляемые следователем, в узком – те процессуальные действия, которые непосредственно связаны с собиранием доказательственной базы по уголовному делу в рамках предварительного следствия [11]. Предпочтение отдается в пользу второго подхода, так как широкая трактовка признается устаревшим подходом, приводит к необоснованному расширению понятия и не конкретизирует обстоятельства осуществления подобных действий. Имеется и иной подход к разграничению узкого и широкого подходов к определению следственных действий. В широком смысле под ними понимаются все юридические процессуальные действия, а в узком – только те, которые имеют познавательный характер (например, осмотр, допрос и т. д.) [12].

С. А. Шейфер для определения понятия «следственные действия» предполагает расщепить его на две компоненты: познавательную и процессуальную. В первом случае следственное действие рассматривается как способ или метод собирания доказательств посредством извлечения информации из следов события, а во втором – как специфический институт уголовно-процессуального права, реализуемый в правоотношениях между его участниками [6]. При объединении данных компонентов в единое целое следственное действие рассматривается как «комплекс регламентиро-

ванных уголовно-процессуальным законодательством и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [13].

В основе следственного действия как любого человеческого действия, т. е. осуществления какой-либо практической деятельности, лежит целенаправленность, определяющая сущность и необходимость их проведения. Основной целью процессуального действия является получение информации для принятия соответствующего решения в рамках уголовного дела, в то время как целью следственного действия, включенного в структуру процессуальных действий, выступает сбор и проверка доказательств по уголовному делу. Исходя из цели проведения следственных действий, под следственным действием может пониматься «предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством процессуальное действие, производимое уполномоченным лицом в целях сбора, проверки и оценки доказательств, состоящее в ряде операций (поисковых и удостоверительных), направленное на выявление, восприятие и закрепление доказательственной информации» [3].

Л. И. Малахова предприняла попытку обобщения отличительных признаков следственных действий, в числе которых можно обозначить обязательную обеспеченность их производства мерами государственного принуждения, познавательно-удостоверительный характер действий, правовую природу действий и их детальную процессуальную регламентированность, допустимость производства следственного действия только в связи с расследованием, за исключением следственных действий, определенных в ст. 144 УПК РФ, т. е. наличия правового и фактического основания, а также соответствие нравственным принципам и нормам [7].

Основная ценность изучения теоретических подходов к определению следственных действий состоит в возможности формулирования базового определения, сочетающего и включающего в себя наиболее значимые и отличительные признаки следственных действий. Таким образом, на основе проведенного обзора можно сделать вывод о том, что следственное действие представляет собой разновидность процессуального познавательного действия в виде поисковых и удостоверительных операций, осуществляемую компетентными органами (следователями, органами дознания) в связи с наступлением обстоятельств для начала подобных действий (правовых и фактических) в соответствии с общими и специфичными правилами уголовно-процессуального законодательства по сбору, проверке и оценке доказательственной базы в рамках уголовного дела.

Экспоненциальный технологический рост и полномасштабное проникновение информационных технологий в разные сферы общественной жизни ведет к противоречивым последствиям: цифровизация уголовного

судопроизводства, с одной стороны, открывает новые возможности производства следственных действий при собирании доказательств путем использования потенциала цифровых технологий, снижения ресурсной нагрузки и рационализации расходов на их проведение при повышении качества предварительного расследования, но с другой – создает серьезные риски и вызовы и даже ведет к увеличению преступности. Так, в течение последних лет наблюдается устойчивый рост преступлений в сфере информационных технологий (киберпреступления, дистанционное мошенничество, дистанционные хищения и т. д.). Согласно данным, представленным МВД России, в январе–августе 2023 г. доля подобных преступлений достигла 32,9 % от общего числа преступлений, а по тяжким и особо тяжким – 56,4 % [10]. Текущая ситуация обозначает значимость повышения качества следственных действий, в том числе за счет использования возможностей цифровых технологий, например, применения цифровых фотографических изображений в качестве доказательства при условии их соответствия требованиям уголовно-процессуального законодательства и технического характера [9] или выявления цифровых следов [8].

Тем не менее в ходе всеобъемлющей цифровизации возникают проблемы, связанные с ограничениями организационного и правового характера действующего уголовно-процессуального законодательства в целях собирания доказательств по уголовному делу, что обозначает потребность его адаптации к новым условиям. Попытки законодателя постепенно внедрить информационные технологии в досудебное производство нашли отражение во внесенных в УПК РФ изменениях, например, обозначении условий и порядка изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ), проведении допроса, очной ставки и опознания путем использования системы ВКС при наличии технической возможности (ст. 189.1 УПК РФ) [1]. Можно сделать вывод о том, что цифровизация способствует достижению ряда положительных эффектов, таких как снижение ресурсной нагрузки и повышение эффективности расходов на производство следственных действий, обеспечение безопасности свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса, повышение оперативности получения информации и сокращение сроков предварительного расследования [4]. Однако цифровизация как инструмент развития предварительного расследования в случае ее некачественного и непродуманного проведения создает существенные риски и угрозы, поэтому она должна основываться на принципах недопустимости сокращения существующего объема процессуальных гарантий, усиления процессуальных гарантий получения достоверных сведений в ходе собирания доказательств и т. д. [2].

Таким образом, автором было предложено собственное определение следственных действий как разновидности процессуального познавательного действия в виде поисковых и удостоверительных операций, осу-

ществляемую компетентными органами (следователями, органами дознания) в связи с наступлением обстоятельств для начала подобных действий (правовых и фактических) в соответствии с общими и специфическими правилами уголовно-процессуального законодательства по собиранию, проверке и оценке доказательной базы в рамках уголовного дела. В результате проведенного анализа УПК РФ и обзора исследовательской литературы, посвященной изучению и рассмотрению следственных действий в структуре процессуальных действий, был выявлен ряд проблем, возникающих при попытках определить понятие «следственные действия» как основного элемента уголовного процесса с точки зрения собирания доказательств в ходе уголовного судопроизводства:

- отсутствует четкое определение и единая формулировка понятия «следственные действия» в уголовно-процессуальном законодательстве в ст. 5 УПК РФ, что может приводить к проблемам при практической реализации досудебного производства и проведении следственных действий в виде снижения качества предварительного расследования и правосудия в силу присутствия пробелов и возможностей для неправильного и некорректного понимания отдельных положений;

- имеется многообразие теоретических подходов к определению судебных действий в российской правовой науке и сложность их обобщения путем выявления типичных отличительных признаков;

- имеются вызовы и возможности для изменения следственных действий в условиях экспоненциального роста и распространения информационных технологий и цифровой трансформации традиционных правовых институтов, в том числе института следственных действий, например, за счет применения ВКС при проведении следственных действий, использования цифровых документов и фотографий в качестве доказательства и т. д.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 августа 2023 г.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>.

2. Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019.

3. Батычко В. Т. Уголовный процесс : конспект лекций. Таганрог, 2016.

4. Баянов А. И., Ероцкая И. А. Допрос с использованием видеоконференцсвязи на стадии досудебного разбирательства // Международный научный журнал «Вестник науки». 2019. Т. 2. № 3. С. 57–61.

5. Бочинин С. А. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве : дис... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2014.

6. Зайцева Е. А. С. А. Шейфер о системе следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 38–42.

7. Малахова Л. И. Следственные действия: правовые и фактические основания производство // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 3. С. 28–31.

8. Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий : материалы Международной научно-практической конференции. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022.

9. Ростовцев А. В. Применение цифровых средств фиксации информации при производстве следственных действий // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 249.

10. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–август 2023 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4953969> (дата обращения: 01.10.2023).

11. Тяжких Е. С. К вопросу о понятии следственного действия // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 12. С. 170–173.

12. Хижняк Д. С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2004.

13. Шейфер С. А. Следственные действия : основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.

© Ахтамьянов Р. Р.

УДК 343.12

Белов Максим Вячеславович, адъюнкт
Академии управления МВД России,
подполковник внутренней службы

ПОЧЕМУ НЕ УДОВЛЕТВОРЯЮТСЯ ХОДАТАЙСТВА ОБВИНЯЕМОГО О ДОПОЛНЕНИИ ДОЗНАНИЯ?

Аннотация. В статье рассматривается типичная проблема производства дознания – практически повальный отказ в удовлетворении ходатайств обвиняемого о дополнении дознания после ознакомления с матери-

алами уголовного дела и обвинительным актом. Обращается внимание, что в настоящее время уголовно-процессуальный закон не предусматривает единого порядка предъявления обвинительного акта участникам уголовного процесса, что сказывается на отсутствии единообразного подхода к разрешению заявленных ходатайств. Делается вывод, что права и законные интересы обвиняемых на этапе окончания дознания должным образом не обеспечиваются. Формулируются предложения по решению проблемы. В частности, обосновывается необходимость предъявлять для ознакомления неутвержденный начальником органа дознания обвинительный акт, что создаст необходимые условия для объективного рассмотрения ходатайств обвиняемого о дополнении дознания.

Ключевые слова: дознаватель, обвиняемый, защитник, дознание, ходатайства, процессуальные гарантии, обвинительный акт, начальник органа дознания.

Процессуальные гарантии должны быть обеспечены участникам уголовного судопроизводства на всех его этапах. Этап окончания предварительного расследования имеет особое значение, поскольку является не только подготовительным для последующего движения уголовного дела, но и контрольным, позволяющим устранить недостатки расследования, имевшие место в ходе предшествующего производства.

Возможность предоставления и качественного рассмотрения заявленных ходатайств участниками уголовного судопроизводства на этапе окончания предварительного расследования является важной процессуальной гарантией обеспечения их прав и законных интересов.

Особенно остро вопрос о процессуальных гарантиях прав и законных интересов обвиняемого стоит на этапе окончания дознания, в частности в момент его ознакомления с материалами уголовного дела и обвинительным актом.

В некоторых случаях для обвиняемого и его защитника заявление ходатайства на этапе окончания предварительного расследования остается последней возможностью в досудебном производстве повлиять на принятое дознавателем решение [2], единственным способом реализации предоставленных законом прав [3]. Тем более, учитывая, что обвиняемый, который становится таковым после вынесения обвинительного акта, даже лишен права дать показания по существу предъявленного обвинения в ходе досудебного производства. Таким образом, заявление ходатайства по результатам ознакомления с материалами уголовного дела и обвинительным актом – ключевое средство защиты прав и законных интересов обвиняемого.

Обвиняемый, его защитник могут довести до дознавателя позицию о квалификации преступления, необходимости проведения дополнительных следственных действий, в том числе дополнительного допроса самого обвиняемого и пр.

Не стоит забывать и о принципе состязательности. Конечно, в ходе досудебного производства она в полной мере не реализуется и не должна реализовываться в чистом виде. Государственные органы и должностные лица наделены государственно-властными полномочиями, а сторона защиты такими полномочиями не обладает [4]. Однако обвиняемый имеет право защищаться от обвинения и ходатайства на этапе окончания дознания, и это едва ли не единственное реальное средство защиты.

В соответствии с ч. 1 ст. 120 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу, письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, в свою очередь дознаватель обязан в соответствии с ч. 1 ст. 159 УПК РФ рассмотреть каждое заявленное ходатайство в порядке, предусмотренном гл. 15 УПК РФ. В соответствии со ст. 121 УПК РФ дознаватель обязан рассмотреть заявленное ходатайство и разрешить непосредственно после его заявления соответствующим участником, однако если в ходе дознания невозможно принять немедленное решение, то в таком случае ходатайство должно быть разрешено дознавателем не позднее трех суток со дня заявления данного ходатайства.

Поскольку порядка разрешения ходатайств, заявленных на этапе окончания дознания не предусмотрено, надо полагать, что основные положения гл. 15 УПК РФ распространяются и на эти случаи. Следовательно, в исключительных случаях дознаватель должен иметь трие суток на принятие решения по ходатайству.

Однако правоприменительная практика свидетельствует, что даже обоснованные и аргументированные ходатайства [1] о дополнении дознания дознавателями в подавляющем большинстве случаев не удовлетворяются, а иногда даже не приобщаются к материалам уголовного дела.

По результатам проведенного анкетирования сотрудников отделений дознания УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве установлено, что дознаватели объясняют такую практику отсутствием процессуальных возможностей удовлетворения заявленных ходатайств даже при их обоснованности, во-первых, в связи с отсутствием прямой регламентации порядка рассмотрения и разрешения ходатайств на этапе окончания дознания, во-вторых, по причине предъявления для ознакомления обвинительного акта, уже утвержденного начальником органа дознания.

Сложившаяся правоприменительная практика стала возможной прежде всего, конечно, из-за скудной процессуальной регламентации, предусмотренной ст. 225 УПК РФ, не раскрывающей в должной мере действия должностных лиц со стороны обвинения при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела. При условии, если обвиняемый, его защитник ознакомились с материалами уголовного дела с утвержденным начальником органа дознания обвинительным актом путем отражения своей позиции в протоколе ознакомления,

у дознавателя отсутствует реальная возможность для удовлетворения заявленного ходатайства. Дознаватель не может вызвать лицо на допрос, провести иные следственные действия, поскольку для этого необходимо каким-то образом дезавуировать утверждение обвинительного акта начальником органа дознания, а такая процедура также не предусмотрена. При этом в отличие от дознания в сокращенной форме, возможность повторного ознакомления участников уголовного процесса с материалами уголовного дела при производстве дознания в общем порядке также не предусмотрена. Сам же начальник органа дознания не имеет возможности воспользоваться п. 9 ч. 1 ст. 40² УПК РФ, возвратив дознавателю уголовное дело со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта, поскольку обвинительный акт им уже утвержден.

Полагаем, что в случае ознакомления обвиняемого (его защитника) с обвинительным актом, который не утвержден начальником органа дознания, дознаватель имеет реальную возможность объективно рассмотреть заявленное ходатайство и при наличии оснований удовлетворить его. В таком случае необходимо составить новый обвинительный акт и вновь ознакомить с материалами уголовного дела и обвинительным актом участников уголовного судопроизводства, имеющих право на такое ознакомление.

Список использованных источников

1. Грищенко А. В. Обоснованность как необходимое требование к ходатайствам, заявляемым защитником на стадии предварительного расследования / А. В. Грищенко // МНСК-2018 : Государство и право : материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 22–27 апреля 2018 г. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2018.

2. Насонова И. А. Ходатайство как средство защиты обвиняемого на этапе окончания предварительного следствия / И. А. Насонова, Ю. В. Буров // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5.

3. Отчерцова О. В. Проблемы реализации адвокатом полномочия заявления ходатайства на стадии предварительного расследования / О. В. Отчерцова // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11–7.

4. Татьяна Д. В. Обязательность рассмотрения ходатайства как общее условие предварительного расследования / Д. В. Татьяна // Татищевские чтения : актуальные проблемы науки и практики : материалы XII Международной научно-практической конференции : в 2-х частях. Том 2. Тольятти, 16–17 апреля 2015 г. Тольятти : Волжский университет имени В. Н. Татищева (институт), 2015.

Гусак Владимир Владимирович, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКРЫТОЕ ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о целесообразности установления административной ответственности за хищения имущества небольшой стоимости, совершенные открытым способом и при отсутствии иных квалифицирующих признаков. Проведенное автором исследование практики разграничения мелких хищений и грабежей показало отсутствие единообразного подхода к разрешению этого вопроса. С учетом анализа законодательства и имеющихся подходов к правоприменению предлагается внести соответствующие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, открытое хищение; грабеж, мелкое хищение, малозначительность деяния.

Проведенный нами анализ диспозиций статей 7.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [1] «Мелкое хищение» и 161 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] «Грабеж», в совокупности с ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволил обнаружить «пробел» в регулировании общественных отношений, направленных на охрану собственности, что не способствует эффективной защите прав по владению пользованию и распоряжению имуществом. Наличие этого пробела, в свою очередь, ведет к формированию неоднозначно складывающейся практики.

Так, ст. 7.27 КоАП РФ предусматривает ответственность за хищения, совершаемые следующими способами: тайным – путем кражи, путем обмана или злоупотребления доверием – мошенничества, а также присвоения или растраты, при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных рядом статей УК РФ. Заметим, что перечень, характеризующий способы совершения мелкого хищения, является закрытым и не может быть подвергнут расширительному толкованию. При этом в диспозиции ст. 7.27 КоАП РФ не упоминается об открытом завладении чужим имуществом.

В части 2 ст. 14 УК РФ законодатель указал на малозначительность, как обстоятельство, исключающее преступность и уголовную наказуе-

мость деяния. Ввиду причинения малозначительного ущерба и при отсутствии иных квалифицирующих признаков, такое деяние, как, например, кража, может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ (когда стоимость похищенного не превышает одну тысячу рублей) или ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ (когда стоимость похищенного составляет более тысячи, но не превышает две тысячи пятьсот рублей). Аналогичное требование распространяется и на другие составы, к которым отсылает диспозиция ст. 7.27 КоАП РФ.

Полагаем, что положения уголовного закона о малозначительности деяний, содержащих признаки преступления, по усмотрению правоприменителя могут быть распространены и на ч. 1 ст. 161 УК РФ, когда лицо, действуя единолично, не отнимает у потерпевшего или не вырывает у него из рук, не срывает с плеча сумку и т. п., а, например, берет с прилавка или витрины вещь, обладающую невысокой стоимостью, например, до 1000 рублей и, будучи замеченным, скрывается с ней. Применение мер уголовного наказания к данному лицу может оказаться чрезмерным.

Вместе с тем, такого административного правонарушения, как грабеж или открытое хищение чужого имущества, закон не предусматривает. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного преследования ввиду отсутствия состава преступления в силу малозначительности, лицо, открыто завладевшее чужим имуществом, не понесет никакой ответственности, а совершившее хищение тайно – будет подвергнуто административному наказанию.

Более того, ст. 158.1 УК РФ предусматривает ответственность за повторное совершение мелких хищений лицами, подвергнутыми административному наказанию. Вместе с тем, как нами упоминалось выше, понятием «мелкое хищение» не охватывается открытое завладение чужим имуществом с причинением малозначительного ущерба при отсутствии квалифицирующих признаков, таких как групповой характер действий, применение не опасного для жизни или здоровья насилия и др. То есть, при совершении хищения открытым способом, несмотря на то, что лицо было привлечено ранее к ответственности за мелкое хищение по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, наказанию не подвергнется, а дважды тайно похитивший имущество на сумму, например, две тысячи рублей – будет привлечен к уголовной ответственности.

Немаловажным считаем обратить внимание также на п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»[3], разъясняющий, что грабежом следует признавать и те случаи, когда действия виновного в ходе совершения тайного хищения были обнаружены другими лицами, а последний, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества. В подобной ситуации, лицо совершившее открытое хищение на небольшую сумму также может полностью

избежать ответственности, а похитивший тайно – подвергнется административному наказанию.

Несмотря на все вышеизложенное, мы не ставим под сомнение эффективность предупреждения открытых хищений чужого имущества посредством ст. 161 УК РФ. Маловероятно возникновение такой ситуации, когда задержанное лицо сообщит сотрудникам правоохранительных органов о том, что совершало тайное хищение, а будучи замеченным, скрылось с похищенным имуществом, признаваясь при этом в совершении уголовно наказуемого грабежа, а не мелкого хищения. Скорее всего, все будет наоборот. В таком случае доказать обратное становится крайне сложным и произойдет переквалификация на мелкое хищение.

В случае квалификации деяния по ст. 161 УК РФ ожидать «снисхождения» от органов, наделенных уголовно-процессуальным законом соответствующими полномочиями, не приходится: отказывать в возбуждении уголовного дела или принимать решение о его прекращении ввиду незначительного материального ущерба они в большинстве случаев не будут, так как деяние, учитывая характер хищения, все равно должно квалифицироваться как грабеж. Таким образом, «усмотрев» малозначительный характер деяния, они рискуют получить отмену принятого решения прокурором или даже признание его незаконным в порядке судебного контроля. Признавая преступный характер указанного деяния, органы расследования имеют дело с преступлением, совершенным в условиях очевидности, которое, к тому же, может быть расследовано путем дознания в сокращенной форме, что при невысоких трудозатратах способствует улучшению ведомственных показателей служебной деятельности, а при отказе от уголовного преследования – ведет к их ухудшению. Проведенный нами в 2023 году опрос 56 дознавателей органов внутренних дел показал, что в практической деятельности со случаями «декриминализации» грабежа ввиду причинения незначительного ущерба они сталкивались редко и сами могут принять такое решение только после консультации с надзирающим прокурором. Причем позиции прокуроров в зависимости от обслуживаемой административно-территориальной единицы, разнятся, например, даже в рамках одного города прокурор одного района считает правильным отказывать в возбуждении уголовных дел по ч. 1 ст. 161 УК РФ при стоимости похищенного имущества до пятисот рублей, а в другого – до тысячи. Во всех случаях они придерживаются правила о необходимости возбуждать производство по делу об административном правонарушении по ст. 7.27 КоАП РФ, в которой, как уже отмечалось, открытый способ хищения не предусматривается. Ради справедливости, стоит отметить, что зачастую, ввиду осознания недостаточности правового регулирования, в ходе переквалификации на мелкое хищение, происходит и изменение способа совершения с открытого на тайный.

Таким образом, считаем необходимым привести диспозицию ст. 7.27 КоАП РФ в соответствие с основным трендом складывающейся практики – дополнив ее открытым ненасильственным способом хищения чужого имущества. Учитывая характер указанного деяния, полагаем, что такой грабеж должен квалифицироваться исключительно по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, даже если стоимость похищенного имущества не превышает одну тысячу рублей. Это позволит также устранить пробел и в уголовно-правовой охране отношений собственности при повторном совершении мелких хищений, квалифицируя их по ст. 158.1 УК РФ.

Предлагаемое решение будет способствовать установлению единой практики применения УК РФ и КоАП РФ по отношению к квалификации открытых хищений, исключению возможных случаев полного или частичного ухода от ответственности за их совершение, рационализации применения к человеку и гражданину мер уголовной репрессии.

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гусак В. В.

УДК 342.7(470)

Давлетов Вадим Илдарович, старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ПРОПАГАНДА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению общих теоретических основ пропаганды как части актуального и закрепленного в рамках нормативных государственных документов направления защиты национальной

безопасности страны. В содержательном контексте статьи рассматривается как сам метод и его ключевые характеристики. Автором отмечается, что данное направление научных исследований содержит значительный научно-исследовательский потенциал в рамках сохранения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: пропаганда, интернет пропаганда, информационная война, негатив пропаганд, фейковые новости, информации, источник информации.

Пропаганда – это система методов и средств массовой информации, которые используются для убеждения людей поверить в определенную точку зрения или принять определенные решения. Она может быть использована для достижения различных целей, включая поддержку политических партий, распространение идеологии, увеличение продаж товаров и услуг, а также проведение информационной войны.

Информационная война – это борьба за контроль над информационным пространством, при которой стороны пытаются влиять на мнение и поведение людей через массовые коммуникации. Пропаганда является одним из главных инструментов в этой борьбе.

Одним из примеров пропаганды в информационной войне является использование фейковых новостей (fakenews) для распространения дезинформации и влияния на мнение людей. Фейковые новости создаются, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у общественности и изменить ее отношение к конкретной теме или личности. Использование социальных сетей и мессенджеров делает такую пропаганду еще более эффективной, поскольку она может быстро распространяться в больших объемах.

Еще одним примером пропаганды в информационной войне является создание образа врага. Это может быть, как отдельная личность, так и группа людей или страна. Создание такого образа позволяет мобилизовать общественность и убедить ее в необходимости борьбы с этим «врагом». В этом случае пропаганда используется для формирования национального единства и поддержки правительства.

Пропаганда также может использоваться для изменения исторического нарратива. Например, правительство может активно скрывать или искажать факты, чтобы создать определенную версию истории и формировать мнение общественности о прошлых событиях. Это может быть особенно опасно, если такая пропаганда направлена на подрыв демократических ценностей и свободы слова.

В конечном итоге, пропаганда как инструмент в информационной войне может иметь серьезные последствия для общества. Она может привести к массовому заблуждению, распространению ненависти и дискриминации, а также угрожать свободам и правам граждан. Поэтому важно осознавать роль пропаганды в информационной войне и уметь критически

оценивать информацию, которую мы получаем из средств массовой информации. Особенно важно научиться различать настоящие новости от фейковых, чтобы защитить себя и свое окружение от манипуляций.

К сожалению, пропаганда в информационной войне все еще является главным инструментом многих правительств и политических организаций. Они используют свои ресурсы для распространения фейковых новостей и дезинформации, чтобы повлиять на мнение общественности и достичь своих целей.

Однако с развитием сети Интернет и социальных сетей стало легче получать доступ к альтернативным источникам информации и проводить свое собственное исследование. Это позволяет людям более точно оценивать и проверять полученную информацию и не поддаваться на провокации и манипуляции.

Важно также подчеркнуть роль образования и критического мышления в борьбе с пропагандой. Чем лучше образованы люди, тем меньше вероятность, что они будут подвергаться манипуляциям и фейковым новостям. Развитие критического мышления также поможет более точно оценить информацию и отличить настоящие новости от дезинформации.

Итак, пропаганда как основной инструмент в информационной войне продолжает оставаться актуальным и опасным явлением. Однако правильное образование и развитие критического мышления могут помочь бороться с этим явлением и защитить общество от его негативных последствий.

Другой способ борьбы с пропагандой в информационной войне – это различные программы и проекты, которые направлены на распространение достоверной информации. Например, некоторые организации занимаются проверкой фактов и выявлением дезинформации, а другие создают образовательную информацию для людей, где они могут получить дополнительные знания и умения по эффективному использованию информации.

Также важно, чтобы правительства и политические организации выполняли свои обязанности с прозрачностью и открытостью. Если общественность имеет доступ к правильной информации, то ей легче сделать собственное заключение о том, что происходит в мире.

Наконец, необходимо признать, что пропаганда в информационной войне является сложным и многогранным явлением, которое может быть использовано не только для достижения недемократических целей. Однако с помощью правильного образования, доступа к достоверной информации и критического мышления мы можем защитить себя от манипуляций и сохранить наше демократическое общество.

Борьба общества с негативными последствиями пропаганды в сети Интернет – это сложный и длительный процесс, который требует участия всех участников общества. Прежде всего, необходимо повышать информационную грамотность и развивать критическое мышление у людей. Это поможет им лучше понимать, как работает медиа-пространство и как от-

личать реальные новости от фейковых. Образовательные программы должны включать в себя уроки о том, как проверять информацию, а также о том, какие методы манипуляции часто используются в пропаганде.

Важно также активно бороться с распространением дезинформации и фейковых новостей. Существует много организаций, занимающихся проверкой фактов и выявлением дезинформации. Люди должны научиться использовать эти ресурсы для проверки информации, прежде чем делиться ею в социальных сетях или других местах.

Другой способ борьбы с пропагандой – это поддержка свободы слова и свободы прессы. Государства должны создавать благоприятные условия для развития качественных и независимых СМИ, в то время как общество должно поддерживать эти СМИ, покупая их издания или просто следя за новостными лентами в сети Интернет.

Наконец, необходимо повышать осведомленность о том, как работает пропаганда. Люди должны понимать, что пропаганда – это не только фейковые новости, но и использование эмоционального воздействия, создание образа врага и другие методы манипуляции. Если люди будут осведомлены о том, какие методы используются в пропаганде, то они будут более склонны к обдумыванию своих решений и менее подвержены манипуляциям.

В целом борьба с пропагандой в сети Интернет – это долгосрочный процесс, который требует участия всех участников общества. Но, если мы будем активно бороться с распространением дезинформации, повышать информационную грамотность и поддерживать свободу слова, то мы сможем защитить наше общество от негативных последствий пропаганды.

Информационная грамотность является одним из важных инструментов в борьбе с фейковыми новостями. Она подразумевает наличие у населения знаний и навыков, необходимых для критической оценки информации, которую они получают от различных источников [1].

Для того чтобы повысить информационную грамотность населения, необходимо проводить различные образовательные программы и кампании. Эти программы должны включать обучение по проверке достоверности информации, использованию проверенных источников, а также по выработке критического мышления и способности к анализу информации.

Важно также стремиться к тому, чтобы СМИ были независимыми и свободными от политического давления. Только при условии свободы прессы люди могут получать объективную информацию от разных источников и иметь возможность сравнивать ее, что позволит им лучше понимать ситуацию и не поддаваться на провокации.

Существуют и другие способы борьбы с фейковыми новостями, например, создание без данных фейковых новостей или расширение роли фактчекеров в среде СМИ. Также можно увеличить ответственность людей, которые распространяют фейковые новости, за их действия.

В целом, борьба с фейковыми новостями – это процесс, который требует усилий со стороны различных участников общества. Но, если мы будем активно бороться с фейковыми новостями, повышать информационную грамотность населения и поддерживать свободу прессы, то мы сможем защитить наше общество от манипуляций и сохранить доверие к информации, которую мы получаем.

Да, фейковые новости – это один из инструментов пропаганды, который используется для распространения дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Фейковые новости могут быть созданы как целенаправленно, чтобы распространить ложную информацию или в случайном порядке – когда непроверенная информация получает широкое распространение. Это может происходить в социальных сетях, блогах, чатах, форумах и других средствах коммуникации.

Цель использования фейковых новостей в пропаганде – это создание определенного образа событий или людей в глазах общественности. Часто фейковые новости используются для поддержки, определенной политической агенды или для направления внимания общественности на определенный вопрос или проблему.

Борьба с фейковыми новостями требует от нас увеличения уровня информационной грамотности и развития критического мышления. Необходимо уметь проверять источники информации и анализировать информацию, которую мы получаем из СМИ. Также важно поддерживать свободу слова и свободу прессы, чтобы люди могли получать объективную информацию от независимых источников.

В целом, фейковые новости – это опасный инструмент пропаганды, который используется для воздействия на общественное мнение. Борьба с этим явлением требует участия всех участников общества, от правительств до обычных граждан.

Информационная война является сложным и многогранным явлением, где пропаганда выступает одним из основных инструментов. Она используется для манипуляции общественным мнением, создания определенных образов и направления взглядов в нужное русло.

Борьба с пропагандой включает в себя несколько аспектов. Прежде всего, это повышение информационной грамотности и развитие критического мышления у людей. Люди должны уметь проверять информацию и анализировать ее, прежде чем делиться ей в социальных сетях или других местах. Важно также поддерживать свободу слова и свободу прессы, чтобы люди могли получать объективную информацию от независимых источников.

Другой способ борьбы с пропагандой – это создание различных программ и проектов, которые направлены на распространение достоверной информации и выявление дезинформации. Например, некоторые организа-

ции занимаются проверкой фактов и выявлением дезинформации, а другие создают образовательную информацию для людей.

Наконец, необходимо признать, что пропаганда является сложным и многогранным явлением, которое может быть использовано не только для достижения недемократических целей. Однако, с помощью правильного образования, доступа к достоверной информации и критического мышления мы можем защитить себя от манипуляций и сохранить наше демократическое общество.

Пропаганда как инструмент в информационной войне имеет множество форм и проявлений [2]. Это может быть, как открытая ложь, так и хитроумное использование фактов и эмоциональных аргументов с целью воздействия на общественное мнение.

Одним из ключевых аспектов в борьбе с пропагандой является сознательное понимание того, что любой источник информации может быть скомпрометирован или использован для распространения дезинформации. Поэтому необходимо уметь проверять информацию, проверять источники, анализировать контекст и выявлять потенциальные интересы за информацией.

Кроме того, важно помнить, что пропаганда может быть использована не только для достижения политических целей, но и для продвижения коммерческих интересов, создания определенного имиджа или формирования социокультурных стереотипов.

Борьба с пропагандой требует от общества повышения уровня информационной грамотности, развития критического мышления и защиты свободы слова и свободы прессы. Только при условии объективного и правдивого информационного пространства люди смогут принимать обоснованные решения на основе своих знаний и убеждений.

В целом, борьба с пропагандой – это долгосрочный процесс, который требует участия всех участников общества. Но если мы будем активно бороться с распространением дезинформации, повышать информационную грамотность и поддерживать свободу прессы, то мы сможем защитить наше общество от негативных последствий пропаганды.

Список использованных источников

1. Давлетов В. И. Правомерное поведение: понятие и содержание // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 376–377.

2. Носова Д. Х., Давлетов В. И. Пропаганда как основной инструмент в информационной войне // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2022. С. 460–461.

© Давлетов В. И.

Елисеев Александр Павлович, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, кандидат экономических наук, доцент

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обеспечения национальной безопасности с учетом теневой экономики как фактора, негативно влияющего на развитие общества на современном этапе развития Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, теневая экономика, причина возникновения экономики «вне государства», субъект предпринимательства, социально-экономическое развитие страны.

Одним из приоритетных направлений в деятельности любого государства является обеспечение его безопасности. Внутренняя безопасность является составной частью национальной безопасности субъекта исследования, олицетворяя при этом положения защиты государственного суверенитета, базирующиеся на праве интересов общества и его индивидов, от возможных внутренних угроз.

Достижение состояния необходимой и возможной защищенности национально-государственного образования является по сути общепризнанной проблемой на данном этапе развития России. Экономическая безопасность отдельных субъектов нашего государства базируется на вполне определенных положениях и состоянии политико-экономических реалий современного статуса России в мире (санкционный режим, нарушение логистических связей, «режим отмены»). Вместе с тем такое положение вещей как совокупность факторов и условий, характеризующих состояние экономики сегодня, позволяет говорить о ее стабильности, тенденции устойчивого развития, независимости от глобальной экономики [1].

В существующих реалиях новейшей России, впрочем как и во всем глобальном миропорядке, встает проблема разрастания теневой экономики как фактора, несомненно, оказывающего отрицательное влияние на положение дел в развитии общества. Таким образом, органы внутренних дел обязаны обратить особое внимание на данное явление с целью мониторинга преступности в сфере теневой и криминальной экономики.

Теневая экономика как явление многопланово и многоаспектно. Не случайно и сейчас не выработано единой дефиниции для этого парадоксального явления неформальной экономики. Ведь по сути эта экономика

вне закона самостоятельно балансирует механизм спроса и предложения, устраняя существующий дефицит предложения товаров, поэтому и непонятно до сегодняшнего дня: из каких отраслей она состоит и чем занимается. В здравом понимании вещей никто не будет искусственно создавать кризис недопроизводства. Естественно, что кризисы не планируются заранее. Данное положение вещей присуще не только России, но и всей глобальной экономике. Отметим, что термин «теневая экономика» пришел к нам из государств с развитой рыночной системой хозяйствования. Такой вид хозяйственной деятельности заинтересовал ученых как объект познания еще в начале 1930-х гг. В 1970-х гг. она уже исследуется учеными разных направлений на стыке экономической науки, а с 1980-х гг. становится постоянной темой обсуждения различных международных конференций. Если объединить все вышесказанное, то можно сделать вывод, что теневая экономика есть деятельность хозяйствующих субъектов вне учета и контроля государства [2].

Деятельность любого субъекта предпринимательства сводится к получению сверхприбыли. Налоги, ограничения, порядок получения лицензий, государственные пошлины заставляют предпринимателя вести свой бизнес в тени, чтобы избежать их уплаты, уменьшив тем самым издержки. Данные методы позволяют приблизиться к получению сверхприбыли. Теневая экономика приносит существенный урон государственной экономике, и с этим необходимо вести активную борьбу.

Социально-экономическое развитие страны в последние десять лет характеризуется нестабильностью государственных институтов. Они возникают все новые и новые, некоторые способствуют развитию демократического общества, а, следовательно, и рыночных отношений. Однако развитие в таком ракурсе таит в себе институциональные ловушки. Если не обратить на них внимание, то это может привести к плачевным последствиям. Здесь важно учитывать, как взаимодействуют между собой данные противоречия и, анализируя зарубежную практику, применять совокупность формальных и неформальных ограничений для сохранения эффективного действия данных институтов.

Одним из таких противоречий является существование теневой экономики как субъекта хозяйственной деятельности в масштабах страны. Базовая основа возникновения этого явления – это стремление человека получить больше прибыли от своей работы и при этом уменьшить свои расходы, поэтому возникновение теневой экономики является закономерным процессом логики поведения человека. Целесообразность ее дифференцированной разработки обуславливается динамичным развитием нашего общества, необходимостью дальнейшего изучения проблемы внедрения и развития теневой экономики в российской экономической системе.

При этом можно констатировать, что всестороннее научное исследование такого феномена должно производиться только комплексно: с обяза-

тельным учетом специфики местных условий, особенностей регионального законодательства и практики его применения, на основе их самой тесной связи с непосредственной жизнедеятельностью.

Список использованных источников

1. Лизина О. М. Теневая экономика как особый сегмент рыночного хозяйства : дис. ... канд. экон. наук // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <https://www.dissercat.com/content/tenevaya-ekonomika-kak-osobyi-segment-rynochnogo-khozyaistva> (дата обращения: 23.09.2023).

2. Абдуллаев А. Ш. Теневая экономика : сущность и масштабы в современной России // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4 (117). С. 177–179.

3. Артемьев Н. В. Теневая экономика как фактор риска снижения уровня экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2018. № 1 (43). С. 362–369.

4. Белухин В. В. Теневая экономика как угроза экономической безопасности государства // Modern Science. 2020. № 3-1. С. 44–48.

5. Буренко А. А. Влияние теневой экономики на отечественную экономическую безопасность // Nova Info.Ru. 2018. Т. 1; № 77. С. 163–168.

6. Васильева М. В. Формирование системы диагностики теневой экономики в интересах укрепления экономической безопасности государства // Экономические и гуманитарные науки. 2020. № 3 (338). С. 109–118.

© Елисеев А. П.

УДК 347.743:351.756.5(469)

Ермолаев Олег Игоревич, юрист-консульт Правового отдела МВД по Республике Башкортостан, майор внутренней службы

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье автором исследуется вопрос о нормативно-правовом регулировании порядка прохождения службы в органах внутренних дел, направленном на определение у кандидатов наличия (отсутствия) сформированного правосознания, его уровня и соответствия требованиям, предъявляемым к правовому положению (статусу) сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации с внесением предложений

о необходимости конкретизации (дополнения) отдельных правовых норм по результатам осуществленного анализа практики правоприменения.

Ключевые слова: правосознание, служба в органах внутренних дел Российской Федерации, курсант.

Являясь основой правового государства, правосознание охватывает все общество в целом. Одним из его видов является профессиональное правосознание, к которому относятся сформировавшиеся у лиц, непосредственно занимающихся правоприменением, отношение, взгляды, позиции, поведенческие основы по отношению к праву. Круг лиц, у которых формируется профессиональное правосознание, достаточно широк: это судьи, адвокаты, депутаты, сотрудники правоохранительных органов, иные многочисленные работники (сотрудники) государственных органов.

Переходя от общего анализа особенностей профессионального правосознания к конкретному его подвиду, к которому относится профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел, в качестве вступления и связующего элемента считаем необходимым привести цитату от 29 мая 2010 г. занимавшего в то время пост Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина на встрече, состоявшейся в городе Санкт-Петербурге с отдельными представителями культурной интеллигенции, о сотрудниках органов внутренних дел: «...в милиции всяких людей хватает, там срез нашего общества вообще. Это – часть страны, и там не с Марса люди приехали, там есть люди, которые верой и правдой служат своему народу и не жалеют не только здоровье: и жизни свои не жалеют, и под пули идут...» [7]. Данная часть выступления лаконично и четко передает одну из основных идей о том, что обыденное и профессиональное правосознание связаны между собой и одно определяет другое, поскольку каждый гражданин, если говорить о службе в органах внутренних дел как о подвиде профессионального правосознания, привносит часть своего личного (индивидуального) правосознания, которое в дальнейшем при прохождении службы становится профессиональным.

Как неоднократно указывал в своих официальных правовых разъяснениях Конституционный Суд Российской Федерации, служба в органах внутренних дел представляет особый вид государственной службы [6]. В свою очередь, причиной ее отнесения к таковой является выполняемая при ее прохождении в публичных интересах (т. е. в интересах всего общества) служебная деятельность, связанная с обеспечением, соблюдением и защитой общественного порядка, законности, прав и свобод граждан, борьбой с преступностью, правонарушениями и иными перечисленными в ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3] направлениями деятельности.

Принимая во внимание данное нормативное правовое обоснование, необходимо отметить, что сделанный в абзаце выше вывод является не про-

сто набором высокопарных слов и (или) никогда не достижимых идеалов, в нем заключается и реализуется многовековой накопленный исторический опыт, каждодневная служебная деятельность, порой незаметная для человека, никак не связанного со службой в органах внутренних дел, и одновременно выполнение возложенной на Российскую Федерацию обязанности, предусмотренной в статье 2 Конституции Российской Федерации [1].

Так с чего же начинается процесс определения уровня правосознания будущего сотрудника органов внутренних дел? Ответ на этот вопрос находится во взаимосвязи (в прямой параллели) с ответами, излагаемыми в песне М. Бернеса «С чего начинается Родина?». Первоначальным и одновременно самым основным является этап проверки кандидата на службу в органы внутренних дел и представленных им документов на предмет их соответствия требованиям (критериям), установленным действующим законодательством. В настоящее время основная часть данных требований (критериев) установлена Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] и Порядком организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 [5].

К процедурам определения уровня правосознания кандидата на службу в органы внутренних на данном этапе можно отнести проведение собеседования с участием сотрудника кадрового подразделения и руководителя того подразделения, в котором планируется прохождение службы. В настоящее время результаты собеседования отражаются в письменном акте, составление которого предусматривается п. 17 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50, с приложением рекомендованного образца. Принимая во внимание, что данный образец не требует его строгого, дословного, обязательного использования и относится к категории «рекомендованных», при его практическом применении создается вероятность того, что результаты собеседования, объем информации, полученный по итогам его проведения, целиком и полностью «отдаются на совесть» и уровень профессионализма вышеперечисленных лиц, его проводящих. Не исключая наличие влияния индивидуального фактора лиц, проводящих собеседование, на его результаты, с целью недопущения риска превращения процедуры собеседования в пустую формальность полагаем необходимым разработать и закрепить в качестве обязательного, а не рекомендованного, перечень вопросов, подлежащих в обязательном порядке выяснению у кандидата при проведении собеседования с целью определения его уровня правосознания.

К вопросам, направленным на выяснение уровня правосознания могут быть отнесены вопросы о знании федеративного устройства Россий-

ской Федерации; об основных нормативных правовых актах, которыми будет руководствоваться при прохождении службы в органах внутренних дел кандидат; основных исторических этапах, событиях, происходивших в нашей стране; о лицах, замещающих на момент поступления на службу должности Главы региона, Министра внутренних дел Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти Российской Федерации, Президента Российской Федерации; о личном отношении кандидата на службу к целям создания, функционирования, предназначения института государства, основным целям, задачам осуществления деятельности органов внутренних дел; о отношении к правам и свободам человека и гражданина, практике и порядку их реализации; о знаниях их основных видов.

Следующим основным этапом в определении уровня правосознания будущего сотрудника органов внутренних дел является прохождение стажировки. Именно в период стажировки осуществляется полное и повсеместное изучение кандидата, его морально-нравственных основ, деловых, профессиональных качеств с непосредственным вовлечением стажера в пределах, установленных действующим законодательством, в практическую деятельность органа внутренних дел; его тесное взаимодействие с возможными будущими коллегами, руководством по службе; полноценное изучение им основ организации будущей служебной деятельности, содержания и практики применения правовых актов по замещаемой должности, знакомство с историей и традициями органов внутренних дел и подразделения.

В соответствии с пунктами 61, 63 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50, по окончании индивидуального обучения стажера проводится оценка результатов его индивидуального обучения. Оценка результатов индивидуального обучения осуществляется коллегиально.

С учетом вышеприведенного правового регулирования помимо роли в определении и формировании правосознания кандидата на службу в органы внутренних дел непосредственных руководителей, наставников, сотрудников по работе с личным составом, в том числе морально-психологических подразделений, считаем важным отдельно отметить роль ветеранов органов внутренних дел и необходимость их непосредственного вовлечения в процесс оценки результатов индивидуального обучения стажера.

Участие ветеранов органов внутренних дел в подобного рода служебной деятельности в настоящее время предусматривает процедура аттестации сотрудника органов внутренних дел, которая по аналогии с оценкой результатов индивидуального обучения стажера предполагает в том числе изучение и определение уровня его профессионального правосознания при

рассмотрении вопроса о его соответствии замещаемой должности, наделяя представителей общественных организаций – ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск – правом совещательного голоса (т. е. правом участия в обсуждении вопроса посредством внесения предложений, высказывания возражений, изложения заявлений и осуществления прочих видов участия без права голоса при принятии решений).

Данный законодательно закрепленный опыт предлагается использовать и в оценке результатов индивидуального обучения стажера, включив представителей общественных организаций – ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск – в состав комиссий по оценке знаний законодательных и иных нормативных правовых актов, наделив их правом полноценного, а не совещательного голоса при подведении комиссией итогов проверки.

Еще одним этапом в формировании профессионального правосознания, считающимся священным при прохождении правоохранительной, военной службы, является принятие присяги.

Рассматривая данный этап, его значение, необходимо обратить внимание на следующее: текст присяги – это не набор ничего не значащих слов, которые в любой удобный момент могут быть забыты с целью преодоления кратковременных жизненных трудностей. Присяга представляет собой совокупность жизненных ориентиров, слияние профессиональной жизни с личной, т. е. основу правил поведения на службе и в быту, которыми следует руководствоваться гражданину, живущему в правовом государстве всю жизнь, потому что профессиональный статус, этические требования, свод правил поведения, среди которых – нетерпимость к проявлению беззакония, совершению преступных деяний, правонарушений, готовность в любое время осуществить защиту прав и свобод человека и гражданина, не заканчивающиеся после увольнения сотрудника, например, с правом на пенсию.

Необходимо напомнить, что добровольное произношение в торжественной обстановке слов присяги с учетом идущих планомерно, друг за другом, этапов профессионального становления знаменует, что поступивший на службу в органы внутренних дел гражданин в полном объеме отдает себе отчет о значении каждого произнесенного им слова, а следовательно личным поступком свидетельствует наличие у него основ правосознания и добровольно возлагает на себя обязанность следовать и руководствоваться ими в период прохождения службы.

Нижеописанная практическая ситуация может показаться многим, непосредственно не вовлеченным в профессиональные особенности, связанные с прохождением службы, преувеличением реальной проблематики с ее описанием. Чтобы опровергнуть данную позицию, отметим, что когда речь заходит об обеспечении безопасности государства, общества, каждого ее гражданина, о грамотном и профессионально подготовленном личном

составе, проведению и соблюдению соответствующих процедур и вложенным для этих целей средств должно уделяться особое и пристальное внимание с возложением соответствующей ответственности не только на лиц, проводящих подготовку и обучение, но и на граждан, добровольно изъявивших желание получить соответствующее профильное образование и одновременно поступающих на службу в органы внутренних дел.

Поступая на обучение в образовательное учреждение органа внутренних дел на очную бюджетную форму обучения и заключая контракт о прохождении службы в органах внутренних дел, гражданин добровольно берет на себя обязанность по окончании обучения проходить службу в течение срока, установленного п. 3 ч. 3 ст. 23 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В дальнейшем при прохождении обучения или после его окончания, когда гражданин, получивший соответствующее ведомственное профильное высшее образование, назначается на должность, в силу разного рода обстоятельств нередки случаи, когда гражданин до завершения обязательного срока службы подает рапорт о расторжении контракта и увольнении со службы по п. 2 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по собственной инициативе), мотивируя свое решение тем, что, например: появилось не связанное ни с какими внешними факторами отсутствие дальнейшего желания проходить службу в силу внутреннего осознания своего иного предназначения; возникли невозможность и (или) нежелание на постоянной и повсеместной основе соблюдать запреты и ограничения, которые возлагает статус сотрудника органов внутренних дел на гражданина; желание (намерение) применить свои знания и навыки в другом профессиональном направлении, часто даже никак не связанном с юриспруденцией, и так далее, что находит свое отражение как в документах, связанных с проведением процедуры увольнения, так и в ходе устной беседы.

Факт расторжения контракта по вышеуказанному основанию до окончания образовательного учреждения федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или до истечения обязательного срока службы после его окончания влечет безусловное обращение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в лице МВД России с иском в суд о взыскании понесенных затрат на обучение, выделенных из федерального бюджета.

Вместе с тем изучение судебной практики по данным видам споров позволяет установить, что органы судебной власти, руководствуясь исключительно имеющимися у них дискреционными полномочиями (правом

по собственному усмотрению с учетом соблюдения закона рассматривать и разрешать дела) и ст. 250 Трудового Кодекса Российской Федерации [1] часто принимают решение о снижении размера подлежащих взысканию затрат на обучение, что является недопустимым. Доказательством недопустимости руководствоваться данными обстоятельствами является добровольно принятая на себя гражданином присяга, одним из основных практических предназначений которой является защита интересов государства и всего общества.

Именно этим защитным и одновременно фундаментальным предназначением присяги необходимо руководствоваться органам судебной власти, чтобы избежать создания у вышеперечисленной категории граждан чувства возможности избежать ответственности за взятые на себя добровольно и не исполненные перед государством и обществом обязательства, обеспечив неотвратимость практической реализации наступивших правовых последствий, являющихся основой формирования профессионального правосознания.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации : принят на основании Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации от 21 декабря 2001 г., одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. Рос. газ. 2001. 31 декабря.

3. О полиции : федеральный закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 29 янв. 2011 г., одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 февраля 2011 г. // Рос. газ. 2011. 8 февраля.

4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 ноя. 2011 г., одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 ноября 2011 г. // Рос. газ. 2011. 7 декабря.

5. Порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 10 февраля 2018 г. № 50. Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.04.2023).

6. По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В. М. Минакова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 г. № 7-П // Рос. газ. 1995. № 114.

7. Видеосюжет с выступлением 29 мая 2010 г. Председателя Правительства Российской Федерации на встрече с представителями общественности. URL: <https://youtu.be/kClbyM90Tns?si=mJyVXulbOajUrtdU> (дата обращения: 01.10.2023).

© Ермолаев О. И.

УДК 5.1.4

Ермоленко Татьяна Васильевна, старший инспектор отделения по пропаганде БДД ОГИБДД Управления МВД России по городу Уфе, капитан полиции;

Диваева Ирина Рафаэловна, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 235 УК РФ)

Аннотация. В данной статье рассматривается точка зрения на целесообразность введения в российское уголовное законодательство административной преюдиции в рамках ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная ответственность, медицинская деятельность, фармацевтическая деятельность, нормы уголовного права, уголовное правосудие.

Противодействие преступным посягательствам – это непрерывный процесс, заключающийся в реализации различных мер воздействия: уголовно-правовых, криминологических, уголовно-процессуальных и других. УК РФ ставит своей приоритетной задачей охрану прав и свобод человека

и гражданина, защиту общества и государства от преступности. Учитывая постоянную трансформацию общественных отношений в современном мире, законодателю необходимо регулярно наблюдать за изменяющейся обстановкой, совершенствовать уголовное законодательство в соответствии с текущими задачами.

На протяжении многих десятилетий в Уголовном кодексе РСФСР существовали нормы, получившие в теории уголовного права название «нормы с административной преюдицией». Особенность данных норм состоит в установлении ими уголовной ответственности за повторные деяния с признаками административных правонарушений, ранее совершенных лицом, подвергнутым административному наказанию [1].

В юридической литературе по уголовному и административному праву в течение многих лет ведется дискуссия о приемлемости использования административной преюдиции. Применение такого рода норм имеет некоторые преимущества, например, такие как предотвращение повторности совершения незаконных действий, либерализация уголовного права и его превентивное влияние, совместное применение норм уголовного и административного права для более тщательного исследования модели преступного поведения.

Данную точку зрения считаем целесообразным поддержать, поскольку существование института административной преюдиции, во-первых, позволяет повторно не исследовать обстоятельства дела, касающиеся уже установленных ранее вынесенным приговором суда фактов, во-вторых, это способствует соблюдению принципа процессуальной экономии и, в-третьих, повышает авторитет судебной власти, а также обеспечивает определенный уровень доверия между судьями, поскольку, как правило, служит способом подтверждения законности и обоснованности ранее выносимых судебных решений.

Одним из главенствующих направлений деятельности государства является охрана здоровья его граждан, в том числе и наказание за незаконное или некомпетентное оказание медицинских услуг и осуществление незаконной медицинской деятельности. В УК РФ 1996 г. действует ст. 235 «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности». Общественная опасность рассматриваемого деяния заключается в том, что незаконное оказание медицинских услуг и незаконная фармацевтика подразумевают некачественную медицинскую помощь и фармацевтическое обслуживание, что в конечном итоге наносит ущерб здоровью граждан или приводит к их смерти [2]. Как следует из решения Московского арбитражного суда от 5 февраля 2020 г. о наложении на клинику административного штрафа, женщина поступила в клинику «Медицина 24/7» 4 июля 2019 г. на частной скорой с диагнозом «острый инфаркт миокарда». До следующего дня врачи не смогли стабилизировать ее состояние, в связи с чем, по требованию родных, она была переведена в ГКБ № 1 имени Н. И. Пирогова, где впоследствии скончалась.

В ходе разбирательства было установлено, что в клинике не были организованы кардиологический кабинет и кардиологическое отделение с палатой реанимации и интенсивной терапии, что свидетельствует о нарушении «порядка оказания медицинской помощи больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями». Таким образом, мы делаем вывод, что в ООО «Медицина 24/7» был не соблюден порядок оказания медицинской помощи, что свидетельствует о нарушении положения о лицензировании медицинской деятельности. Ответственность за попытки лечения в таких неблагоприятных условиях была возложена на заведующего отделением, который, с указания главврача клиники, пытался лечить больную с инфарктом в ненадлежащих для этого условиях. За это и другие выявленные в 2019–2020 гг. нарушения на ООО «Медицина 24/7» был наложен административный штраф в 100 тысяч рублей [2].

Статья 69 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] устанавливает, что право на реализацию медицинской деятельности в России имеют лица, получившие медицинское либо другое образование в нашем государстве согласно федеральным государственным образовательным стандартам и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста. Право на осуществление фармацевтической деятельности в Российской Федерации имеют:

1) лица, получившие фармацевтическое образование в российской федерации в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, утверждаемыми в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста;

2) лица, обладающие правом на осуществление медицинской деятельности и получившие дополнительное профессиональное образование в части розничной торговли лекарственными препаратами, при условии их работы в обособленных подразделениях (амбулаториях, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктах, отделениях общей врачебной (семейной) практики) медицинских организаций, имеющих лицензию на осуществление фармацевтической деятельности и расположенных в сельских населенных пунктах, в которых отсутствуют аптечные организации (ч. 2 ст. 69) [3].

Так, прокурор обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении открытого акционерного общества к административной ответственности, установленной ч. 2 и 4 ст. 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), предусматривающими административную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) и с грубым нарушением лицензионных требований. В ходе проверки было установлено, что общество реализует лекарственные препараты без соот-

ветствующей лицензии и с нарушением правил их отпуска – без рецепта врача. Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования прокурора [4].

Согласимся с мнением Богданова А. В., который считает: «Уголовно-правовые нормы, содержащие административную преюдицию, обладают двойным предупредительным потенциалом по сравнению с другими нормами уголовного закона, поскольку наряду с выполнением задачи предупреждения преступлений, установленной в ст. 2 УК РФ, также предупреждают административные правонарушения, что способствует решению задач законодательства об административных правонарушениях, установленных в ст. 1.2 КоАП РФ» [5].

Таким образом, решение вопроса о введении новеллы касательно нормы, предусматривающей квалификацию деяния лицом, ранее подвергнутым административному наказанию, является, по нашему мнению, разумным, поскольку усилит действие уголовно правового закона и создаст дополнительное сдерживание и предупреждение повторного преступного поведения.

Противоположную точку зрения высказывает в своей работе В. Б. Поезжалов, который говорит о необходимости внедрения понятия «уголовный проступок», объясняя это тем, что при совершении административного правонарушения потенциальный нарушитель не ставит под угрозу непосредственно общественную безопасность, которая является одной из составляющих уголовного преступления. По мнению автора, органы законодательной власти в случае совершения повторного административного правонарушения одним и тем же лицом общественно опасным будут считать не административный проступок, а само лицо, допустившее повторное нарушение, – опасным по сравнению с другими, поскольку это лицо проявляет твердое негативное отношение к нормам законодательства [5].

Кроме того, автор указывает, что в настоящее время УК РФ содержит как минимум 10 норм с административной преюдицией, а также отмечает, что эта схема имеет свои недостатки. Основным упущением по мнению автора является то, что законодатель в качестве криминообразующего признака принимает факт того, что ранее лицо было привлечено к административной ответственности за аналогичное действие. Этот путь не принимает во внимание непосредственное состояние потенциального «преступника», не рассматривает у него уже сформированное девиантное поведение, непринятие им норм законодательства в целом.

Рост преступлений в рассматриваемой сфере, несовершенство законодательных норм и неточность регулирования сферы медицинской и фармацевтической деятельности влечет рассмотрение вопроса о необходимости совершенствования законодательства, а именно изменения положений УК РФ. Полагаем, что введение в УК РФ состава с административ-

ной преюдицией для лиц, занимающихся незаконной предпринимательской деятельностью, а особенно в сфере медицинского обслуживания населения, обеспечит необходимую правовую охрану этой категории отношений.

Список использованных источников

1. Соковкин А. Врачам нашлось применение в СИЗО. URL: <https://newvz.ru/info/234026.html> (дата обращения: 24.09.2023).

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве : проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6(234). С. 125–133.

4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» : обзор судебной практики (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 декабря 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Поезжалов В. Б. Необходимость корректировки административно-преюдициальных норм уголовного закона // Право : ретроспектива и перспектива. 2021. № 4 (8). С. 54–58.

© Ермоленко Т. В.

© Диваева И. Р.

УДК 342.7(470)

Заболотных Александр Александрович,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России,
старший лейтенант полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. В данной статье рассмотрены и проанализированы положительные и отрицательные тенденции миграции в Российской Федерации, а также ее влияние на социальные, экономические, политические и демографические факторы.

Ключевые слова: гражданство, права и свободы человека и гражданина, иностранные граждане, лица без гражданства, Российская Федерация, миграция, сотрудничество.

В данной статье необходимо рассмотреть и провести небольшой анализ актуальной в настоящее время темы, которая раскрывает законодательство Российского государства в части, касающейся реализации конституционной гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в частности иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающие на территории России определенное время или на постоянной основе. Кроме того, важно понять, какие проблемы имеются в данной области.

Права и свободы человека и гражданина – база конституционной гарантии России, которую стоит придерживаться в первую очередь. В настоящее время, к сожалению, возникают моменты, которые указывают на несоблюдение таковой гарантии и образуются нарушения в части прав человека и гражданина.

Необходимо отметить, что Российская Федерация провозглашает ценность человека и его прав и свобод, как главенствующий объект обеспечения охраны и реализации их в действие, вне зависимости от того, является ли лицо гражданином Российской Федерации, либо же пребывает на ее территории в качестве иностранного гражданина или лица без гражданства [1]. На данный момент государство вынуждено совершенствовать институт реализации конституционных прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, в связи с тем, что растет уровень иммиграционного притока, характеризующийся въездом на территорию Российской Федерации большого числа иностранных граждан. Целями въезда в Россию являются: получение образования, трудоустройство, а также различного рода гуманитарные соображения.

Рассмотрим для начала положительные и отрицательные аспекты миграции, отражающаяся на факторах Российской Федерации. Стоит отметить, что государственная политика миграции России, предусмотренная до 2025 года – указывается на то, чтобы провести взаимосвязь направления потоков мигрантов и доступность услуг различного рода (медицинские, образовательные). Однако стоит заметить, что учитывая социально-экономическую и международную нестабильность возникают не только положительные факторы, но и отрицательные, которые проявляются, как риски для Российской Федерации [1].

Если говорить о факторах положительного значения, то ими будут являться:

1. Пополнение ресурсов труда государства – имеет важное значение, поскольку у России в настоящее время существует кадровый голод во многих видах деятельности.

2. Повышение экономических ресурсов также занимает огромное место в сферах государства, поскольку с повышением трудовых ресурсов

растет экономика страны, что, в целом, отражается положительно при взаимодействии и взаимосвязи с другими государствами.

Кроме того, процессы миграции приносят России не только положительные социально-экономические аспекты, но и развитие России с точки зрения демографии. За последние годы миграция – компенсировала естественную убыль населения нашей страны, что значительно улучшило демографические качества. Существует расчет Федеральной службы статистики государства, которая отражает перспективу развития численности населения конкретно до 2030 г. Данная статистика прогнозирует, что на начало 2025 г. население страны составит 145 миллионов человек, однако причиной этому будет служить лишь повышенный уровень положительной миграции.

Если говорить об отрицательных моментах, то тут нужно отметить, что присутствие иностранных граждан и лиц без гражданства может повлечь за собой социальную нестабильность и разрушить межнациональное согласие в России.

Исходя из вышесказанного необходимо отметить, что законодательство России совершенствуется и решается задача – обеспечить достойный уровень жизни и иностранных граждан, а также разработать систему для реализации их конституционных прав и свобод, вне зависимости от рисков. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии экономической безопасности России на период до 2030 года» отмечает одним из рисков экономики государства – это повышенный уровень миграции в настоящее время. Государственные органы, учитывая все имеющиеся риски, делают все возможное, чтобы предоставить для мигрантов лучшие условия жизни, тем самым исключить возникновение национальных конфликтов на территории страны [2].

Для того, чтобы исключить влечение негативных факторов от миграционной политики, государственные органы придерживаются того, чтобы уделить больше внимания именно временной миграции, которая будет отражаться на доходах и стабильности нашей страны, однако данный вид миграции должен содержать в себе все законные моменты в части, касающейся официального и законного пребывания на территории государства. Все отрицательные моменты, проявляющиеся в отношении мигрантов, образуются лишь в тех случаях, когда система миграционных процессов имеет в наличии большое число незаконных мигрантов. С каждым годом растет число работников на различных предприятиях, являющихся лицами, незаконно пребывающими в России, что приводит к развитию теневой экономики, а в дальнейшем же ущемляет конституционные права иностранных граждан и лиц без гражданства.

Миграционная политика России развита на высоком уровне, поскольку она создает все условия для того, чтобы адаптировать и интегрировать иностранных граждан на территории нашей страны, а также обес-

печить защиту их конституционных прав и свобод, в соответствии именно с Конституцией Российской Федерации.

Есть множество трудов научных деятелей, которые посвящены конкретно исследованию положения иностранных граждан в области правовых норм. К примеру, действующий нотариус г. Москвы, а ранее доцент кафедры конституционного права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Е. В. Яковлева анализировала, какие есть особенности конституционной реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства в России, сравнивая реализацию их прав в странах англосаксонской правовой системы. Кроме того, в своих трудах она отмечала, что основной предпосылкой определения своего статуса личности в обществе и государстве является состояние гражданина определить свою принадлежность к конкретному государству, однако такая принадлежность должна быть комфортной в плане соблюдения и гарантии их прав и свобод в соответствии с Конституцией [4].

В связи с тем, что в России происходит отток граждан, власть России призвана развивать систему привлечения временных трудовых мигрантов и определять потребности в иностранной рабочей силе, которые нуждаются в непосредственном совершенствовании. Трудовые контракты с иностранными гражданами вне зависимости от их рода деятельности ограничены определенными сроками. Осуществляется формирование механизмов набора иностранной рабочей силы, дифференцированных в соответствии с профессионально-квалификационными запросами российской власти. Такие временные мигранты также подлежат к защите государства от посягательства на их конституционные права, а надзор за ними может осуществлять власть иных государств, что называется как правовое взаимодействие в области конституционности мигрантов. Это вызывает положительные черты в той части, которая дает наибольшую гарантию защиты прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства. Такое соглашение часто встречается между Российским государством и Республиками Узбекистан и Таджикистан. Такое межнациональное взаимодействие повышает статус России в части, касающейся развития положительной временной и постоянной миграции, отражающаяся на экономике страны. В октябре 2023 г. была проведена международная неделя бизнеса в городе Уфе Республики Башкортостан, где представители Республики Беларусь и власти Башкирии обсудили проведение такой недели на ноябрь того же года.

Кроме того, исходя из вышесказанного можно добавить как пример, что торгово-промышленная палата Республики Башкортостан оказывает содействие в организованном наборе и привлечении иностранных граждан, при наличии трудового патента, для осуществления временной трудовой деятельности на территории республики Башкортостан. В частности, такое соглашение происходит с Республикой Беларусь, что улучшает отношения межнационального характера.

Вообще, гражданство – это стойкие правовые отношения, возникающие между человеком и государством. Выражаются такие отношения взаимно, то есть у государства есть обязанность – соблюдать обеспечение прав людей и предоставлять все возможные услуги, а у человека, соответственно, выполнять требования, поставленные государством. Гражданство является стабильной системой, поскольку если лицо покидает территорию государства, его гражданство, как правило, не прекращается автоматически.

Современные реалии развития международных отношений в России вызывают необходимость решать некоторые вопросы, которые непосредственно связаны с правовым статусом иностранных граждан и лиц без гражданства [3], а также они призваны развивать отношения международного характера и увеличивать количество таких граждан на территории Российского государства.

Государство – это главный субъект по обеспечению законности и режима нахождения мигрантов на территории России. У Российской Федерации есть основное требование к таким гражданам – это исключение нелегальной миграции, в связи с ростом которой увеличивается уровень преступлений, совершаемых мигрантами, что вызывает огромную латентность конкретного рода преступной деятельности [4].

Также проблемы возникают и в моменты, когда в отношении иностранных граждан применяются меры административного выдворения и депортации. К примеру, порядок подачи жалобы на применение такой меры не дает иностранным лицам обеспечить свое право на защиту, что, между прочим, по законодательству Российской Федерации делают граждане [2]. При решении суда о депортации или выдворении лица, гражданин помещается в изолятор временного содержания, что мешает мигрантам обжаловать решение суда. Но стоит вспомнить о вышесказанном, поскольку на это также влияет незаконность пребывания таких граждан на территории нашей страны.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что проблем, касающихся реализации конституционных прав и свобод иностранных граждан, мало, а именно, они возникают только по причине незаконной миграции иностранных граждан. Российское государство делает все возможное для комфортного и целесообразного проживания мигрантов в нашей стране, и это отражается на статистике уровня миграции.

Подводя итог, необходимо отметить, что большинство законодательных положений России о правовом статусе иностранцев – это теоретический аспект, который реализуется в практической деятельности миграционной политики, а незаконная миграция затрудняет деятельность правоохранительных органов по пресечению, предупреждению и раскрытию противоправных деяний, которые совершаются иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Также стоит заметить, что есть и положительная тенденция в области защиты прав и свобод иностранных граждан, она заключается в том, что законодательство совершенствуется и практика с каждым днем все больше и больше применяется в отношении данных лиц, что вызывает рост в области обеспечения и охраны конституционных законных прав и свобод человека и гражданина [1]. Говоря о гарантии конституционной защиты, можно сказать, что не все соблюдают данную гарантию и по отношению к гражданам Российской Федерации, поэтому законодатели усердно трудятся над правовыми нормами для того, чтобы у всех пребывающих на территории страны людей была защита государства от нарушения прав и свобод, ведь именно они являются высшей ценностью.

Делая выводы, необходимо отметить, что российское государство создает множество условий для мигрантов, пребывающих в России, а также предоставляет им различного рода услуги. Также Россия сотрудничает с иными государствами, с целью привлечения в страну мигрантов, которые повышают все уровни экономики и социальной сферы России, а также повышают уровень демографии. Однако на все это негативно влияет один факт – это незаконная миграция в нашу страну, которая отрицательно сказывается на экономике страны, а также дестабилизирует социальную природу государства.

Список использованных источников

1. О концепции государственной миграционной политики России на 2019–2025 годы : указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 342. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2006 г. № 109-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Заболотных А. А.

Каац Марина Эвальдовна, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции;

Абзбаева Диана Сапаровна, слушатель 911 учебного взвода факультета подготовки следователей Уфимского юридического института МВД России, младший лейтенант полиции

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье исследуются отдельные проблемные моменты совместного исчисления и порядка продления срока предварительного следствия и заключения под стражу, делаются выводы относительно объекта исследования.

Ключевые слова: сроки в уголовном процессе, сроки предварительного следствия, срок заключения под стражу, исчисление сроков, продление сроков.

Институт исчисления процессуальных сроков по своей законодательной конструкции имеет ряд пробелов, обусловленных «проектированием» норм и их реальным применением в практике деятельности правоохранительных органов.

Проводя параллель между исчислением сроков предварительного следствия и заключения лица под стражу, можно отметить неполноценность их совместной реализации, что определяет необходимость исследования практико-ориентированной специфики исчисления сроков предварительного следствия, в аспекте установления сроков заключения лица под стражу.

Институт процессуальных сроков сопровождает деятельность следователя на протяжении всего производства по уголовному делу. Наряду с определенными уголовно-процессуальным законом правилами исчисления процессуальных сроков, в практической деятельности органов предварительного следствия сложился ряд «правовых обыкновений», подходов к подсчету сроков рассматриваемых институтов (предварительного следствия и заключения под стражу), которые во многом затрудняют деятельность следователя за счет сокращения и (или) усложнения их временного критерия.

Исследование вопросов, связанных с определением сроков заключения лица под стражу, в контексте исчисления срока предварительного следствия, было предметом рассмотрения следующих ученых в области уголовного судопроизводства: В. Н. Авдеева, Ю. К. Владимировой, В. Г. Даева, О. В. Карягиной, Т. С. Романовой, М. С. Строговича, Р. П. Сокол, И. Л. Трунова, Л. К. Труновой и других.

На сегодняшний момент особо выделяется проблема установления сроков предварительного следствия по уголовным делам, в рамках которых лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, заключено под стражу. Действующая правоприменительная практика создает серьезные трудности при строгом соблюдении установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) сроков для проведения следственных действий. Проблема точного учета календарного времени в контексте содержания лица под стражей в ряде случаев приводит к фактическому превышению процессуальных сроков, что приводит к нарушению конституционных прав и свобод граждан.

Анализируя практическую деятельность следователя, нормы уголовно-процессуального законодательства, а также теоретические походы ученых-процессуалистов, и проведя некую параллель исчисления сроков предварительного следствия и заключения лица под стражу, можно установить следующие обстоятельства:

1. Учитывая уголовно-процессуальные нормы, регулирующие порядок исчисления сроков, важно отметить, что общий срок расследования и нахождения лица под стражей будет в большинстве случаев различаться, за исключением ситуации, когда решение о возбуждении уголовного дела и об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу будет принято в один день.

В этой связи следует обратить внимание на такие понятия, как «течение» и «исчисление», поскольку первый процесс, присущ исключительно времени как самостоятельному и независимому явлению, однако «исчисление» представляет собой деятельность человека, направленную на измерение временного промежутка [1].

Итак, сроки предварительного следствия и заключения лица под стражу, согласно действующему законодательству, исчисляются месяцами, при этом момент начала течения срока следствия выпадает на сутки, когда было принято решение о возбуждении уголовного дела, а исчисление осуществляется со следующих суток.

В свою очередь, течение и исчисление срока заключения лица под стражу совпадает, поскольку в УПК РФ обращено внимание на момент фактического задержания, то есть фактического лишения свободы передвижения гражданина с учетом времени и суток (ч. 3 ст. 128 УПК РФ). Например, «20.10.2023» принимается решение о возбуждении уголовного дела, в рамках которого в «10:00 часов 20.10.2023» задерживается лицо.

В этот же день принимается решение о заключении лица под стражу до 20.12.2023. Исходя из теоретической основы, исчисление срока следствия охватывает период «с 21.10.2023 по 19.12.2023 включительно», поскольку «20.10.2023» – день возбуждения уголовного дела, он не берется во внимание при исчислении, следовательно окончание выпадает на «19.12.2023» включительно, «20.12.2023» никаких следственных действий осуществляться не может. Исчисление нахождения лица под стражей выпадает на период «с 20.10.2023 по 19.12.2023 включительно», захватывать «20.12.2023» нельзя, поскольку данные сутки будут началом течения и исчисления третьего месяца [2].

2. Анализируя нормы УПК РФ, регулирующие сроки предварительного следствия и заключения под стражу, требуется единообразное понимание для вынесения соответствующих процессуальных решений. При принятии решения следователем о возбуждении перед судом ходатайства о применении в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу, затрагиваются конституционные права гражданина, а именно право на свободу передвижения, что требует более пристального внимания при установлении срока нахождения лица под стражей. Здесь наше внимание нацелено на прописывании в резолютивной части постановления следователя, а также в решении суда о заключении лица под стражу, предлогов «до» и «по», что значительно меняет положение гражданина. Рассматривая следственную и судебную практику, можно сделать вывод, что употребляются оба предлога, что не является ошибкой, однако важен контекст и соотношение со сроком предварительного следствия. Например, если срок следствия продлен до «20.10.2023», то судьей принимается решение о заключении лица под стражей на срок по «19.10.2023» или аналогично до «20.10.2023».

3. Вопрос продления срока содержания лица под стражей согласно ч. 8 ст. 109 УПК РФ следует решать предоставлением ходатайства в суд не позднее чем за 7 суток до его истечения. Условно, момент истечения срока нахождения лица под стражей и предварительного следствия совпадает, однако срок следствия продлевается не позднее чем за 5 суток до дня его истечения в соответствии с ч. 7 ст. 162 УПК РФ. При этом требуется резолюция руководителя следственного органа, руководителя следственного органа субъекта в зависимости от срока продления. В ходе практической деятельности сложилась негласная процедура направления суду «пакета» документов на продление срока заключения лица под стражу с приложением постановления, возбуждающего ходатайство о продлении срока предварительного следствия без резолюции руководителя следственного органа. Следователь должен иметь гарантию в действительном продлении срока следствия на тех основаниях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

4. Если рассматривать ситуацию окончания срока следствия и направления уголовного дела на проверку прокурору, требующей по закону 10 суток, а после в суд (14 суток), можно констатировать, что этот временной период (в объеме 24 суток) должен учитываться, в случае нахождения лица под стражей, поскольку в соответствии с ч. 8 ст. 109 УПК РФ срок заключения лица под стражу заканчивается направлением уголовного дела для утверждения обвинительного заключения прокурору. Таким образом, срок следствия заканчивается, а течение срока содержания лица под стражей продолжается. Следственная практика показывает, что большинство работников следствия «закладывают» данный срок в срок следствия, тем самым не имея возможным осуществлять расследование в полном объеме, учитывая, что вместо положенных двух месяцев, на расследования выделяется 36 суток. Данная практика обуславливается негласным правилом органов прокуратуры и суда о нецелесообразности продления срока содержания лица под стражей за пределами срока предварительного следствия, что вынуждает органы следствия сокращать сроки расследования. Следует отметить, что практическая проблема являлась объектом исследования А. С. Бахта и И. Н. Нуриева, отстаивающих взгляды об обязательном условии соблюдения 24-суточного срока заключения под стражу при завершении предварительного расследования [3].

Таким образом, нами были выявлены основные проблемные моменты, обусловленные взаимосвязью исчисления сроков предварительного следствия и заключения под стражу. На наш взгляд, следует расширить легальное закрепление правил исчисления данных сроков, поскольку действующие в настоящее время «правовые обыкновения» усложняют деятельность следователя, требуют «подстраивания» процессуальных сроков предварительного следствия и заключения под стражу под негласные правила надзирающего и контролирующего органов. Можно также констатировать, что институт исчисления процессуальных сроков в целом имеет большой спектр для научного исследования, исходя из реализации уголовно-процессуальных норм.

Список использованных источников

1. Яшин В. Н. О некоторых проблемах исчисления сроков в уголовном процессе // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 152–157.

2. Обзор практики рассмотрения судами ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Бахта А. С., Нуриев И. Н. Совместное исчисление сроков предварительного следствия (дознания) и срока содержания под стражей как ис-

кусственный тормоз предварительного расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 24–30.

4. Стельмах В. Ю. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2023.

© Каац М. Э.

© Абзбаева Д. С.

УДК 342.721

Казамиров Анатолий Иванович,
начальник кафедры конституционного
права Уфимского юридического инсти-
тута МВД России, кандидат юридиче-
ских наук, доцент, полковник полиции;
Джавакова Каринэ Владимировна,
начальник кафедры теории государ-
ства, права и защиты прав человека
Академии МВД Республики Узбеки-
стан, доктор философских наук, про-
фессор, полковник

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН – УЧАСТНИЦ СНГ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правовой регламентации и закрепления права человека на свободу и личную неприкосновенность в конституциях стран – участниц СНГ. Автор обращает внимание на то, что закрепление в основном законе государства правовых гарантий прав человека является одним из важнейших условий их реализации.

Ключевые слова: право человека на свободу, личная неприкосновенность, правовые гарантии, защита, обеспечение, реализация прав человека.

Права человека – одна из основополагающих ценностей современной цивилизации – понятие сложное, многогранное. Они появляются у людей в момент рождения не только как неотъемлемые (государство не вправе их отнимать) условия существования, которых требует природа человека для его выживания и возможностей развития, но и как средство и цель жизни, вне зависимости от того, осознаются они или нет. Права человека универсальны, ибо являются достоянием каждого; неделимы, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Их сила не только в том, что они нашли свое отражение в юридически закрепленных нормах, но и в том, что они представ-

ляют собой некую универсальную норму и моральную основу законодательства вообще.

Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозгласила: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека является обязанностью государства».

Одним из основных гражданских (личных) прав человека является право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в ст. 22 Конституции Российской Федерации:

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Право на свободу есть не что иное, как свобода, т. е. возможность совершать любые правомерные действия. В этом праве заложено ограничение для свободы других людей, и особенно должностных лиц, обладающих возможностью применения принуждения к людям. В неразрывной связи с ним находится (но не совпадает) личная неприкосновенность человека, которая распространяется на его жизнь, здоровье, честь, достоинство. Никто не вправе силой или угрозами принуждать человека к каким-либо действиям, подвергать его истязанию, обыску или наносить вред здоровью. Человек вправе сам распоряжаться своей судьбой, выбирать свой жизненный путь [1].

Конституция Российской Федерации содержит такую важную правовую гарантию права человека на свободу и личную неприкосновенность, как ограничение срока до судебного ареста, заключения под стражу и содержания под стражей. Срок досудебного ограничения свободы человека, равный 48 часам, характерен для большинства конституционных актов современных государств.

В Конституциях стран – участниц СНГ отражен разный подход к закреплению гарантий данного права, начиная от срока, в течение которого лицо может быть арестовано, заключено под стражу и содержаться под стражей до судебного решения, и заканчивая детальной регламентацией возможного ограничения данного права, а также указанием на права лица, подвергнутого аресту либо задержанию, и меры правовой ответственности за нарушение права.

Так, например, в Конституциях Республики Беларусь, Республики Туркменистан и Республики Армении не указан срок, в течение которого может быть ограничено право на свободу и личную неприкосновенность досудебного решения об аресте и содержании лица под стражей. Как правило, конституции отсылают к отраслевому законодательству.

В некоторых государствах, в частности в Республике Казахстан (ч. 2 ст. 16 Конституции Республики Казахстан), указано: «Арест и содержание под стражей допускаются только в предусмотренных законом случаях и

лишь с санкции суда с предоставлением арестованному права обжалования. Без санкции суда лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более семидесяти двух часов».

На наш взгляд, интересным представляется опыт Кыргызской Республики, где в конституции предусмотрена отдельная глава, посвященная гарантиям прав и свобод человека (глава VI «Гарантии прав и свобод человека и гражданина»).

Статья 59 Конституции Кыргызской Республики гласит:

1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Никто не может быть лишен свободы только на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо гражданско-правовое обязательство.

3. Никто не может быть задержан, заключен под стражу, лишен свободы иначе как по решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом.

4. Никто не может быть подвергнут задержанию на срок более 48 часов без судебного решения.

Каждое задержанное лицо незамедлительно до истечения 48 часов с момента задержания должно быть доставлено в суд для решения вопроса о законности и обоснованности его задержания. Если отпадает основание, по которому лицо было задержано, оно должно быть немедленно освобождено. Законом в отдельных случаях могут быть установлены более короткие сроки задержания.

5. Каждому задержанному лицу должно быть безотлагательно сообщено о мотивах задержания и разъяснены его права.

С момента задержания лицу обеспечивается безопасность, предоставляется возможность защищать себя лично, пользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката, а также право на медицинский осмотр и помощь врача.

6. Каждое лицо, задержанное или заключенное под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на возмещение ущерба за счет государства, с выплатой компенсации в порядке и размерах, установленных законом. В случае выявления заведомо незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу должностные лица несут уголовную ответственность [2].

Если проанализировать поправки, введенные в новую редакцию Конституции Республики Узбекистан, то мы увидим, что в основном законе закреплены надежные механизмы правовой защиты человека и гражданина, воплощающие в себе практически все современные способы защиты прав человека, в том числе преступившего закон, от любого произвола со стороны государственных органов, должностных лиц [3]. Так, значительно усилены гарантии обеспечения прав и свобод человека, в том числе путем закрепления на конституционном уровне общепризнанных институ-

тов «хабеас корпус» и «правила Миранды». В частности, введены следующие нормы, направленные на закрепление данных институтов (ст. 27 и 31):

а) лицу при задержании должны быть разъяснены на понятном ему языке его права и основания задержания;

б) подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не обязан доказывать свою невиновность и в любое время может воспользоваться правом хранить молчание;

в) арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по решению суда. Без решения суда лицо не может быть задержано на срок более 48 часов. Лицо до истечения 48 часов с момента его задержания должно быть доставлено в суд для решения вопроса о законности и обоснованности задержания. В случае, если в суде не будут доказаны законность и обоснованность задержания, лицо должно быть незамедлительно освобождено;

г) каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, электронных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только в соответствии с законом и на основании решения суда;

д) никто не может проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц. Проникновение в жилище, а также выемка и осмотр в нем допускаются лишь в случаях и порядке, предусмотренных законом. Производство обыска жилища допускается только в соответствии с законом и на основании решения суда.

В целях обеспечения гарантий судебной защиты прав человека полномочия по санкционированию прослушивания переговоров и производству обыска передаются от прокурора суду.

Впервые в Основном законе (ст. 27 и 28) закрепляется, что:

а) в пользу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного разрешаются все сомнения в виновности, если исчерпаны возможности их устранить;

б) каждый вправе не свидетельствовать против себя самого и близких родственников. При этом в Конституции четко указывается: если признание человеком своей вины является единственным доказательством против него, он не может быть признан виновным или подвергнут наказанию;

в) лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение чести и достоинства, присущих человеческой личности;

г) судимость лица и вытекающие из этого правовые последствия не могут быть основанием для ограничения прав его родственников и другое.

Также устанавливается, что каждый имеет право на защиту своих персональных данных, требование об исправлении недостоверных данных, уничтожение данных, собранных о нем незаконным путем или более не имеющих правовых оснований (ст. 31); гарантируется право каждого лица пользоваться помощью адвоката по своему выбору на любой стадии уголовного процесса, усиливаются государственные гарантии по обеспе-

чению потерпевшим защиты, доступа к правосудию и созданию условий для возмещения нанесенного им вреда (ст. 29); определяется право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Вместе с тем каждому для восстановления своих нарушенных прав и свобод гарантируется право на рассмотрение своего дела в установленные законом сроки компетентным, независимым и беспристрастным судом. Более того, каждому в соответствии с законодательством и международными договорами Республики Узбекистан предоставляется конституционное право обращаться в международные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ст. 55).

Мы считаем, что такая правовая конструкция позволяет не только закрепить само право человека, но и предусмотреть правовые гарантии в основном законе государства.

Несмотря на то, что конституции – правовые акты высокого нормативного уровня, в некоторых случаях, на наш взгляд, есть смысл детальнее прописывать отдельные вопросы, относящиеся к правам и свободам человека и гражданина и их защите.

По нашему мнению, детальная регламентация в основном законе государства оправдана. Данная правовая конструкция не только четко определяет права и обязанности участников правоотношений, предусматривает механизм обеспечения данного права и меры ответственности лиц, виновных в его нарушении, но и позволяет обеспечить прямое действие конституции на общественные отношения.

Список использованных источников

1. Петрухин И. А. Научно-практический комментарий Конституции Российской Федерации. М., 1997. С. 127.

2. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34355174&doc_id2=34355174#pos=5;-108&pos2=557;108 (дата обращения: 09.10.2023).

3. Конституция Республики Узбекистан. URL: <https://constitution.uz/ru/clause/index> (дата обращения: 09.10.2023).

© Казамиров А. И.

© Джавакова К. В.

Киселева Александра Алексеевна,
адъюнкт Академии управления
МВД России, лейтенант полиции

О ДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ПОКАЗАНИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ НЕПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ПОДВЕРГАЕМЫХ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ИЛИ «ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ» ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются условия получения и использования в уголовно-процессуальном доказывании по уголовному делу показаний должностных лиц, осуществляющих непроцессуальную деятельность в отношении подвергаемых уголовному преследованию или «потенциальных» подозреваемых.

Ключевые слова: производные показания, допустимость доказательств, показания свидетеля, показания должностных лиц.

Обвинительный потенциал в российском уголовном процессе вполне удовлетворителен. Государственные органы и должностные лица, представляющие сторону обвинения, имеют достаточные средства и возможности для уголовного преследования. Российский уголовный процесс – процесс смешанного типа. В связи с этим сторона защиты в известной мере ограничена в возможностях самостоятельного собирания доказательств, прежде всего на стадии предварительного расследования. В целях некоторого уравновешения потенциала сторон в доказывании в отечественном уголовном процессе действует правило «благоприятствования защите» (положения ст. 51 Конституции Российской Федерации, п. 1 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и др.). «Благоприятствование защите» выражено в нормах, которые, на первый взгляд, противоречат логике судопроизводства и продиктованы нравственными началами судопроизводства, обеспечивают действие принципов презумпции невиновности и состязательности.

В целом такие нормы выполняют полезную функцию до тех пор, пока не становятся нормами-агрессорами по отношению к иным предписаниям и не появляются в связи с недоверием к государственным органам, осуществляющим уголовный процесс. Благоприятствование в данной статье будет рассмотрено через возможность (невозможность) использовать в уголовном процессе информацию, полученную от лица, подвергающегося уголовному преследованию, или при наличии вероятности такого преследования.

Пределы действия правила «благоприятствования защите» строго определяются законодательством и отнюдь не должны толковаться расши-

рительно. Между тем в последнее время стали наблюдаться негативные тенденции правоприменительной практики, состоящие в стремлении ограничить использование в доказывании показаний должностных лиц, осуществляющих процессуальную или иную служебную деятельность, об обстоятельствах, которые стали им известны от лица, подвергающегося уголовному преследованию (потенциального подозреваемого, обвиняемого).

По вопросу использования в уголовно-процессуальном доказывании показаний должностных лиц, осуществляющих процессуальную или иную правоохранительную деятельность, отчасти сформулирована позиция Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), которая требует анализа и нуждается в уточнениях. Еще в 2004 году Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, которая не преднамеренно стала основанием для формирования негативной правоприменительной практики [1]. Конституционный Суд определил, что путем допроса следователя (дознателя) нельзя восстанавливать показания подозреваемого (обвиняемого), данные в досудебном производстве без защитника и не подтвержденные в суде, которые являются недопустимыми доказательствами (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Такая позиция представляется логичной и не поддается сомнению: лицо, обладающее процессуальным статусом в уголовном процессе, должно быть обеспечено уголовно-процессуальными гарантиями; показания, признанные недопустимыми в установленном законом порядке, равно как и любые другие недопустимые доказательства, не могут быть восстановлены через допрос должностных и иных лиц.

Однако ни уголовно-процессуальный закон, ни высшие судебные органы не дают однозначного ответа на вопрос, как действовать правоприменителю в случаях, когда лицо, не обладающее процессуальным статусом (или обладающее таковым), дает пояснения об обстоятельствах преступной деятельности при производстве непроцессуальных действий (физическое задержание сотрудниками полиции, доставление к следователю, дознавателю и др.), а затем от них отказывается по различным причинам (чаще – при появлении в деле защитника с выстроенной линией защиты, направленной, как правило, на реализацию конституционного права «молчать»). Судебные решения в таких случаях разнятся. Возможно ли полученную от потенциального (или уже реального) подозреваемого информацию использовать в уголовном судопроизводстве путем допроса осведомленных о ней лиц (должностные лица, понятые, представители общественности и др.)? Полагаем, что на данный вопрос необходимо ответить утвердительно, однако с учетом некоторых особенностей.

Рассмотрим две ситуации (в зависимости от положения лица и правового режима, при котором становится известной интересующая органы расследования информация): первая – лицо наделено процессуальным статусом или не наделено, однако находится в уголовно-процессуальном поле и в отношении него ведется уголовное преследование (даже если он не

приобрел официального статуса подозреваемого, обвиняемого); вторая – лицо не имеет процессуального статуса и пока не является преследуемым.

Обратимся к решениям Конституционного Суда. В своем определении от 20 марта 2007 г. № 174-О Конституционный Суд указал, что при получении информации от подозреваемого (обвиняемого) вне рамок уголовного процесса (не в ходе процессуальных действий) она может служить предметом допроса потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства и использоваться в качестве доказательства по уголовному делу в виде показаний данных лиц [2]. Предполагается, что информация, полученная лицом не в связи с уголовным преследованием подозреваемого, может быть вовлечена в уголовный процесс путем допроса свидетеля, в том числе должностного лица, который стал осведомленным о такой информации непреднамеренно или при осуществлении непроцессуальных функций (оперативно-розыскные мероприятия или обеспечительные меры). При этом в более раннем решении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что при осуществлении уголовного преследования необходимо исходить из фактического положения лица и с начала преследовательской деятельности обеспечивать его уголовно-процессуальными гарантиями [3]. Отсюда следует недопустимость использования информации, полученной должностным лицом от потенциального подозреваемого при осуществлении преследовательских действий (возбуждение уголовного дела, производство следственных действий и иные меры, предпринимаемые в целях его изобличения или свидетельствующие о наличии подозрений против него). Примеры правоприменительной практики свидетельствуют о ее несовершенстве ввиду чрезмерно широкого толкования позиции Конституционного Суда: из доказательственной базы по уголовному делу судебные органы исключают показания свидетелей (чаще – должностных лиц) о сведениях, полученных от подозреваемого, при осуществлении действий, которые нельзя отнести к уголовному преследованию [4].

Заметим, что в основном Конституционный Суд, а также иные судебные органы указывают на недопустимость показаний свидетелей – должностных лиц государственных органов, как правило, считая их заинтересованными в исходе дела. При этом установленные ограничения не охватывают обычных граждан, осведомленных о пояснениях преследуемого. Полагаем, что такая градация недопустима.

В основе российского уголовного процесса лежит принцип свободной оценки доказательств, означающий их непредустановленность. Отсюда следует, что показания должностных лиц не должны заблаговременно оцениваться как менее надежные, имеющие меньшую юридическую силу, чем показания иных лиц. Выбраковка из доказательственной базы по уголовному делу всей цепочки вербальных сведений, полученных должностными лицами в различных правовых режимах, не препятствующих ее использованию в уголовном процессе и недоступных непосредственному ис-

следованию судом, свидетельствует о формализации доказывания, что противоречит принципу свободы оценки доказательств.

Список использованных источников

1. По жалобе гражданина Демьяненко В. Н. на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Р. В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 42, 56 и 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2007 г. № 174-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Президиума Нижегородского областного Суда от 11 сентября 2019 г. № 44У-69/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MEdsAlTnbwNm/> (дата обращения: 16.10.2023).

© Киселева А. А.

УДК 343.13

Латыпов Вадим Сагитьянович, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции;
Денисова Таисья Алексеевна, слушатель Уфимского юридического института МВД России, младший лейтенант полиции

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В СФЕРЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В представленной статье авторами рассмотрена методика расследования отдельных форм хищений, совершенных с использованием методов социальной инженерии в сфере информационно-телекоммуникационной сети, что позволило выделить типичные след-

ственные ситуации хищения. Исходя из особенностей каждой ситуации на стадии рассмотрения сообщения о преступлении правоохранными органами предложен ряд процессуальных мероприятий. Авторы приходят к обоснованному выводу о том, что цифровизация общественной жизни позволила совершать преступления дистанционно и создавать инструменты психологического манипулирования на удалении. Злоумышленникам, использующим методы социальной инженерии, удается войти в доверие и обманом путем заполучить конфиденциальную информацию потерпевшего и убедить его совершить действия для незаконного получения денежных средств, что требует от сотрудников правоохранительных органов принятия своевременных процессуальных решений, основанных на предложенных следственных ситуациях.

Ключевые слова: предварительное расследование, сообщение о преступлении, следственная ситуация, процессуальные действия, досудебное производство, информационные технологии.

Тенденции организации жизнедеятельности современного общества характеризуются цифровой трансформацией во всех сферах. Это не только открывает перспективы развития, но и предопределяет появление новых форм и способов совершения преступлений – с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. 371,4 тысячи преступлений, совершенных данным способом, были зарегистрированы в России в январе–июле 2023 года, что больше чем за аналогичный период прошлого года на 27,9 %. Из них 70,8 % совершается путем кражи или мошенничества [1]. Это наносит значительный ущерб экономике государства и нарушает право частной собственности населения. В связи с вышесказанным возрастает актуальность совершенствования методики расследования на различных этапах отдельных видов преступлений, которые совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Сущность хищений заключается в безвозмездном и противоправном изъятии чужого имущества с корыстной целью, причиняющем материальный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, а также характеризующимся обращением этого имущества в пользу виновного или иных лиц [2]. Хищения, попадающие под категорию совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации, без дополнительных условий квалифицируются по п. «г» ч. 3 ст. 158 «Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Злоумышленники используют различные способы совершения данных противоправных деяний. Одним из таких является использование ме-

тодов социальной инженерии, которые по экспертным данным являются основным инструментом для хищения денежных средств [3]. Результатом их применения является то, что владельцы электронных денежных средств самостоятельно передают конфиденциальную информацию, необходимую для доступа к банковским счетам, переводят свои средства на счет преступника [4] и так далее. Следовательно, под социальной инженерией понимается использование психологических манипуляций, приемов и методов, позволяющих побудить потерпевшего к совершению определенных действий в интересах правонарушителя. Актуальность данной проблематики выражается в том, что только за первые три месяца 2023 года путем «кибермошенничеств» объем похищенных денежных средств вырос почти на 30 % по сравнению со средними значениями 2022 года [5].

В сентябре–октябре 2023 года автором было проведено исследование методики расследования отдельных форм хищений, совершенных с использованием методов социальной инженерии в сфере информационно-телекоммуникационной сети, по материалам следственного отдела в Оренбургской области. В ходе сбора эмпирических данных были использованы методы анализа материалов уголовных дел и опроса практических сотрудников, специализирующихся на расследовании данных видов преступлений. На основании этого были выявлены тактические особенности этапа проверки сообщения о преступлении, которые будут раскрыты далее.

После принятия сообщения о преступлении выявляются следующие типичные следственные ситуации хищения, совершенного в сфере информационно-телекоммуникационных систем с использованием методов социальной инженерии:

1. Злоумышленник посредством телефонного звонка представился сотрудником банка и под предлогами выдачи кредитов (займов), предотвращения блокирования банковской карты, несанкционированного списания денежных средств, сохранения денежных средств на резервном счете либо оказания услуг финансового консультанта при инвестировании средств на фондовом рынке узнал конфиденциальную информацию потерпевшего или побудил совершить иные действия, необходимые для тайного проникновения в систему дистанционного банковского обслуживания.

2. Злоумышленник посредством телефонного звонка представился сотрудником правоохранительных органов и под предлогом освобождения родственника (либо его самого и иных лиц) от уголовной ответственности узнал конфиденциальную информацию потерпевшего для тайного доступа в систему дистанционного банковского обслуживания либо побудил совершить иные действия по передаче денежных средств самостоятельно.

3. Злоумышленник путем взлома страниц в социальных сетях и иных сайтах или регистрации в них под фальшивыми личными данными под предлогом займов, заработка денежных средств, оказания пассажирских услуг через сервисы по поиску попутчиков, предоставлении услуг досуга

или продажи товаров посредством рассылки «фишинговых сайтов» в сети Интернет получил идентификационные данные заявителя.

В связи с совершением вышеуказанных действий, содержащих методы социальной инженерии, пострадавшие самостоятельно предоставляют конфиденциальную информацию (реквизиты банковской карты, пароль «мобильного банка», информацию, содержащуюся в смс-уведомлении) либо устанавливают программы удаленного доступа на используемое им техническое устройство; осуществляют передачу наличных денежных средств курьеру, таксисту; переходят по ссылке «фишинговых сайтов» и вводят данные банковских карт, скачивают вредоносные программы.

Исходя из особенностей каждой ситуации на стадии рассмотрения сообщения о преступлении правоохранительным органам необходимо проводить следующие мероприятия:

1. Оперативный выезд на место происшествия следственно-оперативной группы.

2. Опрос заявителя по обстоятельствам совершенного преступления (важно обозначить следующие данные: дата и время поступления звонка; кем представился собеседник, содержание разговора – какие действия предлагал произвести, какую информацию просил сообщить, характерные особенности голоса и речи, способность его опознания; были ли установлены на устройство заявителя какие-либо программы; какие сообщения поступали на устройство; способ передачи денежных средств, время и место; если онлайн-перевод, то через какую платежную систему, если в офлайн-формате, то описать, кто, на чем и где забирал денежные средства; информация о соединениях его абонентского номера телефона, о движении денежных средств на его банковском счете и иная, подтверждающая факт перевода злоумышленникам денежных средств, информация) и очевидцев (родственников, соседей и т. д.).

3. Осмотр места происшествия (технического устройства, которым пользовался заявитель – стационарного компьютера, ноутбука, планшета, мобильного телефона; места передачи наличных денежных средств, а также прилегающей территории; мест переводов, зачислений денежных средств, а также терминалов самообслуживания или банкоматов) и изъятие в рамках него предметов и документов, фото- и видеоматериалов, имеющих криминалистическое значение.

4. Проверка по учетам сведений о данном способе совершения преступления на наличие совпадений (ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество»), а при наличии таковых – направление запросов в территориальные органы МВД России.

5. Установление данных владельцев номеров, используемых при совершении преступления, с которыми у заявителя был контакт, и владельцев счетов, на которые были переведены денежные средства, а также задержание с поличным лиц, пытающихся легализовать похищенное.

Совокупность указанных выше и иных тактических особенностей позволит собрать наиболее полную информацию о совершенном деянии, установить характер события и принять законное решение о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, цифровизация общественной жизни позволила совершать преступления дистанционно и создавать инструменты психологического манипулирования на удалении. Злоумышленникам, использующим методы социальной инженерии, удастся войти в доверие и обманным путем заполучить конфиденциальную информацию потерпевшего и убедить его совершить действия для незаконного получения денежных средств. В связи с ростом числа совершения хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в совокупности с указанными выше методами психологического манипулирования необходимо совершенствовать методику их расследования на всех этапах. В ходе проверки сообщения о преступлении необходимо оперативно осуществлять неотложные следственные и иные действия, позволяющие провести анализ противоправного деяния, подтвердить факт перевода денежных средств, изъять предметы и документы, имеющие криминалистическую информацию, а также установить злоумышленников.

Список использованных источников

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–июль 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. 16 августа. URL: <https://мвд.рф/reports/item/40874008/> (дата обращения: 29.10.2023).

2. Анистратенко А. В. Понятие хищения по Уголовному праву России // Вестник Волжский университет имени В. Н. Татищева. 2010. № 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-hischeniya-po-ugolovnomu-pravu-rossii> (дата обращения: 29.10.2023).

3. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. 2022 / Банк России. 2023. 14 февраля. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/ (дата обращения: 29.10.2023).

4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

5. ЦБ оценил объем похищенных кибермошенниками денег в 4,5 млрд руб. // ТАСС. 2023. 5 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18194805> (дата обращения: 29.10.2023).

© Латыпов В. С.

© Денисова Т. А.

Маликова Наталья Валерьевна,
доцент кафедры уголовного про-
цесса Уфимского юридического
института МВД России, кандидат
юридических наук, полковник по-
лиции

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных проблем, а также пробелов уголовно-процессуального законодательства России. Автором предлагаются варианты их преодоления.

Ключевые слова: пробелы, уголовно-процессуальный закон, следственные действия, участники уголовного процесса, присяжные заседатели, контроль и запись телефонных переговоров.

Наличие пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве – явление не новое и не удивительное, однако говорить о их естественности – значит принять их как данность и не стремиться к их преодолению. По нашему мнению, законодатель, в том числе и с помощью правоприменителей, должен пытаться прийти к закреплению максимально функциональных норм законодательства; что, собственно говоря, и делается в свете имеющихся данных, говорящих о том, что в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) со дня его вступления в силу и применения внесено уже порядка 300 изменений и дополнений [1]. Данные обстоятельства позволяют утверждать об актуальности вопросов, связанных с решением проблем, встречающихся в уголовно-процессуальном законодательстве.

Как справедливо подмечено учеными-процессуалистами, нормы ч. 1 УПК РФ наиболее статичные, поэтому в них реже вносятся поправки, в то время как нормы ч. 2–6 подвержены изменениям, дополнениям, что связано с более быстрой сменой общественных отношений [2].

Согласимся с Н. О. Овчинниковой, которая не разграничивает понятия «пробел в уголовно-процессуальном праве» и «пробел в уголовно-процессуальном законе» и под пробелом в уголовно-процессуальном праве понимает полное или частичное отсутствие нормативных предписаний, регламентирующих деятельность участников уголовного судопроизводства, либо недостаточную определенность формулировок уголовно-процессуальных норм, не позволяющую однозначно толковать их содержание и единообразно применять при производстве по уголовным делам [3]. В данной статье остановимся на некоторых противоречиях и неточностях

в уголовно-процессуальном законодательстве, имеющих место на сегодняшний день.

Видится целесообразным в главе 5 «Суд» предусмотреть нормы, раскрывающие правовой статус присяжных заседателей, поскольку данные субъекты участвуют в отправлении правосудия и выносят вердикт. Оппоненты могут сказать, что у нас есть Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», в котором подробнейшим образом прописан статус данных субъектов. Тем не менее наличие специальных нормативных актов, регулирующих деятельность прокурора, следователя и иных участников уголовного судопроизводства не остановило законодателя в раскрытии их статусов в УПК РФ. Поэтому считаем обоснованным предусмотреть статью, раскрывающую полномочия присяжных заседателей именно в главе 5 УПК РФ. Внесение подобного дополнения потребует исключения ст. 333 УПК РФ «Права присяжных заседателей» за ненадобностью.

Еще в 2018 г. законодателю требовалось убрать из ч. 1 ст. 170 УПК РФ «Участие понятых» ссылку на ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, поскольку указанная норма утратила силу [4].

Считаем необходимым ч. 2 ст. 186 УПК РФ привести в соответствие со следующим содержанием: «В случаях, не терпящих отлагательства, при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц контроль и запись телефонных и иных переговоров допускается по письменному заявлению указанных лиц, с последующим обязательным уведомлением суда в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ; а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения». Внесение подобного изменения потребует приведение в соответствие с ней ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в которой необходимо среди следственных действий, проводимых в случаях, не терпящих отлагательства, указать «контроль и запись телефонных переговоров». Подобные корректировки уголовно-процессуальных норм позволят соблюдать конституционные права граждан на тайну телефонных переговоров (ст. 23 Конституции Российской Федерации). К тому же практика идет именно по пути «узаконивания» проведения контроля и записи переговоров, как это предусмотрено в ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Но следует акцентировать внимание на том, что там о подобном следственном действии речь не идет.

Еще одна давно назревшая проблема – отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве определения следственных действий и четкого понимания, какие именно процессуальные действия относятся к следственным, а какие – к иным. Следует отметить, что подобного перечня не предусматривалось и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, в нем предлагался лишь исчерпывающий перечень «неотложных

следственных действий». Стоит сказать, что УПК РФ такого перечня не предусматривает, а лишь указывает, по каким делам они допустимы и в каких целях.

Отсутствие четкого понимания того, какие процессуальные действия относятся к следственным, ведет к утрате доказательств в случаях приостановления уголовного дела в порядке ст. 208 УПК РФ, так как «после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается» (ст. 209 УПК РФ).

Ученые-процессуалисты на протяжении многих лет ведут споры по поводу определения дефиниции «следственных действий». Если выделить основные критерии данного понятия, то они представляют собой процессуальные действия, направленные на обнаружение, проверку и закрепление доказательств [5].

Что интересно, ряд ученых все-таки усматривают в действующем УПК РФ систему следственных действий, аргументируя это тем, что «следственные действия предусматривают собой организованную и целостную систему, заключающуюся в их внутренней взаимосвязи и упорядоченности. Так, все следственные действия имеют схожую правовую конструкцию; в равной мере подчинены принципам уголовного судопроизводства и нравственным требованиям общества; в их основе лежат одни и те же познавательные и удостоверительные операции» [6].

Таким образом, для правильного правоприменения требуется в отдельной главе раздела VIII «Предварительное расследование» предусмотреть исчерпывающий перечень следственных действий, а также закрепить понятие «следственное действие» в ст. 5 УПК РФ.

Исследуемые выше проблемы уголовно-процессуального законодательства усложняют работу практических органов, допускают «двойные стандарты» в правоприменении, рождают споры в научных кругах. Своевременное принятие «адекватных» уголовно-процессуальных норм, а также совершенствование уже имеющихся позволят повысить эффективность производства предварительного расследования и судебного разбирательства.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 -ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Подлесных С. Н. Виды пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 2. С. 331–340.

3. Овчинникова Н. В. Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов : ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. 255 с.

4. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кальницкий В. В. Следственные действия : учеб. пособие. Омск : ОМА МВД России, 2011. 222 с.

6. Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе : методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986. С. 104.

© Маликова Н. В.

УДК 347.923(470)

Морин Александр Владимирович,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин Уфимского юридического
института МВД России, кандидат юри-
дических наук, доцент, полковник по-
лиции;

Кумакбаева Марина Султановна, до-
цент кафедры общеправовых дис-
циплин Актюбинского юридического
института МВД Республики Казахстан
имени Малкеджара Букенбаева, пол-
ковник полиции

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ АДРЕСА И ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СООБЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена анализу терминов «исключительные адреса» и «юридически значимые сообщения». Автор обращает внимание на отдельные проблемные аспекты из законодательного регулирования, указывает на необходимость руководства принципом добросовестности при разрешении вопроса о надлежащем уведомлении лиц.

Ключевые слова: добросовестность, исключительные адреса, юридически значимые сообщения, надлежащее уведомление.

В целях регулирования отношений, входящих в предмет гражданско-го права, а также систематизации отдельных видов юридически значимых сообщений в случаях, предусмотренных договором или законом, законодатель в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) за-

крепил соответствующее понятие «юридически значимые сообщения». Так, в частности, в ст. 165.1 ГК РФ к рассматриваемой нами категории законодатель отнес заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица [1].

Основной отличительной особенностью юридически значимых сообщений является то, что в них содержится информация, имеющая правовое значение как для адресата, так и для отправителя.

В указанной выше статье законодатель отразил момент, с которого у лица возникают соответствующие гражданско-правовые последствия. Им является момент фактической доставки адресату (вручения ему или получения им) юридически значимого сообщения.

В целях исключения двояких трактовок положений абз. 1 ст. 165.1 ГК РФ законодатель также указал на тот факт, что сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, оно не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним. Например, сообщение считается доставленным, если адресат уклонился от получения корреспонденции в отделении связи, в связи с чем она была возвращена по истечении срока хранения.

С точки зрения процессуальных особенностей применимости рассматриваемого нами термина они отражены в абз. 2 п. 67 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25). В нем в частности указано, что бремя доказывания факта направления (осуществления) сообщения и его доставки адресату лежит на лице, направившем сообщение, в то время как риск неполучения поступившей корреспонденции несет уже сам адресат. Еще одной процессуальной особенностью рассматриваемого нами термина является то, что положения ст. 165.1 ГК РФ также применимы и к судебным извещениям и вызовам, если гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрено иное. Данная особенность, на наш взгляд, не бесспорная. Проблемный аспект нам видится в том, что норма материального права в данном случае будет призвана регулировать процессуальные отношения [2].

Что касается бремени доказывания факта направления (осуществления) сообщения и его доставки адресату, то законодатель, на наш взгляд, также не исключил возможности злоупотребления правом направившей сообщение стороной. Речь в частности идет о ситуациях, когда отправитель знал или предполагал невозможность получения сообщения адресатом в срок. Например, отправитель знал о том, что адресат вернется из командировки в последний день срока хранения корреспонденции в почто-

вом отделении или обоснованно предполагал, что получить соответствующую корреспонденцию будет сложно ввиду иных жизненных обстоятельств.

В отличие от рассмотренного нами выше термина «юридически значимые сообщения» термин «исключительные адреса» не получил законодательного закрепления. Под ним в соответствии с п. 64 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 следует понимать адрес, указанный в договоре (в случае если обязательства основаны на этом договоре). В постановлении также указано, что в случае направления сообщения по иному адресу уведомление адресата не может считаться надлежащим, если лицо, направившее сообщение, не знало и не должно было знать о том, что адрес, указанный в договоре, является недостоверным.

Однако нередки и случаи, когда исключительный адрес не закреплен в договоре или, как мы уже отмечали выше, является недостоверным. В таких ситуациях отправителю следует отправлять сообщения:

– по адресу, указанному в Едином государственном реестре юридических лиц, если контрагентом является юридическое лицо. Сообщение, доставленное на этот адрес, считается полученным, даже если контрагент там не находится, что прямо отражено в п. 3 ст. 54 ГК РФ: «...место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории Российской Федерации путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования)»;

– по адресу, указанному в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, если контрагент является индивидуальным предпринимателем, или по адресу регистрации по месту жительства или пребывания гражданина, если адресат – гражданин, что указано в п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25.

Нередки случаи, когда лицо считалось надлежаще уведомленным судами, если сообщения направлялись на электронную почту контрагента, указанную на странице с контактами на его официальном сайте, или же на адрес электронной почты, известный как почта организации или служебная почта ее компетентного сотрудника.

В заключение отметим, что процессуальные особенности надлежащего уведомления лица зависят от всех предъявляемых к уведомлению требований: к форме, содержанию, способу отправки и так далее. В этой связи вопрос надлежащего уведомления лица следует скрупулезно рассматривать судам с учетом принципа добросовестности, который нашел свое закрепление в ст. 10 ГК РФ.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Морин А. В.

© Кумакбаева М. С.

УДК 343.91 9 (470.57)

Набиев Фаниль Фанусович, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. В статье автором рассматриваются отдельные криминологические признаки (количественные и качественные показатели, социально-демографические признаки), характеризующие личность несовершеннолетних, совершивших преступление против личности на территории Республики Башкортостан.

Ключевые слова: преступления против личности; личность несовершеннолетнего, осужденного за преступления против личности; категории преступлений; социально-демографические признаки; социально-психологические признаки.

Преступности среди несовершеннолетних всегда уделялось особое внимание как в криминологической науке, так и в правоприменительной практике. Обусловлено это прежде всего тем, что уровень подростковой преступности весьма точно показывает, в каком состоянии находится общественная нравственность, эффективность функционирования социальных институтов, благополучие либо неблагополучие всего общества.

Признаки, характеризующие особенности личности несовершеннолетних лиц, требуют отдельного подхода к предупреждению преступлений, совершаемых ими. В первую очередь это обусловлено следующим: во-первых, специфическими особенностями психики, ее неустойчивостью, связанной с процессом физического и духовного развития организма, полового созревания (повышенная возбудимость, резкая смена настроения,

обостренное отношение ко всему окружающему, эмоциональная неуравновешенность, стремление к самостоятельности и самовыражению, избыток сил и энергии, инициативность, стремление к лидерству); во-вторых, искаженным восприятием таких понятий, как нравственность, ответственность, предательство, что приводит к неправильному трактованию явлений, событий, свойств и качеств другого человека; в-третьих, неустойчивость психики несовершеннолетнего делает его внушаемым пагубному влиянию со стороны взрослых преступников (склонность к подражательству, излишняя доверчивость) [1].

Следует отметить, что преступления, совершаемые несовершеннолетними, особенно против личности, характеризуются жестокостью и насилием. Более того, несовершеннолетние сами снимают видеосюжеты со сценами побоев, истязаний и иных насильственных действий в отношении своих сверстников и размещают в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Это, в свою очередь, значительно усугубляет и без того тяжелые психологические травмы жертв, а сам факт распространения в информационно-телекоммуникационных сетях подобных видеоматериалов способствует культивированию насилия среди несовершеннолетних и провоцирует их на подобные съемки.

Анализ судебной практики показал, что за преступления против личности (ст. 105–125 УК РФ) по Республике Башкортостан в 2019 году было осуждено 23 несовершеннолетних лица, из которых 2 лица совершили преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ (Убийство), 14 лиц – ст. 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), по ст. 112 УК РФ (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) были осуждены 3 несовершеннолетних лица, 1 преступление было совершено по ст. 109 УК РФ (Причинение смерти по неосторожности), по ст. 115 УК РФ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью) и 116 УК РФ (Побои) были осуждены 3 лица.

Из 23 указанных 19 лиц осуждены за совершение преступлений в возрасте от 16 до 17 лет, а остальные 4 – от 14 до 15 лет, 3 преступления совершены несовершеннолетними женского пола. 10 несовершеннолетних воспитывались одним родителем, 2 воспитывались вне семьи, 8 на момент совершения преступления нигде не учились и не работали, 7 несовершеннолетних совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, 9 – преступление в группе, 4 – в группе в составе взрослых.

В 2020 году было осуждено 14 несовершеннолетних лиц, из которых 1 лицо совершило преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ, 5 лиц – ст. 111 УК РФ, по ст. 112 УК РФ были осуждены 7 несовершеннолетних лиц, 1 преступление было совершено по ст. 114 УК РФ (Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задер-

жания лица, совершившего преступление). Из 14 указанных осужденных 12 лиц осуждены за совершение преступлений в возрасте от 16 до 17 лет, а остальные 2 – от 14 до 15 лет, все они совершены лицами мужского пола. 6 несовершеннолетних воспитывались одним родителем, 3 на момент совершения преступления нигде не учились и не работали, 2 совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, и 5 – в группе в составе взрослых.

В 2021 году было осуждено 10 несовершеннолетних лиц, из которых 6 лиц совершили преступление по ст. 111 УК РФ, 3 – по ст. 105 УК РФ и только 1 – по ст. 112 УК РФ. Из 10 указанных осужденных 7 лиц осуждены за совершение преступлений в возрасте от 16 до 17 лет, а остальные 3 – от 14 до 15 лет, при этом все преступления совершены лицами мужского пола. 3 осужденных на момент преступления нигде не работали и не учились, 4 воспитывались в семье одним родителем и 4 совершали преступление в состоянии алкогольного опьянения.

В 2022 году было осуждено 12 несовершеннолетних лиц, из которых 8 совершили преступление по ст. 105 УК РФ, 4 – по ст. 111 УК РФ. Из 12 указанных осужденных 8 несут наказание за совершение преступлений в возрасте от 16 до 17 лет, а остальные 4 – от 14 до 15 лет, при этом все преступления совершены лицами мужского пола. 8 осужденных воспитывались в семье одним родителем и 1 воспитывался вне семьи, 4 совершали преступление в состоянии алкогольного опьянения, 2 осужденных нигде не работали, 6 лиц совершили преступление в соучастии [2–4] (таблица).

Таблица

Совершение преступлений несовершеннолетними против личности на территории Республики Башкортостан

Характеристика осужденных Годы	2019	2020	2021	2022
Количество осужденных несовершеннолетних	23	14	10	12
Ст. 105	2	1	3	8
Ст. 111	14	5	6	4
Ст. 112	3	7	1	1
Ст. 109	1	0	0	0
Ст. 115–116	3	0	0	0
В возрасте от 14–15 лет	3	2	3	4
В возрасте от 16–17 лет	19	12	7	8
Мужского/женского пола	20/3	14/0	10/0	0
Воспитывались в семье одним родителем	10	6	4	8

Характеристика осужденных	2019	2020	2021	2022
Годы				
Воспитывались вне семьи	2	0	0	1
На момент преступления не учились и не работали	8	3	3	2
В состоянии алкогольного опьянения	7	2	4	4
В составе группы	9	5	0	6
В составе группы со взрослыми	4	5	0	0

Как показывают приведенные статистические данные, именно неработающие и не учащиеся несовершеннолетние обычно совершают значительную часть преступлений против личности. Следует отметить, что основными факторами, обуславливающими совершение указанных преступлений, выступают экономические условия, низкий доход и неблагополучие в семье, разводы, отсутствие поддержки со стороны родителей. Также осужденные несовершеннолетние воспитывались не в полной семье, одним родителем, а порой проживали вне семьи. Кроме того, причинами преступности несовершеннолетних являются психологические факторы: неспособность контролировать свои эмоции и импульсивное поведение, желание вступить в группу или сообщество, где преступное поведение распространено. Практически половина преступлений против личности, совершенных несовершеннолетними на территории Республики Башкортостан, случились в группе, а также в составе групп со взрослыми.

Таким образом, личность несовершеннолетнего преступника определяют такие характеристики, как эмоциональные и волевые свойства, возрастные и половые признаки, социально-демографические и культурно-образовательные качества. Изучение указанных показателей в совокупности способствует успешному предупреждению отдельных преступных деяний, поскольку именно личность является исходным началом причин их совершения, основным и важным звеном всего механизма преступного поведения. Устранение и снижение преступности несовершеннолетних требует комплексного подхода, включая социальные программы, образование, семейную поддержку и изменение уголовной политики государства в указанной сфере.

Список использованных источников

1. Титова А. И. Личность несовершеннолетнего преступника // Молодой ученый. 2018. № 38 (224). С. 162–163. URL: <https://moluch.ru/archive/224/52688/> (дата обращения: 13.10.2023).
2. Состояние преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://www.crimestat.ru/analytics/> (дата обращения: 20.10.2023).

3. Показатели преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 20.10.2023).

4. Судебная статистика. URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 20.10.2023).

© Набиев Ф. Ф.

УДК 34

Насыров Ренат Рабисович, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются миграционные процессы, влияющие на состояние преступности, и ее роль в формировании новых видов преступлений.

Ключевые слова: мигрант, иностранные граждане, миграция, оперативно-розыскная деятельность.

Миграционная привлекательность Российской Федерации подтверждается статистическими данными учета лиц, прибывающих в страну. Так, по данным Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 года на территории Российской Федерации находилось более 25 млн иностранных граждан [1].

С увеличением числа иностранных граждан значительно увеличилось и количество связанных с ними правонарушений. Рост преступности зафиксирован практически во всех регионах Российской Федерации [2]. Анализ преступности, связанной с пребыванием иностранцев и лиц без гражданства, показывает, что за последнее время произошли определенные изменения в структуре преступных посягательств, в том числе обусловленной миграционными процессами. Недостаточно контролируемые миграционные процессы могут способствовать усилению межэтнических и межконфессиональных противоречий, повышению уровня социальной напряженности, формированию этнических и религиозных анклавов.

Особое беспокойство в плане возможного криминогенного объединения вызывают мигрирующие по территории России такие устойчивые

группы, как граждане Содружества Независимых Государств, прибывшие в Российскую Федерацию и незаконно использующиеся в качестве рабочей силы на предприятиях различных форм собственности и частными лицами, а также транзитные беженцы, прибывшие на территорию России для выезда в другие страны. Невозможность трудоустроиться и получать средства к существованию законным путем во время пребывания в Российской Федерации приводит международных мигрантов всех видов в преступные группировки, организованные по этническому принципу.

Реакцией на складывающуюся ситуацию стало принятие руководством страны положений, отраженных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, где в частности в п. 16 указано, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение задач по противодействию незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками.

В этой связи предупредительно-профилактическая деятельность органов внутренних дел должна базироваться на механизмах оперативно-розыскной деятельности, поскольку она позволяет установить объективный контроль и учет за мигрантами, прибывшими в страну, особенно из стран с нестабильной обстановкой. Эксперты [5; 6] в частности связывают это с тем, что мигранты, прибывающие из этих стран, могут иметь навыки ведения боевых действий либо являться членами в преступных формированиях, что, несомненно, является криминогенным потенциалом для преступности. Основные усилия при осуществлении оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскными подразделениями должны быть направлены на выявление каналов незаконной миграции, выявление и прекращение членов организованных преступных формирований, находящихся на обслуживаемой территории, которые специализируются на организации незаконной миграции.

Кроме того, для своевременного реагирования на состояние преступности, связанной с иностранными гражданами, целесообразно осуществлять мониторинг среди пользователей закрытых ресурсов сети Интернет, иметь актуальную оперативную отчетность, в которую должны входить показатели о зарегистрированных преступлениях. Анализ позволит контролировать работу по раскрытию преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан либо с их участием, знать информацию о преступности в этом направлении и своевременно принимать меры по ее стабилизации с целью предотвращения эксцессов в обществе.

Список использованных источников

1. Венидиктов М. И. Оперативно-розыскные меры противодействия преступлениям, связанным с незаконной миграцией иностранных граждан : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 3.

2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_mar(дата обращения: 26.10.2023).

3. Влияние миграционных потоков на криминогенную обстановку на территории Российской Федерации / ФГКУ ВНИИ МВД России // План научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на 2018 год; План НИР ФГКУ «ВНИИ МВД России» на 2018 год. М., 2018.

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102385609&backlink=1&&nd=602263723> (дата обращения: 26.10.2023).

5. Овчинский В. С. Российская организованная преступность (мафия) как форма социальной организации жизни. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/3/Ovchinsky/> (дата обращения: 26.10.2023).

6. Коваленко В. И. Теоретические и прикладные проблемы противодействия криминальной эксплуатации человека (криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2017.

© Насыров Р. Р.

УДК 343.13

Нуркаева Мелия Каюмовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России;
Грознова Диана Дмитриевна, курсант 4 курса, 024 учебного взвода факультета подготовки сотрудников полиции Уфимского юридического института МВД России, рядовой полиции

О ЗНАЧЕНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УПК РФ

Аннотация. В статье решается вопрос, почему законодатель закрепил определение результатов оперативно-розыскной деятельности в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, а не в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», который напрямую регулирует порядок получения оператив-

ной информации, а также регламентирует аспекты этой деятельности. На основе сравнительного анализа как уголовно-процессуального, так и оперативно-розыскного законодательства, а также научной литературы авторы рассматривают различные подходы к определению результатов оперативно-розыскной деятельности и приходят к выводу, что уголовно-процессуальный законодатель, определяя оперативно-розыскную деятельность, указывает, что именно нельзя использовать в качестве доказательств.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуальная деятельность, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, доказательства.

Понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» достаточно распространено в таких юридических науках, как уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ № 144) понятие результатов ОРД не закреплено, но, проанализировав содержание ст. 1 и 11 ФЗ-144, можем сказать, что под результатами ОРД понимается полученная в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) информация, которая в последующем используется в подготовке и осуществлении следственных действий, проведении ОРМ, выявлении, предупреждении, пресечении преступлений и так далее. В уголовном процессе понятие «результаты ОРД» долгое время отсутствовало. Несмотря на распространение термина, законодательного закрепления его не было до 2003 г.

С увеличением значимости результатов ОРД и возникновением проблем на практике и в теории, с их применением в уголовном процессе появляется необходимость в конкретном понимании и сущности оперативной информации. Для решения проблем, связанных с пониманием результатов ОРД, в 2003 г. были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), согласно которым в п. 36.1 ст. 5 было закреплено, что результаты ОРД – это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

С внесением изменений в УПК РФ возникает вопрос, почему законодатель закрепил определение результатов ОРД в УПК РФ, а не в ФЗ № 144, который напрямую регулирует порядок получения оперативной информации, а также регламентирует аспекты этой деятельности. На наш взгляд, такое решение было принято на основе объективных причин. К их числу можно отнести тот факт, что УПК РФ закрепляет все процессуаль-

ные действия, используемые в уголовном процессе, а ОРД является одним из способов негласного получения информации. Исходя из этого, результаты ОРД не могут использоваться в уголовном процессе согласно ст. 89 УПК РФ, так как они получены при помощи непроцессуальной деятельности. На основе этого можно сказать, что законодатель указывает, что именно нельзя использовать в качестве доказательств, путем установления определения понятия «результаты ОРД».

Понятие, которое вытекает из статей ФЗ № 144, очень похоже с закрепленным определением в УПК РФ. В обоих суждениях мы видим, что под результатами ОРД понимается информация, которая была получена в процессе проведения гласных и негласных ОРМ, закрепленных в ст. 6 ФЗ № 144. Также в обоих понятиях обращается внимание на содержание полученной информации, а именно на то, что она должна содержать в себе признаки о преступлениях, которые находятся на различных стадиях исполнения, и лицах, которые причастны к преступной деятельности или скрываются от государственных органов. На основе всего вышесказанного можно сказать, что оба определения этого понятия, как в УПК РФ, так в ФЗ № 144, по своему содержанию полностью совпадают.

До закрепления в УПК РФ определения понятия «результаты ОРД» многие ученые толковали их по-разному и предлагали свое понимание термина. Например, по мнению А. С. Борщова и Ю. В. Колташова, под результатами ОРД понимается конечная информация, полученная в ходе проведения комплекса гласных и негласных мероприятий, в рамках ведения дел оперативного учета. В последующем эта информация применяется в раскрытии преступлений в виде оперативных доказательств [1]. Анализируя эту дефиницию, можно сказать, что, как и в закрепленном определении, под результатами ОРД понимается информация, полученная в ходе проведения ОРМ. Также А. С. Борщов и Ю. В. Колташов подчеркивают значимость лишь конечной информации, что означает невключенность промежуточных результатов и заостряет внимание на применении сведений в процессе раскрытия преступлений в качестве оперативных доказательств. Сравнивая с закрепленным определением понятия «результаты ОРД», можно сказать, что А. С. Борщов и Ю. В. Колташов рассматривают результаты ОРД в качестве доказательств в процессе раскрытия преступлений, что напрямую противоречит УПК РФ, который указывает на недопустимость таких доказательств.

По мнению других ученых, результаты ОРД – это данные (сведения, информация), полученные при осуществлении ОРМ, указанных в ст. 6 ФЗ № 144, а также поступившие от конфиденентов и зафиксированные в материалах дел оперативного учета, отражающие обстоятельства совершенного преступления, а также другие обстоятельства, имеющие значение для быстрого и полного раскрытия преступления способами уголовного процесса [2, с. 109]. Исходя из определения, высказанного В. И. Зажицким,

можно сказать, что аналогично с закрепленным в УПК РФ определением понятия «результаты ОРД», ученый уделяет внимание на содержание информации, то есть она должна иметь значение для раскрытия преступления, а также связывает результаты с данными, полученными согласно ФЗ № 144. Отличием понятия, данного вышеуказанным автором, от закрепленного определения является то, что В. И. Зажицкий показывает значимость и роль оперативной информации в раскрытии преступлений не в первоначальном их представлении, а в ходе процессуального закрепления.

Рассмотрев определения, данные двумя вышеуказанными авторами, можно сказать, что они похожи как между собой, так и с определением из УПК РФ, но кроме этого имеют отличия. Общие моменты заключаются в том, что все три определения представляют собой результаты ОРД как информацию, которую получают в процессе гласной и негласной деятельности, проводимой согласно ФЗ № 144, содержащую в себе сведения, связанные с преступлениями. К отличиям можно отнести то, что в определении, которое дали А. С. Борщов и Ю. В. Колташов, результаты ОРД являются оперативными доказательствами, применяющимися в раскрытии преступлений, что противоречит двум другим определениям. В закрепленном определении о роли результатов ОРД в уголовном процессе напрямую не говорится, но предполагается, что информация должна повлиять на процесс, так как содержит в себе сведения о преступлениях и лицах, их совершивших. В третьем определении понятия «результаты ОРД», данном В. И. Зажицким, подчеркивается, что полученная информация в ходе проведения ОРМ закрепляется в уголовном процессе через процессуальные действия, чем и отличается от других понятий, и частично описывает трансформацию результатов ОРД в уголовном процессе.

После внесения определения в УПК РФ профессор В. П. Божьев был не согласен с закрепленным понятием и в своих работах обращал внимание на более конкретное определение. По его мнению, под результатами ОРД понимаются сведения, которые были получены в соответствии с ФЗ № 144, подпадающие под п. 36.1 ст. 5 УПК РФ [3, с. 109]. Исходя из данного им определения можно сказать, что В. П. Божьев в своем понимании результатов ОРД полностью передавал смысл закрепленного понятия в УПК РФ, но в более сокращенном виде. Он также представлял результаты ОРД в виде информации, полученной в ходе проведения деятельности, закрепленной в ФЗ № 144, содержащей сведения о преступлениях и лицах, их совершивших.

Исходя из определения понятия «результаты ОРД», данного в УПК РФ, можно сделать вывод, что результатами ОРД в уголовном процессе являются только сведения о преступлениях и причастных к ним лицах, которые могут быть только поводами для возбуждения уголовного дела. В последующем сведения, полученные в ходе проведения ОРД, могут

быть закреплены с помощью процессуальных действий, проводимых в рамках уголовного процесса, после чего могут считаться доказательствами.

Список использованных источников

1. Борщов А. С., Колташов Ю. В. О соотношении документирования в оперативно-розыскной деятельности и доказывания в уголовном процессе // Правовые, научные и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях. М. : ВНИИ МВД России, 1997. С. 58–63.

2. Зажицкий В. И. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А. Ю. Шумилов М., 1997. 208 с.

3. Уголовный процесс : учебник для вузов / В. П. Божьев, под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2023. 568 с.

© Нуркаева М. К.

© Грознова Д. Д.

УДК 343.14

Нуркаева Мелия Каюмовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России;

Смирнов Кирилл Александрович, курсант 4 курса, 024 учебного взвода факультета подготовки сотрудников полиции Уфимского юридического института МВД России, рядовой полиции

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ НОВОГО ВИДА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье показывается влияние развития науки и техники на появление нового вида доказательств в уголовном судопроизводстве – электронных доказательств. На основе анализа законодательства, научной литературы авторы рассматривают различные подходы со стороны ученых, практиков к электронным доказательствам и приходят к выводу, что электронные доказательства по своей сути – это обычные доказательства, которым присущи определенные свойства, делающие их доказательствами.

Ключевые слова: доказательства, свойства доказательств, форма доказательств, цифровизация, электронный носитель информации.

Общество с каждым годом изменяется и развивается, шагая по пути цифровизации, что в современных реалиях сказывается и на появлении новых уголовно наказуемых деяний, совершаемых как с использованием цифровых технологий, так и в отношении цифровой или, говоря иначе, электронной среды. На сегодняшний день тема использования электронных доказательств в условиях развития информационных технологий является актуальной и представляет огромный интерес у субъектов уголовного судопроизводства.

Сведения, представленные в электронном виде, постепенно начинают вытеснять бумажные носители информации. Сейчас почти у каждого человека имеется множество различных электронных устройств, с помощью которых появляется возможность отследить его местоположение в географическом пространстве в определенный период времени, что позволяет установить, например, его причастность к тому либо иному событию. К таким устройствам относятся современные смартфоны, планшеты, ноутбуки, видеорегистраторы, устройства GPS, даже автомобили, имеющие свое программное обеспечение.

Все это приводит к заметному увеличению цифровых, или же электронных, следов, которые упрощают следственным органам и органам дознания расследование данных преступлений. При этом цифровые следы, как и материальные, должны быть собраны определенным образом, с использованием специальных средств, после чего быть зафиксированы и сохранены на электронных носителях информации для дальнейшего приобщения к материалам уголовного дела.

Впервые исследования по вопросу использования электронных доказательств в уголовном процессе появились еще в начале 2000-х гг. К. Б. Калиновский и Т. Ю. Маркелова в своей статье «Доказательственное значение электронной информации в российском уголовном процессе» подчеркнули, что информация, представленная в электронном виде, стала наиболее широко использоваться в разных сферах жизнедеятельности людей, в том числе и криминальной, затрагивая не только преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные статьями 272–274 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), но и многие другие уголовно наказуемые деяния, способные после себя оставлять цифровые следы на магнитных или оптических носителях, в компьютерной сети, на экранах монитора. В результате этого встал вопрос об использовании цифровых следов в процессе расследования уголовного дела [5].

В 2012 г. был принят Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который добавил в ст. 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), ч. 9.1 и 3.1 соответственно правила обыска и выемки «электронных носителей

информации» [2]. Тем самым в уголовно-процессуальном праве был введен термин «электронный носитель информации», а также предусмотрены нормы, определяющие правила и порядок хранения и изъятия информации и иных данных, находящихся на компьютере.

Следующим значимым нововведением в УПК РФ стало появление новой процедуры, связанной с копированием цифровых данных на другой носитель информации для последующей передачи их законному владельцу. В последующем Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» улучшил и дополнил вышеуказанную процедуру, предусмотренную ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ [1]. Тем самым УПК РФ процессуально закрепил возможность копировать информацию с электронных носителей информации, изъятых в ходе следственного действия, на иной носитель информации, предоставленный законным владельцем изъятого электронного носителя информации или иным обладателем содержащейся на них информации.

Несмотря на вышеуказанный факт, УПК РФ не предусматривает и законодательно не закрепляет понятие «электронное доказательство». В данном случае необходимо обратиться к науке уголовно-процессуального права. Следует отметить, что на сегодняшний день учеными предлагаются различные вариации определения понятия «электронное доказательство», при этом предпринимаются попытки объяснения его сущности и правовой природы.

К примеру, С. В. Зувев отмечает, что электронное доказательство в уголовном судопроизводстве – это любая цифровая информация, а также носители этой информации, полученные судом, следователем, дознавателем в установленном УПК РФ порядке, указывающие на обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, а также иные обстоятельства, которые имеют значение для расследования уголовного дела [4].

В. Б. Вехов под электронными доказательствами понимает любую информацию (сведения, данные), предоставленные в электронном формате, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном уголовно-процессуальном порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения данного уголовного дела [3].

Проанализировав вышеуказанные определения, можно заметить, что и В. Б. Вехов, и С. В. Зувев основываются на уже закрепленном в ч. 1 ст. 74 УПК РФ определении понятия «доказательство». Следовательно, можно сказать, что электронные доказательства по своей сути – это обычные доказательства, которым присущи определенные свойства, делающие их доказательствами. Но при этом оба ученых указывают на главное отличие

электронных доказательств: это форма представления данной информации – цифровая или же, по-другому, электронная форма представления, что и выступает сущностью данного вида доказательств.

Электронные доказательства, как и обычные, предусмотренные УПК РФ, обеспечивают процесс доказывания необходимым количеством содержащихся в них информации, позволяющих установить обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу. Учитывая специфику электронных доказательств, можно выделить характерные черты, определяющие их значение:

- 1) упрощенный процесс фиксации, а следовательно и передачи электронных доказательств;
- 2) быстрый поиск и наличие возможности автоматизации процесса исследования больших массивов данных;
- 3) высокая степень наглядности электронных доказательств;
- 4) долгий период их хранения в случае, если на информацию или ее носитель не воздействуют извне;
- 5) доказательственное значение имеет сама информация, хранящаяся на носителе информации.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что, несмотря на большое внимание к вопросу использования электронных доказательств и его актуальность, они не получили своего законодательного закрепления, хотя определенный шаг на пути к этому был совершен в 2012 г., когда в УПК РФ был введен термин «электронный носитель информации». При этом среди ученых в уголовно-процессуальной науке сформировалось уже множество определений этого средства уголовно-процессуального доказывания.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральный закон : федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (1). С. 46–50.
4. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов. М. : Издательство «Юрайт», 2023. 193 с.

5. Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

© Нуркаева М. К.

© Смирнов К. А.

УДК 343.1

Павлова Евгения Васильевна, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННЫХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация. В работе автор анализирует отдельные элементы административно-правового статуса граждан Российской Федерации вновь присоединенных субъектов через призму правового закрепления проводимой специальной военной операции; обосновывает возможность классификации указанных лиц с учетом особенностей возникших жизненных обстоятельств, а также предлагает направления по интеграции данной категории лиц в правовое поле России.

Ключевые слова: административно-правовой статус, специальная военная операция, граждане Российской Федерации, вновь присоединенные субъекты.

Российская Федерация в современный период развития государственности сталкивается со значительным количеством внешних и внутренних угроз. Указанное обстоятельство влияет на миграционные процессы как внутри государства, так и вовне. Следует отметить, что значительное воздействие на сложившуюся миграционную ситуацию оказывает проводимая Российской Федерацией специальная военная операция (далее – СВО). 24 февраля 2022 года глава Российского государства объявил о проведении СВО на территории Украины и государственных образований Донецкая народная республика (далее – ДНР) и Луганская народная республика (далее – ЛНР). Перед этим Президентом Российской Федерации были подписаны указы от 21 февраля 2022 г. № 71 «О признании Донецкой

Народной Республики» и от 21 февраля 2022 г. № 72 «О признании Луганской Народной Республики».

Также В. В. Путин и глава ДНР Д. В. Пушилин подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной деятельности между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, ратифицированный федеральным законом. Аналогичный договор был подписан и с главой ЛНР Л. И. Пасечником и также ратифицирован.

Сразу после ратификации договоров главы ЛНР и ДНР обратились к Российской Федерации с просьбой о защите мирного населения Донбасса от уничтожения и геноцида, проводимого с 2014 года националистическими формированиями Украины при поддержке Вооруженных сил Украины и непосредственном участии Президента и Правительства Украины [1].

Следует отметить, что в выше указанных субъектах Российской Федерации все еще продолжаются военные действия, направленные на территориальную оборону и целостность. Четыре новых региона 6 октября 2022 года включены в конституционный перечень субъектов Российской Федерации на основании проведенного референдума [2]. По мнению Президента Российской Федерации В. В. Путина, главный результат референдума – «люди хотят быть в России и считают себя частью этого мира, частью этого пространства, нашей общей культуры, традиций, языка» [3].

Данное обстоятельство объясняется тем, что вновь присоединенные субъекты обладают определенной географической и экономической привлекательностью, поэтому нацистский режим Украины методами, противоречащими нормам международного права, пытается вернуть данные территории [4]. Именно поэтому следует утверждать, что Россия должна выполнить поставленные перед СВО цели и обеспечить безопасность своих граждан [5].

Специфика СВО состоит прежде всего в том, что вооруженные силы Украины задействовали значительное количество иностранной военной силы, в том числе в качестве наемников [6]. В настоящее время в военном конфликте на Украине участвует, по различным оценкам, свыше 7 тысяч лиц, обладающих признаками наемников. По данным Следственного комитета России, наемники, прибывшие на Украину более чем из 50 стран, сформировали 16 вооруженных формирований. Также в военных действиях участвует так называемый интернациональный легион территориальной обороны Украины, сформированный исключительно из иностранцев и состоящий на денежном довольствии киевской власти. Некоторые страны официально разрешили своим гражданам вступить в данный конфликт на стороне Украины, в их числе Хорватия, Польша, прибалтийские государства, США.

В российском военном ведомстве уточняют, что иностранных наемников ожидает привлечение к уголовной ответственности при их задержании. Также при совершении нападений на российскую армию наемники подлежат уничтожению, равно как и средства вооружения, поставляемые на территорию Украины [7]. Заместитель председателя Совета Безопасно-

сти Российской Федерации Д. А. Медведев также разъясняет, что иностранные наемники, которые участвуют в боевых действиях на Украине и не сдадутся войскам Российской Федерации, будут уничтожены. Наемники, не являясь гражданами Украины, не могут быть признаны добровольцами или законными комбатантами. На них не распространяются Женевские конвенции и иные нормы международного права, но подлежат применению нормы национального уголовного права, в соответствии с которыми данные лица являются преступниками.

Особенности правового регулирования проводимой СВО накладывают определенный отпечаток и на правовой статус жителей четырех новых субъектов Российской Федерации.

Федеральные конституционные законы от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ и № 8-ФКЗ установили принятие в состав Российской Федерации: ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, определив переходный период до 1 января 2026 года. Кроме того, указанные нормативные правовые акты определяют порядок признания гражданства Российской Федерации граждан, постоянно проживающих на указанных территориях.

Анализируя федеральные конституционные законы, целесообразно сделать вывод, что в целом правовой статус жителей вновь присоединенных субъектов приравнивается к статусу граждан Российской Федерации. Вместе с тем представляется обоснованным полагать, что административно-правовой статус граждан Российской Федерации, проживающих на территориях ДНР и ЛНР, а также Херсонской и Запорожской областей можно определить как специальный административно-правовой статус, по крайней мере на период действия переходных положений. Указанное умозаключение подтверждается следующими положениями:

– во-первых, на рассматриваемых территориях действует Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» [8], в соответствии с которым на выше указанных территориях осуществляется территориальная оборона, а также устанавливается перечень правоограничений для жителей, проживающих на данной территории и пребывающих на нее;

– во-вторых, переходный период интеграции четырех субъектов Российской Федерации в правовое, экономическое и налоговое пространство России, что предполагает действие на их территории и ранее принятых нормативных правовых актов, за исключением тех, которые противоречат Конституции Российской Федерации, что свидетельствует об особенностях правового регулирования административно-правового статуса граждан указанных территорий;

– в-третьих, социальная защищенность граждан ДНР и ЛНР, а также Херсонской и Запорожской областей, которая выражается в первую очередь в финансовом стимулировании указанных жителей для проживания

на данных территориях, что находит отражение в Федеральном законе от 17 февраля 2023 г. № 18-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» [9]. Указанный федеральный закон в том числе устанавливает, что в случае, если сумма социальных выплат в субъектах выше, будут действовать положения ранее утвержденного законодательства до окончания переходного периода;

– в-четвертых, особенности правового регулирования административно-правового статуса жителей новых четырех субъектов Российской Федерации, выражающиеся в том, что происходит период интеграции в действующее российское законодательство и адаптация уже имеющихся правовых норм, регулирующих положение граждан.

Проведенный анализ особенностей правового статуса жителей вновь присоединенных субъектов Российской Федерации свидетельствует, что они касаются всех жителей данных регионов и общий административно-правовой статус гражданина Российской Федерации на них распространяется в полном объеме.

Вместе с тем граждан четырех субъектов России условно можно разделить на четыре категории на основании особенностей правового положения:

– граждане, которые вынуждены были покинуть территорию, где осуществлялись или осуществляются боевые действия, т. е. вынужденные переселенцы;

– лица, проживающие на территории ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, осуществляющие территориальную оборону, а также те, кто лишился жилья;

– граждане Российской Федерации, проживающие на территории введенного режима военного положения;

– иностранные граждане и лица без гражданства, в том числе отказавшиеся вступать в гражданство Российской Федерации.

Представляется обоснованным полагать, что особенностью административно-правового статуса жителей вновь присоединенных территорий является именно его социальная составляющая. В современный период проделана серьезная работа по интеграции данной категории лиц в правовое поле России. Считаем, что она должна быть продолжена с концентрацией на следующих положениях:

– проведение просветительской работы по разъяснению положений действующего законодательства, а также порядка предоставления государственных услуг;

– расширение социальных гарантий, в том числе направленных на подготовку квалифицированных кадров: выделение квот бюджетных мест в образовательных организациях, снижение стоимости обучения и т. д.;

– стимулирование граждан для возвращения к месту проживания путем предоставления льготных кредитов, дотаций и т. д. для восстановления жилья;

– осуществление экономической политики, направленной на активизацию восстановления малого и среднего бизнеса в рассматриваемых четырех субъектах Российской Федерации, в том числе путем предоставления налоговых и иных льгот.

Рассмотренные положения позволяют сделать вывод, что граждане Российской Федерации вновь присоединенных субъектов Российской Федерации обладают общим административно-правовым статусом физического лица, а также специальным, отражающим особенности правового положения в связи со складывающейся ситуацией.

Список использованных источников

1. Крамаренко А. М. СВО на Украине: почему новая отечественная? Непричесанные мысли // Международная жизнь. 2023. № 4. С. 16–23.

2. Аверин С. Год под знаком СВО: основные итоги 2022-го // SPUTNIK. 2022. 30 декабря. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20221230/god-pod-znakom-svo-osnovnye-itogi2022-go--53336287.html> (дата обращения: 22.09.2023).

3. Путин назвал появление результатов спецоперации длительным процессом // РБК. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 22.09.2023).

4. Венцель С. В., Волощук А. В., Саенко А. В. Инфографика «Путь к СВО» // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 1 (32). С. 6–17.

5. Багрецов Д. Н. Ситуация с наемничеством в контексте СВО: психологический и юридический аспект // Молодежь и наука. 2023. № 3.

6. Бахарь В. В. Красноярский край: в приоритете поддержка участников СВО и их семей // Журнал Бюджет. 2023. № 3 (243). С. 16–18.

7. Медведев Д. А. Наемники на Украине, если не сдадутся, подлежат денацификации // Интернет-портал «Российская газета». URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 22.09.2023).

8. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты и социального обслуживания граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : федеральный закон Российской Федерации от 17 февраля 2023 г. № 18-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Павлова Е. В.

Петров Павел Сергеевич, преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, лейтенант полиции

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВВЕДЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса обеспечения прав и свобод человека и гражданина в деятельности правоохранительных органов при введении специальных режимов. Автор приходит к выводу, что есть права и свободы, которые не могут быть ограничены даже при введении специальных режимов.

Ключевые слова: обеспечение прав и свобод человека и гражданина, правоохранительные органы, гарантии; специальные режимы, ограничение прав и свобод, законность.

В современном мире мы сталкиваемся с различными угрозами и вызовами, такими как террористические акты, стихийные бедствия, природные катаклизмы и вооруженные конфликты. Эти события могут привести к возникновению чрезвычайных ситуаций, требующих особого правового регулирования и механизмов управления.

Обеспечение прав в деятельности правоохранительных органов при введении особых режимов в Российской Федерации является важным аспектом поддержания верховенства закона и защиты прав человека. Особые режимы, такие как чрезвычайное или военное положение, могут вводиться в России в исключительных обстоятельствах для обеспечения защиты национальной безопасности.

В Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) наше государство гарантирует обеспечение соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина при различных обстоятельствах.

Основной целью специальных режимов является обеспечение безопасности личности, общества и государства, особенно перед лицом внешних или внутренних угроз. Также они позволяют правительству принимать необходимые меры для защиты и обеспечения благополучия населения. Они могут включать в себя использование дополнительных сил безопасности, введение комендантского часа, ограничение определенных свобод или создание механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации. Конкретные меры, применяемые в рамках специальных режимов, определяются характером угрозы или чрезвычайной ситуации и руководствуются принципами необходимости и соразмерности.

При введении специальных режимов большую роль играют органы правопорядка, поскольку они представляют из себя основной инструмент для сохранения и регулирования режима безопасности в стране, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Их деятельность регламентируется в условиях специальных правовых режимов, урегулирована Конституцией РФ [1], Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [2], Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [3], Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [4], нормами и принципами международного права, а также актами, непосредственно регламентирующими деятельность конкретных правоохранительных органов.

В России существуют конкретные правовые основания, на которые можно сослаться для ограничения определенных прав и свобод человека и гражданина при введении специальных режимов. Иными словами, если права и свободы человека были ограничены не в силу указанных в законе оснований, то ограничивающие действия сотрудника должны быть немедленно прекращены, а также необходимо сказать, что данный сотрудник может быть привлечен к ответственности.

Ограничения обычно необходимы для эффективного управления кризисом и подчиняются принципам законности и соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Конкретный объем и продолжительность этих ограничений определяются законодательством и нормативными актами, которые сопровождают объявление о введении специального режима [5].

Необходимо заметить, что реализация специального режима во всех случаях допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина, а также наделяет большими правами органы правоохранительной направленности. Необходимо поддерживать баланс между законной потребностью в безопасности и сохранением индивидуальных прав и свобод. Этот баланс помогает предотвратить злоупотребление властью и гарантирует защиту прав отдельных лиц, общества и государства даже в чрезвычайных обстоятельствах.

Как же определить какие действия нарушают охраняемые Конституцией РФ права и свобода человека и гражданина, а какие являются мерой необходимой при специальных режимах? Безусловно, во всех случаях учитывается много факторов. Например, был ли обнародован Указ Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного или военного положения; были ли нарушения гражданина совершены на территории, где введены вышеобозначенные режимы; есть ли нарушения в действиях гражданина согласно Федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» или Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [6].

Обратим внимание, что временные запреты и иные принудительные меры государственного характера, характеризующие особую специфичность, должны быть законными, т. е. не противоречащими нормативным правовым актам федерального и международного значения, и между тем исключать те условия, которые приводят к ухудшению уровня жизни общества и человека в частности, дестабилизации уровня безопасности в государстве.

Во время особых правовых режимов некоторые основные права и свободы человека, такие как право на жизнь, свободу от физического и психологического истязания и право на справедливый и объективный суд, как правило, защищены и не могут быть приостановлены или ущемлены [7].

Подчеркнем, что правоохранительные органы обязаны действовать в рамках закона и уважать основные права и свободы человека.

Во-первых, любые действия правоохранительных органов должны осуществляться в соответствии с законом и преследовать законную цель.

Во-вторых, должен присутствовать судебный контроль, необходимый для обеспечения того, чтобы меры, принимаемые в рамках специальных режимов, соответствовали закону и соблюдали права человека. Он обеспечивает систему сдержек и противовесов и позволяет отдельным лицам оспаривать законность действий правоохранительных органов.

В-третьих, правоохранительные органы должны информировать общественность о правилах и мерах, применяемых в рамках специальных режимов, что способствует поддержанию доверия к системе.

В-четвертых, деятельность правоохранительных органов в период действия особых режимов должна быть свободна от дискриминации. Все люди имеют равное отношение к закону, независимо от их национальности, этнической принадлежности или других защищаемых характеристик.

Обеспечение эффективных гарантий и механизмов защиты прав человека в деятельности правоохранительных органов в особых режимах требует наличия надежной правовой базы, эффективных механизмов надзора и следование принципам высшей силы закона и уважения прав и свобод человека и гражданина. Важно соблюдать баланс между необходимостью обеспечения безопасности и защитой прав личности, поскольку и то и другое является основополагающим для справедливого общества.

При всей важности соблюдения баланса между безопасностью и правами и свободами граждан основной целью особых режимов является защита общего блага и поддержание порядка в исключительных обстоятельствах. При этом крайне важно обеспечить законность принимаемых мер, судебный надзор и соблюдение стандартов в области прав человека.

Можно также рассмотреть в исторической ретроспективе эффективность реализации специальных режимов в новейшей истории нашей страны. Так, в 1990-х и начале 2000-х годов несколько раз на территории рес-

публик Северного Кавказа вводились различные специальные режимы для локализации конфликтов и стабилизации обстановки. В результате обстановка в этих регионах на сегодняшний день пришла в то состояние, которое позволяет обществу нормально функционировать и развиваться. Также несколько раз специально-правовые режимы вводились и в других регионах Российской Федерации, в основном из-за причин природного и реже техногенного характера. В этом случае имеются в виду некоторые области Западной и Восточной Сибири, где происходили масштабные лесные пожары, а также области Дальнего Востока, где достаточно часто происходит затопление населенных пунктов вследствие разлива полноводных рек.

Стоит также и сказать о самых последних событиях в жизни нашего государства, где необходимо было использование специальных режимов. Это введение режима специальной военной операции на территории отдельных областей Украины ввиду крайне нестабильной обстановки на границе с Россией.

Однако государство, общество и каждый отдельный гражданин в целом прилагали усилия для постоянного совершенствования и улучшения системы, чтобы обеспечить справедливое соблюдение прав и свобод любого человека в ситуации введения специально-правовых режимов.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ, от 6 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2023).

2. О военном положении : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О противодействии терроризму : федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кобызев Н. В. Деятельность федеральных государственных органов по ограничению и защите прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 254–257. URL: <https://moluch.ru/archive/339/75928/> (дата обращения: 08.10.2023).

6. Хасанова Л. Р., Суханова А. А. Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в деятельности правоохранительных

органов в условиях введения специальных правовых режимов // Вестник экономики, управления и права. 2019. № 4 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-obespecheniya-prav-isvobodcheloveka-i-grazhdanina-v-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov-v-usloviyah-vvedeniya> (дата обращения: 08.10.2023).

7. Шурухнова Д. Н., Комовкина Л. С. Особенности реализации специальных административно-правовых режимов в деятельности органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-spetsialnyh-administrativno-pravovyh-rezhimov-v-deyatelnosti-organov> (дата обращения: 07.10.2023).

© Петров П. С.

УДК 343.13

Попова Ирина Павловна, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ, НАРУШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Аннотация. Гражданский иск в уголовном процессе является традиционным институтом, направленным на защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления. Законные интересы жертвы преступления, наряду с задачами реабилитации и ресоциализации правонарушителя, находятся в центре внимания восстановительного правосудия. Совершенствование регламентации гражданского иска создает реальные предпосылки достижения назначения уголовного судопроизводства с учетом законных интересов всех его участников.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданский иск в уголовном процессе, восстановительное правосудие, законные интересы, защита прав.

Публичная правовая природа уголовного судопроизводства не исключает возможность защиты частных интересов при разрешении уголовного дела. Представляется, что защита прав и законных интересов граждан и организаций, нарушенных преступлением, их восстановление или ком-

пенсация соответствуют и интересам общества и государства, что декларируется в положениях ст. 6 УПК РФ.

Обоснованно в науке институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве рассматривается в качестве основной формы защиты и восстановления субъективных гражданских прав, нарушенных преступлением [2; 3; 6]. Вместе с тем рассмотрение гражданского иска одновременно с расследованием и разрешением по существу уголовного дела не только разрешает имущественные требования к правонарушителю, но и способствует заглаживанию им вреда, причиненного преступлением иным правам и законным интересам потерпевшего / гражданского истца. В указанном аспекте гражданский иск выступает тем процессуальным средством, которое реализует восстановительные подходы в уголовном правосудии.

Сторонники восстановительного правосудия рассматривают его как «определенный ответ в историческом поиске более адекватных и ценностно приемлемых путей реагирования на преступление» [5]. Восстановительное правосудие характеризуется тем, что понятие преступления базируется не столько на нарушении норм материального права, регламентированных государством, и потому всякое преступление причиняет ущерб общественным интересам, а на том, что преступление в первую очередь порождает конфликт между участниками правоотношений. В связи с чем в качестве одного из принципиальных положений восстановительного правосудия признается возникновение у виновного обязательств по возмещению ущерба, причиненного преступлением.

В отличие от обвинительной (карательной) модели правосудия, предусматривающей неотвратимость наказания, восстановительное правосудие в числе своих целей и задач предусматривает восстановление нарушенных преступлением отношений в обществе, возмещение причиненного жертве преступления ущерба, примирение виновного с жертвой, ресоциализацию правонарушителя.

В урегулировании конфликта между правонарушителем и жертвой, с точки зрения сторонников восстановительного правосудия, велика роль самих участников, характерной чертой выступает их активная вовлеченность с соответствующими полномочиями, с одновременным снижением главенствующей роли государства. В этой связи программы восстановительного правосудия разнообразны, предполагают проявление динамичного участия различных участников со стороны общества с выработкой социально приемлемых решений по разрешению конфликта, порожденного преступлением [4; 5].

В российском уголовном судопроизводстве предусмотрена возможность одновременного рассмотрения гражданского иска с обвинительным тезисом по уголовному делу. Эффективность института гражданского иска в уголовном деле зависит от ряда факторов, в числе которых активность самой жертвы преступления по защите своих интересов, а также своевре-

менность мер, предпринятых в ходе производства по делу в целях обеспечения исполнения будущего судебного решения в части гражданского иска. Не в последнюю очередь реальное возмещение ущерба, причиненного преступлением, восстановление нарушенных преступлением правоотношений зависит от поведения правонарушителя.

Как верно отмечает В. А. Виноградова, «нельзя не учитывать и того, что процедура судебного разбирательства уголовного дела не должна чрезмерно загромождаться вопросами, не имеющими прямого отношения к событию преступления» [1]. Однако судебная практика свидетельствует, что значительное число уголовных дел завершается не рассмотрением гражданского иска по существу, а передачей его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, тогда как это не всегда вызвано сложностью расчета и потребностью отложения рассмотрения уголовного дела, чрезмерно усугубляя ситуацию с обеспечением разумного срока уголовного судопроизводства.

К примеру, гражданский иск по уголовному делу в отношении К. был заявлен относительно прямого ущерба, причиненного в результате разбойного нападения и установленного приговором суда. Тем не менее гражданский иск ООО «ТСПК», которой причинен ущерб, не рассмотрен в ходе производства по уголовному делу, а сама формулировка решения «гражданский иск оставить без рассмотрения, с сохранением за гражданским истцом права предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства» не соответствует ст. 309 УПК РФ.

Рассмотрение гражданского иска одновременно с уголовным делом не только позволяет более быстро рассматривать вопросы, связанные с восстановлением причиненного преступлением ущерба, но и создает условия экономии финансовых средств, поскольку сам гражданский иск не облагается госпошлиной не только для гражданского истца, но и взыскание иска не влечет расходов на госпошлину для гражданского ответчика, а государство не затрачивает ресурсы на второе судопроизводство по иску, вытекающему из уголовного дела.

Защита прав и законных интересов, нарушенных преступлением, выступая в качестве предназначения уголовного судопроизводства, должна быть обеспечена реальными механизмами, к числу которых возможно отнести институт гражданского иска в уголовном процессе. Принесение извинений, выражение раскаяния, возмещение ущерба и принятие мер, направленных на заглаживание причиненного преступлением вреда, т. е. в целом позитивное постпреступное поведение обвиняемого, могут не только способствовать реализации восстановительного подхода в уголовном судопроизводстве, но и выступить обстоятельствами, оказавшими воздействие на достижение баланса процессуальных интересов сторон.

Список использованных источников

1. Виноградова В. А. Сущность и предмет гражданского иска в уголовном процессе // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 19. № 3. С. 194–203.
2. Джелали Т. И., Шараева Я. А. К вопросу о гражданском иске в уголовном процессе // ЮристЪ-Правовед. 2018. № 4 (87). С. 163–167.
3. Дык А. Г., Муллахметова Н. Е. Гражданский иск в уголовном деле как один из способов возмещения вреда, причиненного преступлением : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 288 с.
4. Зер Х. Восстановительное правосудие, медиация и альтернативное разрешение споров // Вестник восстановительной юстиции. 2015. № 12. С. 10–11.
5. Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М. : Проспект, 2017. 264 с.
6. Сушина Т. Е. Современное состояние и перспективы развития гражданского иска в уголовном процессе // LEX RUSSICA. 2019. № 3 (148). С. 100–107.

© Попова И. П.

УДК 343.615(470)

Сibaгатуллин Финат Фаязович,
адъюнкт адъюнктуры Уфимского юри-
дического института МВД России,
старший лейтенант полиции

ЭТАПЫ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ СТ. 116.1 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы правовой природы гуманизации и ее важные этапы в российском уголовном законодательстве. Проведен краткий исторический анализ развития законодательства на предмет исследования категории «побоев» как уголовно-правового явления. Отмечается, что в настоящее время общество и государственная власть обращает все больше внимания на насилие и избиение в быту и публичных местах, поэтому категория побоев актуализируется посредством совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: личная неприкосновенность, криминализация, права человека.

Важным этапом международного законодательного процесса считается 10 декабря 1948 г., когда была принята Всеобщая декларация прав че-

ловека. Этот момент стал исходной точкой для расширения перечня прав и свобод человека. Таким образом, декларация подвела итоги долгой борьбы за признание этих прав, включая их природное происхождение. Принятие декларации само по себе было значительным шагом в признании прав и свобод человека.

Личная неприкосновенность и свобода – это права, которые гарантируются каждому человеку в соответствии со ст. 3 Всеобщей декларации прав человека [1]. Более того, каждому индивиду предоставляется возможность вести жизнь, наслаждаться своими правами и защищать их.

Веками люди совершали преступления, которые причиняли вред здоровью других людей. Это было на протяжении всей истории человечества. Охрана здоровья каждого гражданина всегда была одной из главных задач уголовного права.

В российской юридической литературе всегда было особое внимание уделено истории уголовно-правовой защиты здоровья людей от преступлений различного рода. Уголовное законодательство России имеет долгую историю, которая тесно связана с развитием страны.

В становлении уголовного законодательства только самые серьезные формы насильственных преступлений считались преступными, но с развитием представлений о сущности и назначении уголовного закона защита этого важного блага стала расширяться в соответствии с общей тенденцией нового права, чтобы обеспечить более полную защиту личных благ человека.

Существует особое положение в российском уголовном законодательстве, которое посвящено понятию побоев. Это уголовное преступление имеет свои специфические характеристики и юридические последствия для обвиняемых в этом преступлении. Понимание сути и сущности такого преступления является важным аспектом для юристов, правоохранительных органов и даже обычных граждан, так как наше общество находится на стадии правового развития, где применение физической боли и насилия в отношении любого лица без законных оснований является неприемлемым.

С появлением уголовного законодательства в Древней Руси понятие побоев в российском уголовном праве прошло через развитие, что требует исследования сущности и содержания этой категории, а также характеристики, признаков и последствий для лиц, совершивших такое преступление. Исторический анализ уголовного законодательства подтверждает эту проблематику, особенно в свете Русской правды, Псковской Судной Грамоты, Правосудия Митрополичьего и Судебника 1497 и 1550 гг.

В прошлом побои и раны считались «обидой» и наказывались штрафами [2], сфера уголовно-правовой защиты касалась не только здоровья человека, но и его чести и установленного порядка управления. Эти принципы имели более нравственные, а не законодательные основания. Нельзя

сказать, что наказание за побои имело всеобщий характер в обществе, так как анализ Соборного Уложения 1649 г. и исторической практики показывает, что закон защищал в основном интересы влиятельных лиц, включая как представителей высшего сословия, так и простых людей [3].

Социальное положение и последствия преступления оказывали влияние на вид и размер наказания. В нормативных актах средневековой Руси было указано, где произошло преступление, например, в «церкви Божии» или в «государеве дворе». Нормативные акты также использовали словосочетания «доправити бесчестье» и «до крови», указывая на серьезность побоев. Со временем, с развитием российского государства и общества законодательство становилось все более конкретным.

В XVII–XVIII вв. российское уголовное законодательство претерпело существенные изменения в классификации преступлений и наказаний, что привело к выделению причинения побоев в отдельное и серьезное преступление. В 1845 г. было принято первое общее уголовное законодательство Российской империи – Уложение о наказаниях гражданских и служебных лиц («Уложение»). Система, предложенная в этом документе для защиты здоровья человека, была наиболее тщательно и продуманно разработана по сравнению с предыдущими законами царской России [4].

После Октябрьской революции 1917 г. российское уголовное законодательство претерпело существенные изменения. В 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, который в ст. 157 устанавливал ответственность за умышленное насилие, включая нанесение удара, побоев и других насильственных действий, причиняющих физическую боль [5]. Однако оценка серьезности физических повреждений в этой системе была крайне запутанной, сложной и неоднозначной, так как не было четкого определения побоев как уголовного преступления.

С появлением Уголовного кодекса РСФСР в 1926 г. стали определяться различные характеристики побоев. Это связано с тем, что закон содержал оговорку о необходимости нанесения физической боли при причинении ударов, побоев и других насильственных действий. В Уголовном кодексе 1960 г. категория побоев использовалась в ст. 112 и 113 [6], которые были связаны с умышленным причинением телесных повреждений. Однако, законодатель не давал ясного объяснения о том, как практически разграничивать побои и умышленное причинение легких телесных повреждений.

При рассмотрении уголовных дел важное значение имеет понятие побоев, которое является одним из ключевых понятий в уголовном законодательстве России. Отделение этой категории от других деяний требовало его дефинитивного определения, которое было окончательно сформировано уже в новое время. Согласно ст. 116 и 116.1 УК РФ побои считаются одним из видов преступлений против жизни и здоровья человека.

В феврале 2017 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении

изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» [7]. Внесенная поправка, согласно документам, относится к исключению «побоев в отношении близких лиц». Это ведет к тому, что данные противоправные действия переносятся из категории уголовно наказуемых в подлежащие административной ответственности, за исключением случаев, когда такие действия будут совершены неоднократно близкими лицами.

С целью устранения двусмысленных толкований ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) после введения Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ изменения были внесены в эту статью в пояснительной записке к документу. Важно отметить, что Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ произошла частичная декриминализация ряда статей УК РФ, включая ч. 1 ст. 116 УК РФ, часть уголовно-правового состава которой была перенесена в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Преследование по уголовному законодательству будет осуществляться в случае повторного совершения нанесения побоев лицом, которое уже было подвергнуто административному наказанию. В дополнение к этому в УК РФ была внесена новая ст. 116.1, согласно которой следует привлекать лицо к уголовной ответственности за совершение побоев, не повлекших причинения легкого вреда здоровью, не содержащих в себе признаки преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, в случае, если это лицо ранее подверглось административному наказанию за аналогичное деяние.

В настоящее время причинение побоев становится все более распространенным деянием в повседневной жизни общества, о чем свидетельствуют данные судебной статистики.

Данная тенденция обусловлена неоднократным изменением содержания диспозиции ст. 116 УК РФ, а также введением статьи 116.1 УК РФ и ст. 6.1.1 в КоАП РФ, предусматривающей также ответственность за причинение побоев в случае отсутствия в деянии признаков уголовно-наказуемых деяний. Тем самым государство, защищая интересы граждан и общества, реагирует на возникающую реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям, обеспечивающим здоровье человека.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 : XII век / под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997.
3. Соборное уложение 1649 года / коммент. Г. В. Абрамовича и др.; Руководитель авт. коллектива А. Г. Маньков. Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1987.

4. Кошелев Н. Н. Царское уголовное законодательство об ответственности за причинение вреда здоровью человека : побои и истязание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 1. С. 37.

5. Бакалаврская программа «Юриспруденция». URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 18.10.2023).

6. Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13973> (дата обращения: 18.10.2023).

7. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Сибагатуллин Ф. Ф.

УДК 340

Соловьев Данил Николаевич, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИРОДЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРАВА

Аннотация. Законотворчество немислимо без языкознания. Язык – единственный инструмент создания законов, способ их письменного оформления, средство выражения правовой информации в законодательстве. Использование таких свойств языка, как ясность, простота, точность выражения, логическая связность и последовательность изложения при формулировании законов влияет на качество и эффективность правовых актов.

Ключевые слова: язык, язык права, язык закона, язык законодательства.

В литературе по философии язык представлен как знаковая система любой физической природы, выполняющая познавательную и коммуникативную (общение) функции в процессе человеческой деятельности. Он считается явлением социальным, формой существования и выражения мышления, инструментом мыслительной деятельности, средством формирования и развития сознания, фиксирования и сохранения накопленных знаний и передачи их от поколения к поколению. Язык выполняет функции выражения,

воздействия, ориентирования, изображения [1; 2]. В психологии язык раскрывается как система знаков, служащая средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом выражения самосознания личности, передачи от поколения к поколению и хранения информации [3]. В лингвистике он интерпретируется как исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе, как то, что выражает, объясняет собой что-нибудь (о предметах и явлениях) [4]. В синонимии он разъясняется как способ или система словесного выражения мыслей, характеризующаяся определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей [5; 6]. С таким пониманием языка не расходится и логическое его истолкование, согласно которому язык – важнейшее средство человеческого общения, орудие, при помощи которого люди обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания, – это звуковая материальная оболочка мысли, без языка невозможно само мышление, невозможно его появление [7].

Как разумный инструмент управления обществом, право во всех своих проявлениях существует в языковой форме. Юридические предписания приобретают качества нормативного правового регулятора лишь постольку, поскольку фиксируются в официальных письменных текстах, издаваемых государственными органами в строго определенном порядке. Идеи, направляющие правовое регулирование, также имеют языковое выражение – они могут быть восприняты и осознаны только в том случае, если обозначить их словесно. Наконец, слова необходимы, чтобы координировать социальное взаимодействие в юридически значимых ситуациях и достигать согласования интересов различных участников правоотношений [8].

Воля законодателя, чтобы она стала надлежащим правовым регулятором, должна быть словесно, причем с достаточной полнотой, выражена в законе. Еще в начале века знаменитый русский юрист Н. С. Таганцев писал: «Мысль, предложенная законодателем, не нашедшая выражения в тексте закона, не составляет закона: что не выражено, то не может быть и выяснено» [9]. В видении А. С. Пиголкина «именно язык служит средством передачи информации о содержании юридических предписаний. Правовые нормы не могут существовать иначе, как в определенных грамматических формулах. С помощью языка мысль законодателя выражается вовне, оформляется, становится пригодной для внешнего использования, доступной для лиц, органов и организаций, которым адресуются правовые требования» [10].

Говоря иначе, язык есть инструмент создания законов, единственный, ничем не заменимый способ их письменного оформления, средство выражения правовой информации в законодательстве. В свою очередь, это означает, что законотворчество немислимо без языкознания. Если данные лингвистики при формулировании законов используются недостаточно, то вряд

ли такие правовые акты будут качественными, совершенными и достаточно эффективными.

Очевидно, поэтому Н. А. Любимов язык законодательства представляет так: «функциональная разновидность (функциональный подстиль) литературного языка, включающая совокупность языковых средств (лексических, морфологических и синтаксических), выражающих волю законодателя и обеспечивающих прохождение процесса правовой коммуникации» [11]. Однако язык закона – не только особая разновидность литературного языка, он также отличается официальностью [12], которая выражается в документальном оформлении в виде установленного государством нормативного акта.

Языку законодательства присущи директивность, отражаемая в его словесных оборотах, и формализованность, состоящая в том, что в правовом документе языковая форма является нормативной, формально закрепленной. К особенностям языка закона относятся также его ясность и простота, максимальная точность его выражения, логическая связность и последовательность изложения [13]. По мнению В. М. Савицкого, «языковые конструкции, применяемые при составлении закона, должны придавать изложению логичность, последовательность, связность, системность» (под официальным языком подразумевается государственный язык, на котором формируются законы и осуществляется работа органов государства, учреждений, предприятий, организаций, ведется судопроизводство, обучение в учебных заведениях и т. д.) [14].

Относительно социальной ценности языка следует сказать, что языковые отношения занимают особое место в системе социальных связей, подлежащих правовому регулированию. Они реализуются во всех без исключения сферах жизнедеятельности человека, использующего слово в качестве универсального средства получения, сохранения и передачи знаний о природе и обществе. Многосторонние и разнообразные языковые контакты между индивидами и целыми социальными группами неизбежно возникают в процессах осуществления правоспособности физических и юридических лиц, государства и его органов, а также субъектов межгосударственных отношений. Владение языком создает предпосылки для полного развития человеческой личности и для реализации естественного права человека на участие в решении проблем устройства и управления тем обществом, членом которого он является [8].

В литературе социальная ценность раскрывается как благо, добро, прекрасное, достойное, праведное, предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса и определенной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов [1–2; 15–19]. Язык, как было сказано выше, – социальное явление. Он самым тесным образом связан с самим обществом, с людьми, составляющими общество, живущими в нем. Он неот-

делим от людей [20]. Язык вообще есть естественно (на определенной стадии развития человеческого общества) возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая (знаковая) система, обладающая свойством социальной предназначенности – существующая прежде всего не для отдельного индивида, а для определенного социума [21].

Язык по отношению к праву выполняет две взаимосвязанные функции – отобразительную и коммуникативную [22]. Первая функция заключается в том, что язык формулирует, выражает волю законодателя [23]. Нормы права выражаются посредством слов, предложений, формулировок [24]. Вторая функция связана с тем, что язык доводит волю законодателя до сведения участников общественных отношений [13].

Все юридические явления – языковые феномены. Нет ничего юридического, что ни было бы лингвистическим. Единственное основание юриспруденции – язык [22]. Нормы права, принципы права, субъективные права и юридические обязанности, различного рода оценки, индивидуальные правовые предписания, факты как достоверные знания (юридические, доказательственные) с помощью языка обретают материальную форму, становятся доступными для восприятия лицами, участвующими в правовом регулировании [25].

В представлении А. С. Александрова «Нормативность производна от грамматичности... Судебная истина вся в словах. Язык заставляет нас проговаривать «истину», признаваемую таковой нашими слушателями. В отсутствие языка, речи сама постановка вопроса об истине невозможна. Правосудие, по внутреннему убеждению, есть суждение, понимание, разумление текста, созданного судебной речью... Судебное разбирательство – это подражание действительности посредством слов. Мы знаем в суде о преступлении и наказании только то, что способна дать нам понять судебная речь, то с чем согласуется здравый смысл, что основывается на нашей понятийной (и идеологической, этической) системе, заключенной в языке» [22].

Языку свойственны также организующая и воспитательная функции. Язык есть средство распространения знаний, формирования сознания, в том числе и правосознания, средство воспитания, развития человека [14; 22; 26–28].

Таким образом, язык в праве представляет собой совокупность лингвистических средств выражения и закрепления в законодательстве правовых идей с учетом специфики правовых норм. Он имеет непреходящее и многогранное значение в плане как формирования и совершенствования, так и применения норм права.

Список использованных источников

1. Философский словарь. М. : Политиздат, 1991. С. 551.
2. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра, 1998. С. 554-556.

3. Краткий психологический словарь. М. : Политиздат, 1986. С. 420.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. С. 917.
5. Словарь синонимов. Л., 1975. С. 617.
6. Словарь синонимов русского языка. Т. 2. Л. : Наука, 1971. С. 699.
7. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975. С. 694.
8. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2007. С. 1.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 91.
10. Пиголкин А. С. Законодательная техника и правотворчество // Научные основы советского правотворчества. М. : Наука, 1981. С. 290.
11. Любимов Н. А. Конституционное право России: лингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : 2002. С. 8, 12.
12. Большая юридическая энциклопедия. М. : Инфра, 1999. С. 1104–1105.
13. Пиголкин А. С. Язык закона. М. : Юрид. лит., 1990. С. 17–28, 290.
14. Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М. : Издательство «Наука», 1987. С. 7, 22.
15. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. С. 11.
16. Нарский И. С. Ценность и полезность // Философские науки, 1969. № 3. С. 61–67.
17. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. 3-е изд. М. : Полит. лит., 1975. С. 341–342.
18. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М. : Политиздат, 1988. С. 442–443.
19. Политико-правовые ценности: история и современность / В. Г. Графский, Д. В. Дождев, Н. Н. Ефремова, Н. Ю. Козлова [и др.]; под ред. В. С. Нерсесянц. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 5–6, 132–136.
20. Хабибуллина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 14.
21. Будагов Р. А. Человек и его язык. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 33–34.
22. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород, 2003. С. 7, 8, 15, 16, 19, 31, 73, 119, 122, 135, 137.
23. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики: содержание и форма в праве и проблема законодательной стилистики : учебное пособие. Ч. 1. Пермь, 1967. С. 15.
24. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М. : Эксмо, 2007. С. 344.

25. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста : учебное пособие. М. : БЕК, 1997. С. 2.

26. Лихачев Д. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л. : Сов. писатель, 1989. С. 410–436.

27. Риторика для юристов : учебное пособие / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. 5-е изд. Ростов н/Д : Феникс, 2006. С. 41, 42.

28. Галиев Ф. Х. Языковые проблемы в правовой культуре // Русский язык и юриспруденция : материалы региональной научно-практической конференции, посвященной Году русского языка. Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. С. 107, 109, 111.

© Соловьев Д. Н.

УДК 347.626.2:347.133-027.582(470)

Улимаев Радик Юрикович, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции;

Кабирова Гузель Илфатовна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции

КРАЙНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Аннотация. В статье авторами рассмотрено понятие брачного договора в России, причины его заключения. Отмечено, что формулировка «крайне неблагоприятное положение», закрепленная в п. 2 ст. 44 Семейного кодекса Российской Федерации, носит оценочный характер и в судебной практике при признании брачного договора считается недействительной, вызывает некоторые проблемы, связанные с различным ее толкованием как судами, так и субъектами брачного договора. По мнению авторов, подобные оценочные упоминания законодателя требуют либо дополнения Семейного кодекса Российской Федерации путем приведения нескольких примеров, либо развернутого обобщения судебной практики путем принятия соответствующего Обзора Верховным Судом Российской Федерации.

Ключевые слова: брачный договор, суд, исковая давность, признание брачного договора недействительный, крайне неблагоприятное положение.

1 марта 1996 года ознаменовано вступлением в силу Семейного кодекса РФ [1] (далее – СК РФ), регулирующего институт брачного договора. Законодатель в ст. 40 СК РФ дал легальное определение брачного договора, предусмотрев под ним соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Как видим, брачный договор в России регулирует только имущественные аспекты супругов. Следует отметить тенденцию к неуклонному увеличению количества регистрируемых брачных договоров. Так, согласно данным Федеральной нотариальной палаты России, в 2020 году были заключены 142,5 тыс. брачных договоров, а в 2021 году – 148,3 тыс. [2]. Путем заключения брачного договора стороны пытаются избежать судебных разбирательств, сэкономить время, деньги и сохранить свои нервы. Имущественные споры между супругами и бывшими супругами сегодня не являются редкостью. Возникает вопрос – могут ли стороны вообще исключить возможность судебной тяжбы между собой по поводу, например, совместно нажитого имущества, заключив «идеальный» брачный договор? Очевидно, что нет. Ни один брачный договор не способен полностью гарантировать исключение судебной тяжбы. Дело в том, что брачный договор на момент его заключения фиксирует согласование воли сторон по поводу имущества. Кроме того, право на обращение в суд является конституционным правом. Отказ от этого права, даже зафиксированный в каких-либо документах, не имеет юридической силы. Иначе говоря, возможна ситуация, когда молодожены души друг в друге не чают, о заключенном брачном договоре не вспоминают, однако через несколько лет возможно ухудшение отношений, и одна из сторон решится обратиться в суд, потребовав признания брачного договора недействительным. Это право стороны, и суд не может запретить лицу обратиться в суд. Другое дело, что не во всех случаях обращения сторон в суд происходит расторжение брачного договора. Это происходит только в случаях, предусмотренных законодательством. Исходя из ст. 4 СК РФ институт брачного договора регулируется не только семейным, но и гражданским законодательством. Брачный договор представляет собой сделку, регуливающую имущественные отношения между супругами.

Согласно ч. 2 ст. 44 СК РФ суд вправе признать брачный договор недействительным, если условия договора ставят супруга в крайне неблагоприятное положение (далее – КНП). Данная формулировка носит оценочный характер и в законе не раскрывается. На наш взгляд, подобные оценочные упоминания законодателя требуют либо дополнения СК РФ путем приведения нескольких примеров, либо развернутого обобщения судебной практики путем принятия соответствующего Обзора Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховного Суда РФ).

Рассматриваемая формулировка приводит к различному пониманию его содержания сторонами при рассмотрении дела в суде. Более того, бы-

вают случаи, когда проигравшая сторона доходит до Верховного Суда РФ, который подтверждает выводы суда первой инстанции.

С другой стороны, граждане неоднократно обращались в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) с жалобой о проверке конституционности п. 2 ст. 44 СК РФ. Конституционный Суд РФ по поводу КНП супруга высказывался следующим образом: это не является неопределенностью содержания данной нормы, поскольку из-за многообразия обстоятельств, которые воздействуют на имущественное положение супругов, в законе невозможно установить закрытый перечень. Оценочная характеристика необходима для эффективной реализации нормы к большому числу спорных правовых ситуаций [3]. Иначе говоря, суд с учетом обстоятельств дела в каждом конкретном случае должен разрешать вопрос о наличии или отсутствии оснований, указанных в п. 2 ст. 44 СК РФ.

В судебной практике суды в одних случаях удовлетворяют требования о признании брачного договора по п. 2 ст. 44 СК РФ недействительным, в других случаях отказывают. Так, по одному делу условиями брачного договора было предусмотрено, что при расторжении брака по инициативе С. имущество, нажитое во время брака и относящееся к общей совместной собственности супругов, переходит в собственность К. Суд первой инстанции, изучив условия брачного договора, пришел к выводу о том, что С. при расторжении брака лишается совместно нажитого имущества, тем самым, он ставится в КНП. Согласно п. 3 ст. 42 СК РФ «брачный договор не может ... содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в КНП».

В деле поднимался и вопрос об исковой давности. Судом был учтен тот факт, что исполнение условий брачного договора берет начало с момента раздела имущества. Таим образом, с учетом указанного обстоятельства момент раздела имущества супругов совпадает с моментом начала течения срока исковой давности по требованиям о признании брачного договора недействительным (по основаниям ничтожности и оспоримости) [4]. Подобное правило нередко применяют в судебной практике [5]. На наш взгляд, приведенное правило справедливо. Это позволяет стороне, находящейся в ситуации КНП, иметь больше правовых возможностей в защите своих прав. Например, заинтересованному лицу не нужно обращаться в суд с ходатайством о восстановлении пропущенного срока исковой давности.

Рассмотрим другой пример. Истец обратился в суд к ответчице с иском о признании брачного договора недействительным в части. По этому договору объекты недвижимости, приобретенные на совместно нажитые денежные средства, являются личной собственностью ответчицы. Истец просил признать недействительным пункт брачного договора по причине того, что брачный договор ставит его в КНП.

Районный суд отказал истцу в удовлетворении исковых требований. Суд апелляционной инстанции удовлетворил требования истца. При этом суд указал в своем определении следующие аргументы: во-первых, содержание брачного договора не раскрывает механизм защиты жилищных прав истца при расторжении брака; во-вторых, истец имеет постоянную регистрацию и проживает в спорном жилом доме. Следовательно, он лишается права на единственное жилище, т. е. находится в КНП. По мнению суда, течение срока исковой давности началось не с момента подписания брачного договора, а с момента раздела имущества и совпадает с моментом расторжения брака. Кассационный суд согласился с такими выводами.

Однако по мнению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ стороны брачного договора самостоятельно определяют правовой режим имущества между собой, на который должен опираться суд при разрешении спора о разделе их имущества. Супруги могут свободно, по своему усмотрению изменить режим общей собственности. При этом семейное законодательство не обязывает обеспечивать супругов жилыми помещениями.

Как отметил суд, до подписания договора стороны ознакомились с его условиями и правовыми последствиями, заявили об отсутствии понуждений и о том, что их воля сформирована свободно, собственноручно подписали договор в присутствии нотариуса. С учетом изложенного суд пришел к выводу о том, что момент начала течения срока исковой давности совпадает с моментом заключения брачного договора.

На наш взгляд, даже если лицо подписывает брачный договор, ознакомлено с его содержанием, оно все равно не в полной мере представляет его последствия для себя. Причины могут быть разные. Неблагоприятные последствия оно может ощутить только тогда, когда столкнется с реальной возможностью лишиться своего имущества.

Верховный Суд РФ приводил случай, когда один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака, в качестве примера КНП [7].

В судебной практике суды верно исходят из того, что срок исковой давности следует исчислять с момента, когда один из супругов узнал или должен был узнать о том, что в результате реализации условий брачного договора он попал в КНП.

Как видно из приведенных примеров, суды по-разному подходят к вопросу КНП стороны спора и о начале течения сроков исковой давности. До конца неясно – это момент начала раздела имущества либо момент заключения брачного договора.

При вынесении решения и дальнейшем пересмотре дел по жалобам проигравшей стороны суды учитывают нормы не только материального, но и процессуального права. Например, в случае обращения в суд с иском

о признании брачного договора недействительным по причине насилия или угрозы истец должен доказать, что они действительно имели место. Однако не всегда это возможно сделать.

Существенной гарантией защиты имущественных интересов стороны брачного договора является законодательное требование о его нотариальном удостоверении. Например, нередко суды отмечают, что на момент заключения брачного договора истец располагал полной информацией об условиях договора, изменяющих режим личной собственности супругов, добровольно, в соответствии со своим волеизъявлением принял на себя все права и обязательства, определенные договором, собственноручно подписал договор, имел возможность отказаться от подписания брачного договора [8].

Пути решения проблемы различного понимания судами и сторонами брачного договора КНП одного из супругов как одного из оснований его расторжения представляются нам по нескольким направлениям. Во-первых, усиление работы нотариусов по разъяснению супругам и лицам, вступающим в брак, юридических формулировок и юридических последствий заключения ими брачного договора с приведением обезличенных примеров, а также по разъяснению им проблем, связанных со злоупотреблением права. Во-вторых, Верховному Суду РФ целесообразно на основе изучения судебной практики подготовить Обзор судебной практики по делам о признании брачного договора недействительным в силу КНП одного из супругов. В-третьих, внесение изменений в СК РФ, подготовленных на основе анализа Верховным Судом РФ вышеуказанной судебной практики.

Список использованных источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Зачем нужен брачный договор? // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/630> (дата обращения: 16.10.2023).
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. № 779-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2016 г. № 5-КГ16-174. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 20 января 2015 г. № 5-КГ14-144. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2023 г. № 33-КГ23-2-КЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2022 г. № 78-КГ22-5-КЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Улимаев Р. Ю.

© Кабирова Г. И.

УДК 0.01.18(378.1)

Фатхиев Дамир Маратович, старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, капитан полиции

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОВД

Аннотация. В статье представлен анализ современных возможностей, которыми наделены образовательные организации, осуществляющие подготовку сотрудников для органов внутренних дел Российской Федерации, раскрываются основные перспективы развития образовательной деятельности в части, касающейся применения современных технологий, используемых в образовательной среде всего мира, а также дается характеристика основным трудностям, возникающим на пути совершенствования данного направления для учреждений системы МВД России. Приводятся основные, наиболее эффективные и зарекомендовавшие себя с положительной стороны технологии. Раскрывается основной потенциал, заложенный в информационные технологии, ориентированные на совершенствование процесса получения образования, с учетом требований, предъявляемых реальной действительностью.

Ключевые слова: правоохранительные органы, технологии, современное общество, образовательная среда.

На сегодняшний день достижения науки и техники прочно закрепились за всеми сферами жизнедеятельности человека, и скорость их совер-

шенствования с каждым годом становится все выше. Процесс информатизации для образовательной среды ознаменовался мощным повсеместным внедрением и масштабированием информационных технологий. Нет сегодня образовательной организации в системе МВД России, которая бы не использовала в образовательной деятельности средства видео-конференц-связи, систему дистанционного образования, и данный факт объясняется тем, что такие требования как многозадачность, скорость принятия управленческих решений, качественное взаимодействие сотрудников, совершенство средств коммуникации, внедрения новых технологий в процессы обработки информации и т. п., предъявляемые к образовательным организациям, являются ключевыми [5].

Но нельзя не отметить, что сейчас образовательные организации все также нуждаются в качественном финансировании для своевременного внедрения новелл в систему образования. Нужно внедрять технологии будущего, для того чтобы получать сотрудников, могущих работать в условиях настоящего и будущего. Технологии прошлого столетия были эффективны для прошлого столетия, сегодня мы находимся на пороге новых стандартов, абсолютно иных подходов к совершению преступлений, а следовательно, и сотрудники, их расследующие, должны на качественно новом уровне совершенствовать свою компетенцию. Новая модель образования возможна лишь в том случае, если в образовательную систему будет внедрена цифровая среда [4].

Глобально новым считается совершенствование способов донесения информации до конечного потребителя – обучающегося образовательной организации – полное и качественно новое изменение, касающееся внедрения интерактивности во взаимодействие с образовательным контентом. Результат последних десяти лет совершенствования интерактивной среды – это переход от простого использования электронных вычислительных машин для печати текста к взаимодействию с искусственным интеллектом. На сегодняшний день есть возможность полного исключения участия преподавателя на занятии и его замены на искусственный интеллект. Цифровое представление информации – это весьма эффективный способ воздействия на обучающегося с целью формирования у него знаний, умений и навыков с наименьшими затратами во времени, силах и средствах.

Основной задачей все же остается формирование мотивации у обучающихся к усвоению получаемой информации. Информационные технологии здесь играют важнейшую роль. Возможность обучающегося самостоятельно взаимодействовать с образовательной средой с целью поиска информации; получение информации как в формате изображения, видео и аудио, а также взаимодействия с другими обучающимися – вот малая часть возможностей, которые представляют информационные технологии. Более того, на сегодняшний день наша жизнь наполнена взаимодействием с информационными технологиями, которые с раннего возраста становятся

атрибутом нашей жизни, и овладение навыками их использования в целях образования обучающимися не составляет труда.

Возрастает роль в процессе обучения самого обучаемого. Ведь в силу индивидуализации в определенной мере он сам руководит этим процессом, и темп регулируется самостоятельно. Так, наиболее подготовленные обучаемые получают возможность освоить больше навыков, получить больше информации, а значит стать более компетентными в той или иной сфере, а педагог, в свою очередь, берет на себя роль руководителя, помощника и советчика в выборе наиболее эффективной методики освоения дисциплин для каждого обучаемого индивидуально.

На сегодняшний день широкое применение информационные технологии получили в следующих направлениях педагогической деятельности:

Разработка и оформление педагогической и методической документации [2].

Использование ресурсов сети Интернет для профессионального общения, оперативного реагирования на изменение нормативных требований, осуществления обратной связи.

Применение в образовательном процессе готовых интеллектуальных обучающих технологий и создание собственных мультимедийных дидактических материалов [3].

Представленный перечень можно дополнить технологиями виртуальной реальности, интернет-платформами для реализации дистанционного обучения, приобретшими в последнее время особую актуальность [1]. В целом современные реалии в виде распространения коронавирусной инфекции показали значимость владения как педагогами, так и самими обучающимися информационными технологиями. Не имеет смысла сравнивать эффективность очного и дистанционного обучения, поскольку каждое из них имеет свою специфику и преимущества, однако, по нашему мнению, наиболее современной формой обучения становится их совмещение в образовательном процессе.

Инфраструктура современной образовательной цифровой среды складывается из следующих компонентов: web- приложения и Интернет; hardware и software; мобильные приложения; Big Data; Learning Management System; современные средства информационно-коммуникационных технологий; технологии визуализации информации и т. д. Возможности информационных образовательных технологий при проектировании и реализации образовательного процесса:

- смешанное обучение (blended learning);
- проектное обучение (project-based learning);
- цифровые инструменты (Miro; Kahoot; Mentimeter; Zoom; Google Meet и др.).

Таким образом, внедрение информационных технологий в образовательный процесс способствует становлению принципиальной новой фор-

мы непрерывного образования, фундаментальной основой которой выступает самоанализ самообразовательной деятельности обучающегося, поддерживаемый современными средствами информационно-коммуникационных технологий. То есть информационные технологии делают процесс образования непрерывным – обучающийся учится не только в образовательной организации, он ищет информацию, анализирует ее, познает мир, даже выстраивает контакт с педагогом и за ее пределами.

Современные требования, предъявляемые к сотрудникам полиции, должны соответствовать тому, какие умения и навыки они приобретают в процессе освоения образовательных программ системы МВД России. Неотъемлемой частью процесса получения образования в ближайшее время должно стать внедрение интерактивной среды повсеместно во всех образовательных организациях ввиду ее безграничного потенциала для совершенствования образовательной системы. Нельзя забывать и про субъективную сторону данного вопроса. Ведь отсутствие мотивации со стороны обучаемого ведет к тому, что всякий способ демонстрации и донесения информации становится неэффективным.

Список использованных источников

1. Везиров К. Т. Использование «сквозных» технологий в подготовке специалистов среднего профессионального образования в условиях цифровой образовательной среды // Дистанционные образовательные технологии : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 22–25 сентября 2020 г., Ялта. Симферополь: ООО «Изд-во Типография Ариал», 2020. С. 117.

2. Деревянко Е. Ю. Информационные технологии в образовании / Е. Ю. Деревянко // Инновационная наука в глобализующемся мире. 2017. № 1 (4). С. 13–15.

3. Жбанникова О. А. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе ДОО в современных условиях // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2016. № 5. С. 591.

4. Медведев П. Н., Малий Д. В. Готовность преподавателей вуза к использованию современных средств ИКТ в условиях дистанционного обучения // Перспективы науки. 2020. № 10 (133). С. 126.

5. Плотников Д. М. Тренды развития сквозных технологий в образовании в контексте реализации цифровой экономики в России // Современное педагогическое образование. 2021. № 3. С. 17.

© Фатхиев Д. М.

Федорова Светлана Валерьевна, заместитель начальника учебного отдела Нижегородской академии МВД России, подполковник полиции

ОЦЕНКА ГРАЖДАНАМИ СТЕПЕНИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье изложены результаты анкетного опроса, проведенного с целью выявления отношения респондентов к пониманию степени распространенности экстремизма и терроризма в современном российском обществе, определения зависимости этой оценки от территориального признака опрашиваемых.

Ключевые слова: социальный контроль, экстремизм, терроризм, оценка работы полиции.

Нормативное закрепление [1; 2] и официальное толкование [3] экстремизма и терроризма отличаются от общественного восприятия этих институтов. Цель данной статьи заключается в определении того, как граждане интерпретируют данные понятия.

При помощи анкеты, разработанной автором [4], были опрошены 682 респондента, среди которых 52 % мужчин и 42 % женщин. Подавляющее большинство информантов являются государственными служащими (93 %) и имеют высшее образование (72 %).

По результатам анализа опроса оценки респондентов в отношении проявлений экстремизма можно условно разделить на 4 группы (таблица 1). Первая группа (самые очевидные проявления экстремизма) включает в себя участие в террористической деятельности и создание незаконных вооруженных формирований. Во вторую группу входят использование фашисткой символики, организация массовых беспорядков, а также пропаганда расовой и национальной нетерпимости. К третьей группе относятся выступления за свержение власти, пропаганда криминальных ценностей и социальной нетерпимости к различным группам населения. Четвертая группа объединяет протесты против действий власти и желание решать проблемы жесткими силовыми методами.

Таблица 1

Действия, являющиеся проявлениями экстремизма

Перечень действий для оценки	*Индекс согласия
Причастность к террористической деятельности	2,85
Создание незаконных вооруженных формирований	2,84

Перечень действий для оценки	*Индекс согласия
Использование фашистской символики (свастики, нацистского приветствия и т. д.)	2,72
Организация массовых беспорядков (захват зданий, перекрытие дорог и т. д.)	2,67
Пропаганда расовой и национальной нетерпимости (ненависти к афроамериканцам, народам Кавказа, евреям и др.)	2,65
Выступление за свержение власти	2,42
Пропаганда криминальных ценностей, воровского образа жизни	2,32
Пропаганда социальной нетерпимости (ненависти к богатым, бедным, инвалидам, наркоманам, алкоголикам и т. д.)	2,27
Стремление решать все проблемы жесткими силовыми методами	2,11
Протест против действий власти	2,00

* Индекс согласия рассчитывается как среднее арифметическое оценок по 3-балльной шкале, где 3 балла – является проявлением экстремизма, 2 балла – затрудняюсь ответить, 1 балл – не является экстремизмом.

При этом жители мегаполиса, в отличие от жителей области, к проявлениям экстремизма в большей степени относят пропаганду социальной нетерпимости к различным слоям населения, криминальных ценностей и стремление решать все вопросы силовым путем. Они также считают непозволительным проявление расовой и национальной нетерпимости. Это говорит о том, что население крупного мегаполиса отличается более высоким уровнем толерантности, необходимым при проживании в местности с высокой плотностью населения и большим разнообразием жизненных стилей.

Таблица 2

Средства контроля поведения у жителей мегаполиса и области

Перечень средств контроля поведения	%	
	Мегаполис	Область
Полученное воспитание	95	91
Системы постоянного видеонаблюдения	15	12
Работа правоохранительных органов	33	28
Страх уголовного наказания	56	45
Страх перед общественным мнением	26	27
Существующие традиции, обычаи, мораль	61	51

Перечень средств контроля поведения	%	
	Мегаполис	Область
Размер заработной платы, премирования	12	10
Существующая система штрафов	26	17
Контроль государства за соотношением расходов и доходов	5	3
Ограничения, накладываемые религией	16	8
Разрешительные документы, выдаваемые чиновниками	5	2
Комментарии, полученные в социальных сетях	5	2
Публикации в средствах массовой информации, влияющие на репутацию человека	8	5
Боязнь потери репутации в профессиональном сообществе	37	23
Боязнь потери репутации в кругу близких и друзей	40	24
Страх остаться без средств к существованию	25	20

Для жителей крупного мегаполиса наиболее эффективными средствами контроля поведения являются боязнь потери репутации в кругу близких и друзей, а также в профессиональном сообществе, существующие традиции и страх уголовного наказания (таблица 2). Это говорит о том, что население мегаполиса имеет ярко выраженные карьерные ориентации, а потеря репутации и наличие судимости могут отразиться на профессиональной карьере самым негативным образом.

Таблица 3

Причины противоправных действий

Перечень причин противоправных действий	*Индекс согласия	
	Мегаполис	Область
Любопытство	-0,97	-1,14
Желание самоутвердиться	-0,19	-0,06
Неблагоприятная обстановка в семье	0,70	0,85
Незнание законов	0,01	-0,01
Принуждение со стороны коллектива	-0,65	-0,56
Желание материального обогащения	1,04	1,39
Безответственность и легкомысленное поведение	0,79	1,15
Подражание друзьям, членам компании	0,44	0,48

Перечень причин противоправных действий	*Индекс согласия	
	Мегаполис	Область
Употребление алкогольных напитков	1,09	1,14
Употребление наркотических веществ	1,16	1,33
Подражание киногероям	-0,79	-0,37
Плохое воспитание дома	0,78	0,95
Наличие большого количества свободного времени	-0,21	-0,45
Отсутствие ясных целей в жизни	0,48	0,01
Отсутствие понятных ценностей в современном мире	0,31	0,32
Ощущение безысходности и бесперспективности	0,15	0,33
Активная пропаганда криминальной субкультуры в обществе	0,27	0,29
Невозможность достигнуть своих целей законным способом	0,14	0,41
Уверенность в своей безнаказанности	0,64	0,86
Зависимость от компьютерных игр, гаджетов	-0,23	0,16
Отсутствие наставников, авторитетов	0,13	0,03
Отсутствие работы, постоянного дохода	0,69	1,12

* Индекс согласия рассчитывается как среднее арифметическое оценок по 3-балльной шкале, где 3 балла – является проявлением экстремизма, 2 балла – затрудняюсь ответить, 1 балл – не является экстремизмом.

Для жителей мегаполиса и области основными причинами противоправных действий являются употребление наркотиков и алкоголя, желание материального обогащения, однако у жителей области эти причины получили более высокий индекс согласия (таблица 3). Кроме того, у жителей области еще значимыми причинами являются отсутствие работы и постоянного дохода, а также безответственное и легкомысленное поведение.

Жители области в большей степени отвергают такие причины противоправных действий, как любопытство и наличие большого количества свободного времени, жители мегаполиса – подражание киногероям и принуждение со стороны коллектива.

Таким образом, в сельской местности к основным причинам противоправных действий относятся отсутствие постоянного рабочего места и употребление наркотиков и алкоголя.

Между жителями мегаполиса и области также существуют различия относительно оценок работы полиции (таблица 4).

Оценка работы полиции

Тезисы для оценки	*Индекс согласия	
	Мегаполис	Область
Сотрудники полиции часто необоснованно задерживают граждан	-1,07	-1,01
У сотрудников полиции отсутствует необходимый уровень компетентности	-0,72	-0,75
Сотрудники полиции используют служебное положение в личных целях	-0,75	-0,72
У сотрудников полиции низкая культура общения с гражданами	-0,76	-0,79
Сотрудники полиции часто необоснованно применяют силу	-1,17	-1,06
В полиции царят бюрократизм, формализм и волокита	0,00	-0,45
Средства массовой информации необъективно освещают деятельность полиции	-0,15	0,45
Полиция ассоциируется с поборами, взяточничеством и коррумпированностью	-0,63	-0,82
Полицейские быстро реагируют на вызовы	0,28	0,50
Полиция обычно оказывает гражданам существенную помощь в решении их проблем	0,62	0,72
В последние годы полиция стала работать лучше	0,51	0,57
Полицейским свойственно честное, добросовестное отношение к своей работе	0,88	0,73
Полицейские справедливо относятся к людям	0,84	0,80
Полиции нужно не сокращать, а наоборот расширять штаты	1,40	1,18

* Индекс согласия рассчитывается как среднее арифметическое оценок по 3-балльной шкале, где 3 балла – является проявлением экстремизма, 2 балла – затрудняюсь ответить, 1 балл – не является экстремизмом.

Жители мегаполиса больше уверены в том, что полиции нужно не сокращать, а, наоборот, расширять штаты, да и самим полицейским свойственно честное, добросовестное отношение к своей работе. Жители области, в свою очередь, считают, что полицейские быстро реагируют на вызовы и оказывают гражданам существенную помощь в решении их проблем.

Самую большую разницу в оценках получил такой параметр, как объективность освещения деятельности полиции в СМИ. Жители области согласны с тем, что СМИ необъективно освещают работу полицейских.

Жители мегаполиса, наоборот, не согласны с этим тезисом. Кроме того, жители области отрицают, что в полиции царят бюрократизм, формализм и волокита. А вот жители мегаполиса затруднились с оценкой этого тезиса. Это может быть связано с тем, что в сельской местности жители, как правило, неплохо знают друг друга (город, напротив, атомистичен, люди не знакомы друг с другом), поэтому полицейский вполне может оказаться соседом, знакомым или одноклассником. Поэтому реакция сотрудника полиции на ту или иную проблему, жалобу носит, в ряде случаев, неформальный, личный характер.

При этом оценка общего уровня преступности в стране не имеет существенных отличий у жителей мегаполиса и области.

Таблица 5

Общая оценка ситуации в мире

Тезисы для оценки	*Индекс согласия	
	Мегаполис	Область
В современном мире страны распадаются на части	2,06	2,04
Некоторые отрицательные черты и недостатки человека связаны с его национальной принадлежностью	1,58	1,57
Люди должны участвовать в выборах политических партий и лидеров	2,70	2,73
С представителями некоторых религиозных конфессий трудно общаться	1,94	1,92
Террористов следует максимально жестко наказывать без суда и следствия	2,15	1,96
Государство помогает людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации	2,17	2,08
Люди сегодня уверены в своем будущем, знают, что будет завтра	1,71	1,90
К человеку, совершившему особо тяжкое преступление, должна применяться смертная казнь	2,13	2,02
За преступления против экологии и окружающей среды следует очень жесткое наказание	1,96	2,06
Дистанционные методы обучения позволяют получить очень хорошее образование	1,58	1,46
Развод воспринимается как супругами, так и обществом, как обыденное явление	2,41	2,29

* Индекс согласия рассчитывается как среднее арифметическое оценок по 3-балльной шкале, где 3 балла – чаще всего, 2 балла – иногда, 1 балл – никогда.

У жителей мегаполиса и области также различаются оценки современной ситуации в мире (таблица 5). Жители мегаполиса считают, что террористов следует максимально жестко наказывать без суда и следствия, а к человеку, совершившему особо тяжкое преступление, должна применяться смертная казнь. Это объясняется тем, что подобные преступления чаще всего совершаются именно в крупных городах и сопровождаются большим количеством жертв. Кроме того, они очень сильно нарушают повседневное течение жизни горожан, причиняя им значительные неудобства.

Жители мегаполиса более терпимы к разводам, готовы воспринимать расторжение брака как обыденное явление. Действительно, в сельской местности сохранились еще остатки общинного уклада, поэтому информация о разводе быстро становится всеобщим достоянием, нередко оценивается негативно и в дальнейшем оказывает влияние на репутацию человека.

Важно, что жители крупного города готовы получать образование в дистанционном формате. Это говорит об их привычке к информационным технологиям, ставшим частью повседневной жизни любого горожанина. Поэтому различие в восприятии информационных технологий у жителей мегаполиса и области подтверждает существование так называемого цифрового расслоения или цифровой бедности, характерной для жителей небольших областных городов и деревень.

Жители области, в свою очередь, выступают за более жестокое наказание за преступления в сфере экологии и окружающей среды, поскольку в ряде случаев природные ресурсы, к которым относится и земля, остаются в этой местности одним из основных средств производства.

Тем не менее жители области по сравнению с жителями мегаполиса больше уверены в своем будущем и завтрашнем дне, поскольку их уклад повседневной жизни более предсказуем и стабилен.

Таким образом, исследование показало, что у опрошенных граждан в целом ясное представление о сути проявления экстремизма и терроризма, степени их распространенности в современных реалиях. Население мегаполиса выказало более высокий уровень толерантности к расовым и национальным различиям и большую степень нетерпимости, требующую максимального наказания за акты терроризма и иные проявления экстремизма.

Список использованных источников

1. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О противодействии терроризму : федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS : учеб. пособие для вузов. М., 2006. 281 с.

© Федорова С. В.

УДК 343.123.12(470)

Хазиева Регина Рафисовна, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обеспечения безопасности лиц, нуждающихся в государственной защите, в связи с их участием в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: государственная защита, участники уголовного судопроизводства, безопасность, общественная опасность, государство.

Проблема защиты прав и свобод человека всегда была и остается актуальной, в том числе и в свете необоснованного ограничения их в ходе производства по уголовным делам [1]. Особенно вторая половина XX века ознаменовалась тем, что беззащитность участников уголовного процесса, применение в отношении них насилия стали важной преградой для достижения главных целей правосудия. Не обошла стороной данная ситуация и Россию, особенно в 1980–1990-х гг.

Международные эксперты отмечают, что значимую проблему в вопросе противодействия преступности представляют угрозы и насилие в отношении лиц, которые оказывают содействием правоохранительным органам и суду. В 2004 году был принят Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон № 119-ФЗ), нормы которого до настоящего времени не получили своей надлежащей практической реализации. Федеральный закон № 119-ФЗ предоставил государственную защиту следующим категориям граждан:

- потерпевшие;
- свидетели;

- подозреваемые;
- обвиняемые;
- лица, осуществляющие защиту подозреваемых и обвиняемых и пр.

Меры государственной защиты также предоставляются членам семьи, близким родственникам тех граждан, которые оказывают помощь участникам уголовного судопроизводства, иным гражданам, включая тех, кто на конфиденциальной основе помогает оперативно-розыскным органам.

На сегодняшний день противоправное влияние на участников уголовного судопроизводства и членов их семей только растет. Ежегодно на территории Российской Федерации более 10 миллионов людей приобретают статус потерпевшего или свидетеля по уголовному делу, в связи с чем и увеличивается число лиц, нуждающихся в государственной защите. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве.

Обеспечение безопасного режима для субъектов, подлежащих государственной защите, основано на применении разнообразных методов (в том числе и уголовно-правовой защиты).

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» отмечается, что в период с 2019 по 2022 год число защищаемых лиц, которые были задействованы в программных мероприятиях, в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год. За указанный период в отношении этих защищаемых лиц осуществлено более 33 500 мер безопасности. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место. Также в постановлении акцентируется внимание на том, что меры государственной защиты эффективны и дают свои плоды в положительном русле [3]. Однако, несмотря на позитивную тенденцию, защита участников уголовного судопроизводства от негативного влияния сопровождается рядом проблем. По мнению Т. Н. Нуркаевой и Я. В. Линевича, к таким проблемам следует отнести экономическую проблему и организационную, в частности разглашение сведений относительно мер безопасности, применимых к участникам судопроизводства.

За разглашение данных о мерах безопасности предусмотрено назначение следующих видов наказания:

- штраф, размер которого может составлять до 200 тысяч рублей или в размере дохода, осужденного за 18 месяцев;

- обязательные работы (до 480 часов);
- ограничение свободы (срок составляет до 2 лет);
- арест (до 4 месяцев).

Стоит отметить, что государство берет на себя обязательства в рамках защиты прав и свобод человека не только по раскрытию и расследованию преступлений, но и по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, оказанию им необходимой правовой помощи, предоставлению социальной поддержки и др.

Осуществление государственной защиты лиц основывается на возникновении необходимости, предусмотренной федеральным законодательством. Меры государственной защиты сопряжены с финансовыми и силовыми затратами органов внутренних дел, в связи с чем решение о применении подобных мер выносится уполномоченными руководителями с объективной оценкой всех обстоятельств дела и необходимости в них.

Таким образом, следует отметить что общественная опасность преступлений, направленных на лиц, подлежащих государственной защите, заключается в разрушении нормальной управленческой деятельности органов государственной власти, а также ведет к нарушению прав и законных интересов граждан.

Безусловно, государство нацелено на снижение количества оказываемого воздействия на участников уголовного судопроизводства. В этой связи особое внимание необходимо обратить на законодательный вопрос, касающийся правовой регламентации деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, а также вопросы финансового обеспечения мер государственной защиты.

Список использованных источников

1. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России : учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2023. 268 с.

2. Лебедев А. В. Правовые и организационно-тактические основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

3. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.10.2023).

© Хазиева Р. Р.

Хакимов Салават Хазибович, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ БАШКИРСКОЙ АССР ПО УКРЕПЛЕНИЮ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В 50–60-ЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию исторического опыта деятельности милиции Башкирской АССР в 1950–1960-е годы. На основе анализа нормативно-правовых и архивных источников рассматриваются особенности их организации и взаимодействия с общественными формированиями в постановке и решении задач по охране общественного порядка и борьбе с уголовной преступностью. На конкретизированных примерах сотрудников показаны мужество и верность служебному долгу.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел СССР, участковые инспектора милиции, Башкирская АССР, добровольные народные дружины, пункты охраны общественного порядка.

Проблема исследования исторического опыта функционирования правоохранительных органов всегда является одним из приоритетных направлений отечественной историко-правовой науки.

В послевоенный период органам милиции приходилось действовать в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в советском обществе. Важное значение приобрела борьба с тяжкими преступлениями в виде вооруженных грабежей, убийств, разбоев. Остро стояли вопросы преодоления детской беспризорности и безнадзорности, способствующих росту преступности среди несовершеннолетних [1].

На органы внутренних дел ложилась работа по координации обеспечения охраны общественного порядка через широкое привлечение общественности. Начинает широко использоваться помощь бригад содействия милиции.

На должный уровень данное направление было поставлено и в органах милиции Башкирии. В городах и районах республики проводилась значительная работа по организации различных общественных формирований. Они вместе с сотрудниками принимали участие в оперативно-розыскных мероприятиях. Например, 2 февраля 1945 года члены группы содействия охраны общественного порядка Чебыковского совета Миш-

кинского района М. Апсаликов, И. Андреев, М. Напеев, И. Паситов в лесу у деревни Чебыково задержали бежавших из мест заключения двух преступников, осужденных к длительным срокам за совершение уголовных преступлений. Беглецы три месяца скрывались в лесах района, совершая грабежи местного населения. Благодаря хорошей организованности и настойчивости, проявлению инициативы со стороны сотрудников, бандиты были задержаны и 3 февраля 1945 г. доставлены в Мишкинское районное отделение НКВД. Приказом Народного Комиссара за проявленную инициативу, настойчивость и храбрость при задержании преступников Напееву М., Андрееву С., Миндиярову Я., Андрееву П., Паситову И. и Апсаликову М. была объявлена благодарность и выдана денежная премия по 150 рублей каждому [1].

С середины 50-х годов прошлого века начинается новый этап в развитии страны, связанный и с реформированием органов исполнительной власти, в том числе и органов милиции. Оно было нацелено на улучшение правовой культуры сотрудников, повышение их авторитета среди граждан в деле борьбы с правонарушениями. Был учрежден праздник – День советской милиции, который ежегодно стал отмечаться 10 ноября после принятия Указа Президиума Верховного совета СССР от 26 сентября 1962 года.

Важной составляющей нововведений в системе органов внутренних дел СССР стало широкое участие населения в охране общественного порядка на базе промышленных предприятий, колхозов и совхозов, других учреждений под руководством партийных и советских организаций, включая инициативу самих граждан по месту жительства.

Определяющим нормативным правовым актом, послужившим вышеуказанным реформам, также стало постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» от 2 марта 1959 года, где подчеркивалось, что милиция недостаточно связана с общественными организациями и что необходимо создавать добровольные народные дружины, главными задачами которых являлись охрана права и законных интересов людей, участие в охране общественного порядка и защите социалистической собственности [8].

7 июля 1958 года была введена новая инструкция по работе участкового уполномоченного, в которой четко регламентировались его права и обязанности, в том числе и вопросы выделения транспорта и служебных помещений на участках [9].

15 февраля 1962 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье, достоинство работников милиции и народных дружинников», который устанавливал административную ответственность граждан за противодействие законным требованиям сотрудников милиции и народных дружинников и уголовную ответственность за посягательство на их жизнь в период выполнения должностных и общественных обязанностей [6].

Добровольные народные дружины принимали деятельное участие в борьбе с правонарушениями, получали распространение такие формы самодеятельности граждан, как уличные, домовые, родительские комитеты, товарищеские суды. За короткое время только в РСФСР в народные дружины вступило более 1 млн трудящихся. В 1962 году в стране насчитывалось 130 тыс. дружин, объединивших в своем составе более 4 млн человек [8].

Данные направления работы получили значительное развитие и на территории Башкирской АССР. К концу 1962 года в республике действовало 2 785 добровольных народных дружин, в работе которых принимало участие 147 098 человек [14].

Вопросы организации охраны общественного порядка и участие в ней комсомольцев и молодежи были обсуждены на пленуме Башкирского обкома ВЛКСМ в 1959 году. В документе отмечалось, что в течение последних трех лет в республике созданы и работают 823 штаба по охране общественного порядка для несения постовой и патрульной службы по поддержанию общественного порядка и борьбы с отрицательными проявлениями на улицах садах, парках, стадионах и других общественных местах создаются отряды общей численностью до 1 000 человек [12]. Отряды формировались штабами из числа комсомольцев, активистов и передовой молодежи, положительно зарекомендовавших себя на работе и в быту, физически здоровых, которые исходя из обстановки и местных условий привлекаются к выполнению возложенных штабом поручений. Для регламентации работы штабов и отрядов было утверждено специальное положение.

Штабы, помимо обеспечения охраны общественного порядка, проводили также профилактическую работу среди населения по предупреждению пьянства, хулиганства и аморальных проявлений, организовывали лекции, беседы, выступления по радио и другие формы общения.

Правоохранительные органы Башкирии продолжали выполнять и важные задачи по борьбе с кражами государственного и общественного имущества. Так, в 1957 году раскрываемость этого вида преступлений составила 72 %, что на 4 % больше чем в 1956 году. Сократилось количество краж из магазинов, баз, складов.

В 1957 году наибольшее количество краж имело место в Белебеевском, Караидельском, Куюргазинском, Абзелиловском, Бижбулякском, Баймакском, Иглинском, Чекмагушевском районах республики. Всего было совершено краж из 137 магазинов на сумму 637 тысяч рублей [12]. 26 июля 1966 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о создании Союзно-республиканского министерства охраны общественного порядка СССР, а новым министром был утвержден Н. А. Щелоков [9]. В этот период Башкирская АССР представляла собой один из крупнейших аграрно-индустриальных центров СССР. С 1962 по 1989 год бессменным руководителем МВД БАССР был В. Д. Рыленко [15]. С его приходом

начинается серьезная перестройка во всех территориальных органах внутренних дел республики.

Во второй половине 60-х годов прошлого века в городах Башкирской АССР формируются советы общественных пунктов охраны порядка. Для координации их правоохранительной деятельности образовывается специальный орган – совет общественного пункта охраны порядка, который утверждался решением исполнительного комитета соответствующего Совета народных депутатов.

Была развернута большая работа по активизации деятельности службы участковых инспекторов милиции. Значительный вклад по укреплению правопорядка в городах республики внесли М. Ф. Байбаков, С. Т. Даукаев, П. Я. Зайцев, П. И. Толстых и другие.

Передовик службы послевоенных лет участковый инспектор милиции ОВД Советского райисполкома города Уфы С. Т. Даукаев родился в 1918 году в деревне Казарма Кушнаренковского района БАССР. В 1937 году после окончания начальной школы в родном селе поступил в Кушнаренковское педагогическое училище. В сентябре 1939 году, завершив третий курс, был призван в ряды Красной армии. В 1940 году прошел обучение в школе младших авиаспециалистов Приморского края. В 1941–1946 годах участвовал в войне с Японией в составе 47-ого истребительного авиационного полка ВВС Вооруженных сил РККА. Фронтовик С. Т. Даукаев награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и др. В октябре 1948 года после службы в Советской армии С. Т. Даукаев аттестовался на службу участковым уполномоченным в городской отдел милиции № 5 города Уфы (впоследствии с 1969 года – ОВД Советского райисполкома города Уфы).

Постоянное взаимодействие с гражданами, поддержание правопорядка на вверенной территории, отработка преступного контингента и предупреждение правонарушений, в первую очередь, были основными составляющими служебной деятельности участкового инспектора С. Т. Даукаева. Современники отмечают его активную работу с общественностью: «Он устанавливал деловые взаимоотношения с администрацией, общественными организациями, советами профилактики, являлся инициатором многих совместных мероприятий, что значительно укрепило общественный правопорядок и способствовало снижению правонарушений». На его участке располагалось несколько гаражных кооперативов, где он был частым гостем. С. Т. Даукаев часто проводил у них собрания водителей, на которых он доводил до сведения автомобилистов вопросы соблюдения правил дорожного движения, поддержания автотранспорта в должном техническом состоянии и требования техники безопасности при выполнении ремонтных работ и хранении горюче-смазочных материалов в гаражах владельцев автотранспорта. Активную помощь участковому оказывали общественники. Так, внештатный сотрудник милиции А. Г. Аристов в отсутствие С. Т. Даукаева исполнял обязанности участково-

вого инспектора, а пенсионер Л. И. Баласик руководил работой совета «За здоровый быт». В совете общественности состояло 14 человек. Он был разбит на три секции: борьба с преступностью, рассмотрение бытовых жалоб и заявлений, борьба с детской безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних. Активисты на работе совета обсуждали поведение правонарушителей, готовили материалы на рассмотрение в товарищеский суд и решали другие текущие вопросы, связанные с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности. За безупречную службу в борьбе с преступностью и нарушителями общественного порядка, за мобилизацию сил общественности С. Т. Даукаеву неоднократно вручался переходящий вымпел «Лучший участковый уполномоченный милиции». Он многократно поощрялся благодарностями и почетными грамотами МООП БАССР, был награжден медалями «За отличную службу по охране общественного порядка», «50 лет Вооруженных сил СССР», «За безупречную службу» всех трех степеней, юбилейной медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и нагрудным знаком «Отличник милиции». В 1971 году, отслужив беспрерывно 23 года на одном административном участке Советского района города Уфы, капитан милиции С. Т. Даукаев ушел в отставку по выслуге лет.

П. Я. Зайцев, 1925 года рождения, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, награжден медалью «За отвагу» и «За освобождение Варшавы». В органах МВД служил с 1948 года. С 1953 года начал работать участковым уполномоченным 3 отделения (Ленинский район) милиции города Уфы и беспрерывно служил до 1982 года. В его послужном списке более 30 поощрений, среди них медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», которой награжден приказом МВД СССР № 512 от 10 декабря 1959 г. за достигнутые успехи в борьбе с уголовной преступностью и добросовестное выполнение служебного долга [5].

В 3 квартале 1967 года переходящий вымпел «Лучший участок города Уфы» и денежное вознаграждение в сумме тридцать пять рублей были вручены за лучшие показатели участковому уполномоченному отдела исполкома Орджоникидзевского райсовета депутатов трудящихся города Уфы младшему лейтенанту милиции П. И. Толстых. В приказе министра от 30 октября 1967 г. № 394 отмечается, что, опираясь на помощь Совета общественности «За здоровый быт», детской комнаты милиции на общественных началах и добровольную народную дружину, Толстых Петр Иванович активно проводил профилактическую работу среди населения, в результате чего добился снижения преступности на участке по сравнению с предыдущим периодом прошлого года в 3 раза, предупредил 6 преступлений в замысле, задержал 62 мелких хулигана и 43 человека за другие нарушения общественного порядка [4].

19 ноября 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции

и мерах по дальнейшему ее укреплению» [13]. В документе особое внимание было уделено повышению служебного статуса участкового инспектора милиции. Закреплялось важное положение об обязательном утверждении последних в исполкоме соответствующего местного Совета депутатов трудящихся [13; 8]. Назначение на должность участкового инспектора милиции и освобождение от нее, перевод на другой участок осуществлялся приказом начальника органа внутренних дел по согласованию с соответствующим местным органом исполнительной власти [9].

Подводя итоги, подчеркнем, что в изучаемый период проводилась действенная работа по организации работы участковых инспекторов милиции. Стали создаваться общественные пункты охраны порядка с привлечением отрядов народных дружин, которые участвовали в борьбе с правонарушениями.

Список использованных источников

1. Архив Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан далее (далее – Архив МВД по РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 44.
2. Архив МВД по РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 265.
3. Архив МВД по РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266.
4. Архив МВД по РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267.
5. Архив МВД по РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286.
6. Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8.
7. Исангулов Ш. Н. Борьба за здоровый быт населения в Башкирской АССР (1953–1964) // Ядкар. 2006. № 4. С. 97–102.
8. История Советской милиции. Т. 2. М., 1977. 338 с.
9. Милиция Челябинской области (1802–2002): страницы истории. Челябинск, 2002. 446 с.
10. Национальный Архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. 122. Оп. 47. Д. 422.
11. НА РБ. Ф. П–122. Оп. 81. Д. 37.
12. НА РБ. Ф. Р–394. Оп. 6. Д. 247.
13. НА РБ. Ф. Р–933. Оп. 9. Д. 1691.
14. Российская милиция. Краткая хроника (октябрь 1917 – 2000 гг.). Саратов, 2001. 287 с.
15. Рыленко В. Д. Я верно служил Родине и народу. Уфа, 2007.

© Хакимов С. Х.

Чернова Эльвира Рамилевна, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ГРАЖДАН В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. Государство, признавая право на охрану здоровья и медицинскую помощь конституционной ценностью, берет на себя обязательства по их защите и эффективной реализации. Автором отмечено, что реализация права на охрану здоровья человека зависит не только от его урегулированности законодательством Российской Федерации, обеспечения государством в лице его органов, но и непосредственно от самих граждан. В статье рассматриваются основные обязанности граждан в сфере охраны здоровья.

Ключевые слова: конституционное право, право на здоровье, обязанности, охрана здоровья.

Здоровье каждого человека представляет собой важнейшую конституционную ценность, право на охрану которой впервые было установлено после окончания Второй мировой войны во Всеобщей декларации прав человека.

Базисным правом человека является его право на жизнь, из которого вытекают все другие права, нацеленные на улучшение условий и качества жизни. В свою очередь, право на здоровье – это социальное право, выполняющее значимую роль в жизни человека, поскольку утрата здоровья влечет за собой потерю значения всех остальных благ.

Главной задачей здравоохранения Российской Федерации является обеспечение права граждан на получение доступной и квалифицированной медицинской помощи. Медицинская помощь оказывается государственными учреждениями, а, следовательно, ее оказание подчиняется строгим правилам и осуществляется в соответствии с установленными Правительством Российской Федерации федеральными программами, что должно гарантировать ее качество. Важную роль играет также и доступность, поскольку в настоящее время получение своевременной медицинской помощи, соответствующей условиям качества, является достаточно острой проблемой.

Реализация права на охрану здоровья человека зависит не только от его урегулированности законодательством Российской Федерации, обеспечения государством в лице его органов, но и непосредственно от самих

граждан, в связи с чем законодательством устанавливаются обязанности граждан в области охраны здоровья.

К основным обязанностям граждан Российской Федерации в сфере охраны здоровья относятся:

- 1) обязанность проявлять заботу в отношении своего здоровья;
- 2) проходить необходимые медицинские осмотры, а граждане, у которых выявлены заболевания опасные для окружающих, обязаны проходить обследования и лечение, предпринимать меры, направленные на профилактику заболевания;
- 3) при нахождении в лечебном учреждении и прохождении лечения граждане обязаны соблюдать режим и правила поведения пациента [2].

Гражданин, находящийся на лечении в медицинском учреждении, обязан соблюдать права пациента, к которым относятся: принятие необходимых мер к сохранению здоровья, своевременное обращение к персоналу за оказанием помощи, соблюдение режима, норм поведения, а также графика работы медицинских кабинетов.

Пациент ни в коем случае не может появляться на приеме в состоянии опьянения (наркотического, алкогольного), а при неяске должен своевременно уведомить об этом медицинское учреждение и лечащего врача.

При получении медицинской помощи пациенту необходимо подписать информированное согласие на возможное вмешательство и иные документы, необходимые учреждению, в обязательном порядке следует уведомить о возможных аллергических реакциях и противопоказаниях, а также сообщить все необходимые сведения для получения качественной медицинской услуги [1].

Законодательная регламентация обязанностей граждан в области охраны здоровья, безусловно, является значимым шагом. Однако существуют определенные проблемы, связанные с их реализацией среди которых можно отметить отсутствие механизма исполнения обязанностей и привлечения к ответственности за их неисполнение. Как правило, отсутствие государственно-принудительных мер приводит к неисполнению правовых норм.

Халатное отношение к своему здоровью, непрохождение медицинских осмотров, непринятие мер по профилактике заболеваний, ведение нездорового образа жизни приводят к заболеваниям, которые поздно выявляются, когда уже требуется дорогостоящее лечение, тем самым растет уровень инвалидности и смертности.

Разработка механизма исполнения установленных обязанностей представляется практически невыполнимой задачей. Несмотря на это, в некоторых зарубежных странах, например, Швейцарии, отказ от прохождения плановых осмотров увеличивает стоимость медицинской страховки, как следствие, оказание материального воздействия побуждает граждан уделять внимание своему здоровью [4].

Думается, что помимо совершенствования законодательства в сфере здравоохранения, важно выработать эффективные меры, оказывающие влияние на сознание граждан. Требуется сформировать у населения представление об основных компонентах культуры здоровья и здорового образа жизни, повысить мотивацию к его сохранению и воспитывать личную ответственность каждого за свое здоровье. Помимо этого, следует развивать и правовую грамотность, информировать граждан об имеющихся у них правах, а также обязанностях, возложенных на них, так как общество нуждается в ответственном отношении к здоровью каждого.

Советское законодательство длительное время не поддерживало первостепенность прав и свобод граждан, о чем свидетельствуют принятые в то время конституции. В мировоззрении граждан преобладали прежде всего интересы государства, а не ценность человека как личности. Конституция Российской Федерации 1993 года установила приоритет прав и свобод человека и гражданина, однако данная норма еще не проникла в сознание всех граждан, особенно это касается лиц, выросших на нормах советского права.

Правосознание современного гражданина должно складываться на базе представления о том, что он ценен, прежде всего, для себя. Для этого необходимо развивать осознание ценности себя в собственных глазах.

В нормах зарубежного права можно отметить более четкое регулирование правоотношений по оказанию медицинских услуг. Например, в Чехии установлены такие обязанности пациента, как: искренне сообщить сведения, необходимые лечащему врачу для оказания помощи, в период лечения не получать медицинскую услугу у другого представителя [3]. Такие обязанности недопустимы для российского законодательства, поскольку влекут за собой ущемление прав пациента как потребителя услуги. Однако специфичность рассматриваемой сферы возможно и требует наложения некоторых ограничений на пациента. Так, обращение к другому врачу во время прохождения лечения может повлиять на качество лечения и привести к неблагоприятным последствиям ввиду возможных различий в осуществляемых мероприятиях при лечении.

Законодательство Российской Федерации не налагает обязанности сообщить лечащему врачу информацию о состоянии здоровья и возможных аллергических реакциях на препараты, однако эти данные имеют важное значение, поскольку незнание врача об имеющихся реакциях на лекарственное средство или его компонент может нарушить план лечения и период восстановления, либо вообще привести к плачевным последствиям. При этом при причинении вреда в рассматриваемом случае и возникновении спора пациент вправе сослаться на отсутствие в законодательстве обязанности сообщать о себе какие-либо сведения.

Таким образом, законодательство Российской Федерации устанавливает не только права граждан в сфере охраны здоровья, но и обязанности. Однако существуют определенные недостатки, среди которых отсутствие

механизма исполнения обязанностей и привлечения к ответственности за их неисполнение. Как правило, отсутствие государственно-принудительных мер приводит к неисполнению правовых норм.

Государству следует принимать меры, направленные на развитие правосознания граждан, воспитание новых взглядов на отношение к своему здоровью. Заботу о своем здоровье, прежде всего, обязан осуществлять сам гражданин и нести ответственность за свои действия и решения.

Список использованных источников

1. Болоняева Н. А., Денисова Е. В. Обязанности пациента в отношениях с медицинской организацией: правовой аспект // *Здравоохранение Дальнего Востока*. 2017. № 4 (74). С. 18–22.

2. Пронина Е. Н. Юридическая обязанность граждан – заботиться о сохранении своего здоровья // *Актуальные проблемы управления здоровьем населения : юбилейный сборник научных трудов / под общ. ред. И. А. Камаева, В. М. Леванова*. Нижний Новгород, 2017. С. 281–284.

3. Сергеев Ю. Д., Михайлов И. А. Правовые последствия при неоказании медицинской помощи лицами, обязанными ее оказывать в России, Европе и США: сравнительный анализ // *Медицинское право: теория и практика*. 2017. Т. 3. № 2 (6). С. 498–501.

4. Эббинг Г. Р. Международные перспективы прав пациента и обязанностей врача: основные принципы и проблемы // *Медицинское право: теория и практика*. 2017. Т. 3. № 2 (6). С. 35–43.

© Чернова Э. Р.

УДК 342.4

Чернышев Дмитрий Борисович,
старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции

ПРАВО НА ОТКАЗ ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АКСИОЛОГИИ

Аннотация. Право не свидетельствовать против себя закреплено в конституции большинства государств. Тем не менее природа появления такого права не однозначна и противоречит объекту его правовой охраны. Автор полагает, что истинным объектом является субъективный интерес лица, противоречащий объективным общественным интересам, связанным

с правосудием: желание виновного лица избежать ответственности за совершенное преступление, а также желание свидетеля помочь ему в этом. Автор полагает, что указанный интерес является незаконным и не подлежит правовой защите.

Ключевые слова: право, отказ от показаний, иммунитет, интерес.

Свидетельский иммунитет, закрепленный в ст. 51 Конституции Российской Федерации, а также в конституциях большинства иностранных государств, сегодня воспринимается как неотъемлемое право человека. Однако правовая природа указанного права не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Основные правовые источники прав человека, имплементированные в соответствующие нормы Конституции Российской Федерации (Всеобщая декларация прав человека [1], Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [2], не содержит прямого указания на данное право. Лишь в Международном пакте о гражданских и политических правах можно обнаружить косвенное упоминание о таком праве, выраженное в форме запрета на принуждение к даче против себя показаний [3]. Ни один из международных нормативных актов не объясняет правовой и философской природы рассматриваемого права. При этом закрепленное в Конституции Российской Федерации право не свидетельствовать против себя наиболее часто применяется именно в контексте осуществления государственными органами репрессивной политики, связанной с уголовно-правовой охраной интересов личности, общества и государства.

Некоторые мотивы введения рассматриваемого права содержатся в отдельных решениях Европейского суда по правам человека. Среди прочих следует отметить имеющее прецедентное значение Постановление по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» [4]. В нем в качестве основных тезисов упоминается общепризнанный характер такого права, выражающего условие для справедливого разбирательства, защиту от принуждения, влекущего судебные ошибки, и, как следствие, нарушения принципа презумпции невиновности подсудимого.

Отечественные авторы, в частности председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, связывают право не свидетельствовать против себя с защитой человека от ложного выбора между лже-свидетельством и осуждаемым в обществе доношением [5].

Европейские авторы в обоснование появления рассматриваемого права приводят историческую потребность в защите человека от инквизиционной направленности процесса средневековой Европы [6]. А. Шайо связывает потребность в норме, закрепленной в ст. 51 Конституции Российской Федерации, с историческими событиями XX века – репрессиями, внесудебными расправами, а пытки и угрозы были распространенным способом получения самооговаривающих показаний [7].

Возражая против указанных доводов, отметим следующее. Прежде всего, вызывает сомнение общепризнанный характер права на свидетельский иммунитет. Полагаем, что суд в данном случае несколько превышает допустимые пределы толкования понятия «справедливое разбирательство», включая в него избыточное содержание. Традиционно под справедливостью в уголовно-правовых науках принято понимать соответствие характера деяния тяжести установленной за него ответственности. В международных правовых актах справедливость определяется как равенство участников уголовного процесса [8]. То же содержание вкладывают в понятие справедливости зарубежные философы, в частности Дж. Ролз [9]. Из этого следует, что Европейский суд в своем решении искажает понимание термина «справедливость».

Кроме того, можно не согласиться с упомянутым в рассматриваемом Постановлении суда общепризнанным характером права на отказ от дачи показаний. В частности, обращает на себя внимание наличие в законодательстве многих западных государств норм, ограничивающих указанное право. К таковым можно отнести ст. 434 Закона о компаниях Великобритании, устанавливающую ответственность за отказ лица, в отношении которого проводится государственная проверка, от ответов на любой из поставленных перед ним вопросов. При этом согласно ст. 436 того же закона не является уважительной причиной для отказа от показаний их инкриминирующий характер [10]. Некоторые международные акты также содержат примеры случаев ограничения рассматриваемого права. Так, рекомендация давать следственным органам полномочия по принуждению лиц, владеющих компьютерными системами, к предоставлению доступа к хранимым данным, в том числе инкриминирующим, содержатся в Рекомендациях Комитета министров Европы № R (95) 13 государствам-членам о проблемах уголовно-процессуального права, связанных с информационными технологиями [11]. Уголовно-процессуальное законодательство Германии предусматривает возможность применения в отношении свидетеля, отказывающегося давать показания, ареста с целью его принуждения к исполнению обязанности участника судопроизводства [12].

Таким образом, мировой практике известны случаи ограничения права на отказ от дачи показаний в интересах противодействия отдельным проявлениям преступности, представляющим повышенную опасность. Подобные исключения в решениях Европейского Суда по правам человека обосновываются необходимостью обеспечения правдивости показаний [13].

Определенные вопросы вызывает также абсолютный характер права не свидетельствовать против себя. Отдельные члены Европейского суда по правам человека разделяют молчание и несвидетельствование против себя на две категории – право и привилегию [14]. Доводы о том, что рассматриваемое право защищает от судебных ошибок и принуждения к самооговору, на наш взгляд, опровергаются самим фактом наличия судебного разби-

рательства, а также прямым запретом на применение пытки в ходе предварительного следствия.

Рассуждая о морально-этической стороне проблемы, согласимся с позицией судьи Европейского Суда по правам человека З. К. Мартенса, который полагает, что правдивые показания, даже полученные в результате принуждения, не могут ухудшить положение подсудимого [14]. Также можно привести пример получения от обвиняемого иных доказательств против его воли (образцы крови, ДНК, спермы, и т. д.). Очевидно сходство таких доказательств вины, полученных под принуждением, с показаниями, по причине того, что в обоих случаях воля обвиняемого не уважается, так как названные процессуальные действия вынуждают его содействовать своему осуждению. К данному перечню примеров можно также добавить процедуру опознания, когда обвиняемый, помимо своей воли, принимает участие в получении следствием инкриминирующих его доказательств [15].

Мотивы о недопустимости ущемления прав личности в интересах общества также видятся неоднозначными. Так, судья Н. Валтикос полагает, что это размывает чувство соразмерности, неверно расставляя приоритеты. Возведение в ранг абсолютной нормы права лиц не свидетельствовать в интересах своего обвинения делает общество беззащитным перед преступностью [16]. Судья З. К. Мартенс полагает, что объективная потребность общества в установлении истины по уголовным делам и в привлечении преступников к уголовной ответственности должна быть выше субъективной привилегии, охраняющей личность от самооговора [14].

Полагаем, что существующая в настоящий момент позиция относительно абсолютного характера права на отказ от дачи показаний основана на ошибочном понимании объекта его правовой охраны, который выражает правовой интерес [17]. Традиционно принято подразделять интересы на публичные «*necessitas publica*» и частные «*necessitas privata*» [18]. Первые характеризуются как общезначимые, выражающие интересы неопределенного круга лиц [19]. Следует согласиться с позицией авторов, что соблюдение публичного интереса является залогом обеспечения интересов частных [20].

Право на отказ от дачи показаний выражает интерес частный. При описании указанной правовой категории необходимо обратиться к таким понятиям, как «законный интерес» и «охраняемый законом интерес» [15]. Первый вид интереса можно определить как правовую возможность, закрепленную в виде конкретной правовой нормы, но не обеспеченную соответствующими юридическими обязанностями других субъектов [21]. Законный интерес реализуется путем правомерного поведения субъекта. Охраняемый законом интерес является самостоятельным объектом охраны и защиты и тождественен понятию права, что дает его обладателю возможность обращаться за защитой интереса к органам публичной власти [22].

Возвращаясь к норме ст. 51 Конституции Российской Федерации, отметим, что она относится к числу охранительных, защищает интересы граждан. Как отмечалось выше, частные интересы подразделяются на законные и незаконные. В свою очередь, законные интересы делятся на охраняемые и не охраняемые. Соответственно право на отказ от дачи показаний можно, согласно данной классификации, отнести к охраняемому законом интересу.

Далее необходимо ответить на вопрос, какой именно интерес охраняется в данном случае. Как нами отмечено выше, все объективные мотивы существования права на отказ от дачи показаний основаны на неоднозначных мотивах, которые нам видятся ложными. При этом сомнений не вызывает субъективный интерес, связанный со стремлением субъекта избежать ответственности, помешать сбору доказательств по уголовному делу и установлению объективной истины. Интерес свидетеля выражается в желании помочь преступнику избежать уголовной ответственности.

Полагаем, что истинной целью права на отказ от дачи показаний является не предоставление возможности уклонения от наказания, а исключение возможности привлечения невинного лица к ответственности. Сложно отнести к числу законных интересов стремление преступника избежать уголовной ответственности за совершенное преступление. Полагаем, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации охраняться законом должно лишь право на защиту от незаконного обвинения и осуждения. Таким образом, статьей 51 Конституции Российской Федерации охраняется право, базирующееся на незаконном интересе, направленном против интересов правосудия.

В связи с изложенным, полагаем, что право на отказ от дачи показаний не является абсолютным, основано на ошибочном представлении о его правовых и социальных предпосылках. Общественные интересы, объединяющие в себе частные интересы каждого члена общества, должны ставиться выше личных субъективных интересов, прямо противопоставляющихся общественным (в рассматриваемом случае – интересам правосудия), а защита от незаконного обвинения и осуждения должна обеспечиваться мерами прокурорского надзора и судебного контроля.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.10.2023).

2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 ноября 1950 г.) // The European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (дата обращения: 11.10.2023).

3. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 11.10.2023).

4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91). URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Saunders_v_the_United_Kingdom_17_12_1996.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

5. Комментарии к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М., 2013.

6. Отдельное совпадающее мнение судьи Уолша : постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91). URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Saunders_v_the_United_Kingdom_17_12_1996.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

7. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001.

8. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 11.10.2023).

9. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

10. Companies Act. 1985 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/6/contents> (дата обращения: 11.10.2023).

11. Рекомендации Комитета министров Европы № R (95) 13 государствам-членам о проблемах уголовно-процессуального права, связанных с информационными технологиями = Recommendation No. R (95) 13 of the Committee of Ministers to member states concerning problems of criminal procedural law connected with information technology : adopted on 11 September 1995. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDSTMContent?documentId> (дата обращения: 11.10.2023).

12. Головенков П., Спицына Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

13. Сервес (Serves) против Франции : постановление Европейского Суда по правам человека от 2 октября 1997 г. (жалоба № 20225/92) // Сайт Олега Анищика о подаче жалоб в ЕСПЧ – Европейский Суд по правам че-

ловека. URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/serves-protiv-francii-serves-v-france-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 11.10.2023).

14. Особое мнение судьи Мартенса : постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91).

15. Чернышев Д. Б. Охраняемый объект права на отказ от дачи показаний // Российский юридический журнал. 2019. № 6 (129). С. 51–61.

16. Особое мнение судьи Валтикоса : постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 1996 г. по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91).

17. Кийко Н. В. Проблема интереса как категории права // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 69–72.

18. Параскевов Н. Н. Уголовно-правовая охрана законных интересов : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2010. С. 14.

19. Шамшурин Л. Л. Об участии прокурора в разбирательстве гражданских дел: вопросы теории и практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 3. С. 11–17.

20. Субочев В. В. Законные интересы: основы теории // Государство и право. 2009. № 5. С. 15–22.

21. Минаков Г. Л. Законные интересы и их защита уголовно-правовыми средствами // Современное общество и право. 2014. № 1. С. 51–55.

22. Ромовская З. В. Судебная защита охраняемого законом интереса // Вестник Львовского университета. 1983. Вып. 22. С. 77.

© Чернышев Д. Б.

УДК 174(470)

Янбухтин Раиль Маратович, доцент кафедры социально-гуманитарных экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат социологических наук, полковник полиции

МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК И ПРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования и развития морального облика сотрудника органов внутренних дел. Раскрывается сущность этого понятия, выделяются его основные нравственные

качества, дается определение понятиям «моральный облик» и «качества сотрудника органов внутренних дел», выявляются основные условия развития у сотрудников определенных качественных характеристик. Поднимается вопрос о необходимости комплексного рассмотрения факторов и процессов, имеющих место быть как в самой системе МВД России, так и вне системы, в среде функционирования органов внутренних дел, выступающих в качестве важных основ развития нравственных качеств сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: моральный облик сотрудника органов внутренних дел, формирование, развитие, нравственные качества, личность сотрудника, нравственность, совершенствование, самосовершенствование.

На современном этапе развития российского общества и всей системы органов внутренних дел к числу актуальных проблем относятся формирование морального облика сотрудников, развитие нравственных установок и качеств сотрудников российской полиции, отвечающих нормам профессиональной этики и морали, ожиданиям общественности, граждан. Такие нравственные качества сотрудника, как мужество, честность, неподкупность, бдительность, скромность, во многом определяют качество выполнения профессиональных обязанностей и решение поставленных правоохранительных задач. Позитивный моральный облик сотрудника полиции оказывает влияние на помощь и содействие граждан сотрудникам полиции в решении поставленных задач, на уровень доверия населения к правоохранительному органу, а также формирование положительного образа полиции в общественном сознании.

Обращение к научной литературе, посвященной проблемам воспитания личного состава системы МВД России, формирования различных элементов культуры сотрудников, их морального облика, позволяет отметить, что в этой области исследований имеются проблемы теоретико-методологического характера, касающиеся морально-нравственных основ профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, сущности нравственного воспитания сотрудника полиции, его оснований, формирования и развития нравственного облика сотрудника правоохранительных органов (В. С. Бялт, С. Ю. Чимаров, Л. В. Мордовина, Д. С. Попов, Е. А. Мамай, В. В. Прокурова, Р. М. Янбухтин и др.).

Следует отметить, что рассмотрение вопросов формирования морального облика сотрудника органов внутренних, связанных с изучением теоретических основ, раскрытием сущности и природы этого сложного процесса, определением его основных элементов, развитием нравственного сознания личности сотрудника, совершенствованием его нравственных идеалов, ценностей, ориентаций и установок, требуют своего нового специального научного исследования, отвечающего современным вызовам и угрозам,

которые в настоящее время возникли в результате обострения мировых политических процессов.

В этой связи требуется вновь рассмотреть проблемные вопросы, касающиеся теоретических основ формирования морального облика сотрудника полиции, раскрытия сущности и природы его формирования, развития нравственных качеств личности сотрудника полиции.

Вместе с тем в научной литературе отсутствует четкое и ясное понимание того, что из себя представляет нравственный облик сотрудника органов внутренних дел. Так, одни исследователи полагают, что под данным термином можно понимать «устойчивую привычку к соблюдению и исполнению моральных норм, а также убежденность в их истинности и целесообразности применения» [2].

В соответствии с этим высказывается мысль, что «очень важным представляется именно элемент убеждения сотрудника органов внутренних дел в нужности и полезности профессионально-этических норм» [3]. Как считают ученые, требуется целенаправленная и непрерывная воспитательная работа с личным составом, направленная не только «на разъяснение им действительности нравственных и профессионально-этических норм, но и выработку необходимых мотивов соблюдения и исполнения этих норм».

Руководствуясь данной методологической позицией, исследователи делают соответствующий вывод о том, что «в процессе обучения и воспитания сотрудников органов внутренних дел следует уделять повышенное внимание разъяснению им профессионально-этических норм к служебному и внеслужебному поведению, формировать убежденность в истинности и целесообразности применения, а также выработать привычку их соблюдения и исполнения» [3].

Другие ученые считают, что в процессе формирования морального облика современного полицейского важную роль «играет воспитание дисциплины и взаимоуважения у сотрудников, их патриотизма и сознания огромной важности своей работы» [5].

Анализ этих и других работ также обнаруживает проблемы, связанные с четким выделением различных качеств личности сотрудника, включая нравственные. Так, в научной литературе, посвященной различным формам культуры сотрудников, исследователи выделяют такие качества полицейского, как «бесстрашие, целеустремленность, неподкупность, способность прийти на помощь даже в случае опасности для жизни и здоровья самого сотрудника» [1].

В других исследованиях, где рассматривается проблематика коммуникативной культуры сотрудников органов внутренних дел, одни ученые определяют такие личностные качества, как «стрессоустойчивость, коммуникабельность, умение применять психологические приемы общения, отстаивать свою точку зрения и вызывать доверие граждан...» [4], а дру-

гие – «ответственность, эмпатия, дипломатичность, терпимость, доминантность, критичность, предприимчивость и гибкость в межличностных контактах, а также конструктивный стиль межличностного взаимодействия» [6].

В свою очередь, поднимая вопрос о формировании и развитии морального облика сотрудника, полагаем, что необходимо определить исходные методологические основания в выделении группы качеств сотрудников органов внутренних дел, понимании их иерархии и координации, выяснении их сути и содержания.

С нашей точки зрения, следует исходить из методологической посылки философско-этического рассмотрения феномена качеств сотрудника органов внутренних дел как целостного образования или комплекса, среди которых важными и ключевыми являются духовно-нравственные качества сотрудников органов внутренних дел. Под этим понятием следует представлять модели нравственного поведения сотрудников полиции, целью которых выступают высшие идеалы и ценности. Для сотрудника органов внутренних дел в качестве одной из таких высших ценностей являются жизнь, здоровье, права и свободы человека.

При этом развитие нравственных качеств сотрудников органов внутренних дел связано с духовным совершенствованием и самосовершенствованием личности сотрудника и предполагает развитие его сознания и мировоззрения, воли, осознания важности нравственной рефлексии, роста профессиональной, правовой, эстетической и нравственной культуры.

Поднимая вопрос об определении основных нравственных качеств сотрудника органов внутренних дел, служащих в качестве определяющих при развитии высоких гражданских, профессиональных, психологических, правовых, эстетических качеств, к ним следует отнести такие качества, как мужество, честность, неподкупность, скромность, добросовестность, самоотверженность, трудолюбие, доброжелательность, верность, порядочность, благородство, жизнелюбие, сочувствие, отзывчивость.

Выделение и рассмотрение определенных качеств сотрудника полиции в системе его ценностных ориентаций и установок позволяют вести речь и о выборе им модели служебного поведения и общения. Определение именно нравственных качеств сотрудника органов внутренних дел позволяет не только ставить вопрос о развитии у сотрудников определенных качественных характеристик, но и комплексно и системно подходить к управлению процессом формирования морального облика сотрудника органов внутренних дел.

Заметим, что в структуре морального облика сотрудника могут быть выделены не только положительные, но и отрицательные нравственные качества, которые несовместимы с требованиями службы и ценностями, а также нормами профессиональной морали.

В заключение рассмотрения вопроса стоит подчеркнуть, что моральный облик сотрудника органов внутренних дел представляет собой целый комплекс профессионально-нравственных значимых качеств, формируемых и реализуемых в процессе правоохранительной деятельности, повседневном служебном и внеслужебном поведении и общении. Раскрытие сущности этого сложного процесса позволяет актуализировать вопрос о необходимости комплексного рассмотрения факторов и процессов, имеющих место быть как в самой системе МВД России, так и вне системы, в среде функционирования органов внутренних дел, выступающих в качестве важных основ развития нравственных качеств сотрудника органов внутренних дел.

Список использованных источников

1. Беседа И. И. Особенности сущности правовой культуры сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 27–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-suschnosti-pravovoy-kultury-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-rossiyskoj-federatsii/viewer> (дата обращения: 09.10.2023).

2. Бялт В. С., Трипутин С. Н. Актуальные проблемы профессионально-нравственного воспитания в образовательных организациях системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 196–200.

3. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. К вопросу о формировании нравственного облика сотрудников органов внутренних дел // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 11-3 (74). С. 80–82. URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2023/01/Byalt4.pdf?ysclid=Invadpb6he954180399-> (дата обращения: 09.10.2023).

4. Мантуров О. С., Ганага В. С. Коммуникативные компетенции сотрудников полиции в цифровом пространстве // Полицейская деятельность. 2020. № 5. С. 1–17.

5. Мордовина Л. В., Попов Д. С. Моральный облик сотрудника полиции и его отражение в общественном мнении. Электронное научное издание «Аналитика культурологии». URL: <http://www.analiculturolog.ru> (дата обращения: 09.10.2023).

6. Титова О. И., Поршук А. С. Профессионально-коммуникативная компетентность сотрудников правоохранительных органов и подходы к ее развитию посредством психологического тренажера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 69–75.

© Янбухтин Р. М.